Борис Леонов

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

воспоминания современника

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга литературного критика Бориса Леонова — это коллективный портрет литераторов, действовавших в советскую эпоху. В этом собрании анекдотических, иногда трагикомических историй «властители дум», «инженеры человеческих душ» представляют себя с непарадной, «изнаночной» стороны, скрытой от глаз обычного человека. Неизвестно, все ли в этих историях, которые они рассказывают друг о друге, правда, но дух времени, колорит эпохи они, безусловно, передают.

- Борис Леонов
  - Объяснительная записка
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30

- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74

- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162

- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206

- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250

- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294

    - 295
    - 296
    - 297
    - Пост скриптум
- comments
    - 1

Борис Леонов
История советской литературы. Воспоминания современника

Объяснительная записка

Было это давно.

В одном из армейских клубов проходила встреча воинов с писателями.

Выступал на ней и Павел Ильич Федоров — автор известного в свое время романа «Генерал Доватор», в котором он рассказывал о прославленном командире кавалерийского корпуса. Под его командованием Федоров служил командиром конного взвода разведки.

Отвечая на вопрос, как он стал писателем, Павел Ильич сказал:

— Когда был юношей, мне казалось, что писатель — это существо волшебное, если хотите, божественное. А когда после тяжелого ранения оказался перед выбором, как жить дальше с пользой для Родины, решил взяться за перо. А уж когда взялся за перо, понял, что писатель…

Кто-то из собратьев по перу тут же продолжил:

— Тоже человек.

Зал оценил шутку.

И с этого момента встреча стала более доверительной, более теплой.

Тогда-то и подумалось: а сколько всяких таких казусов, розыгрышей, баек живет в писательской среде, являясь пока как бы не невостребованным фольклором?! А между тем в каждом из подобных случаев, эпизодов просвечивается доброе начало в тех, кого нередко не только Федоров, но и мы с вами считала если не небожителями, то уж во всяком случае некими затворниками, скрытыми от людских глаз. А им оказывается ничто человеческое не чуждо: потому-то они и шутят, и подначивают друг друга и присочиняют про себя и про других.

Вот тут-то и родилась мысль не только поведать об уже известных мне байках из жизни писателей, но и продолжить целенаправленно собирать их: ведь они могут быть интересными для многих. Больше того, продолжал я свои размышления, на их основе можно написать своеобразную историю литературы. Неофициальную, не академическую, а как бы для личного пользования. А для этого ту или иную байку, тот или иной забавный случай, происшедший с каким-нибудь писателем, «загрузить» известными или неизвестными, но жизненными фактами из его биографии, так или иначе увязать имя писателя с временем, в котором он жил и работал, с литературным процессом, в котором он участвовал.

Вспомнились и студенческие годы, когда профессора, читавшие нам лекции по русской классике, нередко включали в них рассказы о «приключениях» в жизни классиков. И эти самые «приключения» как бы снимали с облика гения елейный глянец, делали его в чем-то простым, близким тебе человеком.

По прошествии многих лет у меня набралось изрядное количество баек, историй, случаев из жизни классиков и современников, которыми, решил я, вполне можно поделиться с читателями.

Готовя рукопись, я не изобретал никакого композиционного хода в ее построении, не располагал истории эти в хронологическом или тематическом порядке. Просто каждая байка, только что услышанная, являлась под следующим номером в рукописи. Поэтому работа моя не претендует ни на хронологическую точность, ни на жизненную достоверность, правда, за исключением тех сведений из биографий писателей, которые я сообщаю в представлении каждого.

Многие «герои» моей «истории литературы» не вошли в учебники и учебные пособия, хотя, может быть, и заслуживали того. Но ведь учебник — не библиотечный каталог. И потому явившись в качестве персонажей истории для личного пользования, они расширят наше представление о богатстве литературной жизни минувших десятилетий, а то и столетий.

Вот собственно и все. А дальше — обещанные рассказы…

1

В Ростове-на-Дону проходило региональное совещание партийных и советских руководителей по проблемам развития сельского хозяйства. Значимость мероприятия подчеркивалась участием в нем Подгорного Николая Викторовича, который в то время был Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Местное руководство тоже отметило важность совещания приглашением в президиум своего знатного земляка — Михаила Александровича Шолохова.

И вот слово предоставили Подгорному, который, мягко говоря, не отличался особой деликатностью. Он без обиняков обрушился с критикой в адрес руководителей тех районов, в которых, по его мнению, из рук вон слабо выполняли директивы ЦК по развитию сельского хозяйства.

Войдя в критический раж, неожиданно повернулся к Шолохову:

— Кстати, товарищ Шолохов. Дела плохи не только на селе, но и в литературном хозяйстве. Нет среди вас, писателей, Горького, и нет порядка…

Шолохов не остался в долгу и тут же отозвался:

— Ну и вы, Николай Викторович, не обижайтесь. Среди вас в руководстве нет Ленина, потому и дела в стране в очень большом непорядке. Я слышал, что вы, как бывший директор пищевого института, хорошо готовили рыбную уху. Вот и совершенствуйте свое мастерство, а мы уж в литературе сами разберемся…

В зале наступила мертвая тишина.

Подгорному стало плохо. Когда его привели в чувство, Шолохов заметил, обращаясь к залу:

— Вот видите, дорогие товарищи, чуточку правды сказал представителю руководства страны, ему сразу стало плохо. А если по существу говорить обо всех ошибках в руководстве, то не дай Бог он еще умрет…

2

С автором известных песен «Подмосковные вечера», «Школьный вальс», «С чего начинается Родина» и других Михаилом Львовичем Матусовским я познакомился во время одной из писательских поездок.

Скромный, интеллигентный человек, он рассказывал мне о своем детстве, о родителях, о товарищах по Литературному институту имени ни А.М.Горького, в котором особо дружил с Константином Симоновым. У них даже в год окончания института — 1939 — вышла совместная книга. Называлась она «Луганчане», то есть как бы посвящалась землякам Матусовского: ведь он был родом из Луганска. Там он окончил строительный техникум, там же начал писать стихи.

— В Москву я приехал с целым чемоданом стихов, полагая, что завалю все редакции своими сочинениями. Но уже на первых семинарах в литературном институте товарищи моя не очень-то оценили результаты моей плодотворной творческой деятельности: надавали таких подзатыльников и зуботычин, что я долго не мог прийти в себя….

Из многих его рассказов о себе особо запомнился этот…

Однажды в его комнате раздался телефонный звонок.

Женский голос сообщил: «С вами будет говорить Маршак».

Самуила Яковлевича он нередко встречал на общих выступлениях перед читателями, но близко не был знаком. И потому было неожиданно, что Маршак лично звонят ему.

— Снимаю трубку и слышу: «Дорогой мой, хочу попросить вас об одной любезности. Не в службу, а в дружбу. Сегодня у меня назначена встреча с читателями на избирательном участке. Но подводит сердце. Не могли бы вы меня выручить и выступить вместо меня?»

— Я оторопел, — продолжал Михаил Львович. — Заикаясь, ответил, готов хоть сейчас. Но вопрос в другом: согласится ли публика на такую замену?

— Не понимаю, — подал голос Маршак.

— Ну как же. Избиратели, прочитав в пригласительных билетах о встрече с Маршаком, приведут с собой детей. И что я с ними буду делать?

— Это исключено, — категорически заявил Самуил Яковлевич. — В билетах ясно указано: встреча с избирателями, а не с детьми избирателей. Я очень рад, голубчик, что вы быстро откликнулись на мою просьбу.

— В назначенный час я приехал по указанному адресу на

избирательный участок. И только приоткрыл парадную дверь, понял, что был прав: подъезд был наполнен детским писком, напоминавшим птичьи базары. Молодые люди пришли на встречу с автором «Мистера Твистера» и «Человека рассеянного». Для меня это была первая встреча с подобной аудиторией.

И вот я появился на сцене. И первое, что услышал, был детский голосок: «Смотри, дядя Маршак приехал». Я тут же, наверное, напрасно отреагировал: «Ребята, я — не Маршак».

Зал оглушительно откликнулся стоном разочарования.

Тут же я поправился: «Но я тоже пишу стихи и сейчас прочту вам их».

Но зал уже не реагировал на мое предложение. Он продолжал неодобрительно шуметь, гудеть, а некоторые сорванцы даже пробовали освистать «лже-Маршака».

И как я ни пытался увлечь ребят своими смешными, как мне казалось, историями, этого сделать не удалось…

Вечером того же дня я позвонил секретарше Самуила Яковлевича, справился о его здоровье. Узнав, что ему лучше, я попросил передать Самуилу Яковлевичу, что в следующий раз охотно выполню любую его просьбу кроме одной, никогда не буду замещать Маршака.

3

Поэт Владимир Павлович Туркин рассказывал, как однажды в Доме литераторов, где он сидел за ресторанным столиком и вкушал закуску с небольшим графинчиком «Столичной», подошел к нему Павел Николаевич Шубин и попросил налить рюмочку. За это обещал поведать одну из самых интересных историй, случившихся с ним в жизни.

Но прежде, чем он расскажет эту историю, хочу в свою очередь сказать, что о самом Павле Николаевиче Шубине я услышал из уст Александра Александровича Коваленкова, который вел в Литературном институте семинар поэзии, а я работал доцентом кафедры советской литературы.

Так вот Александр Александрович вспомнил, как однажды лунной ночью, на прогулке Шубин читал:

… Мы в сад входили. От незримых дел
Он, словно улей, целый день гудел:
Дрались жуки, за мухой стриж летел,
Шли муравьи войной в чужой предел.

Давным давно, ветрами обнесен,
Замолк тот сад. Но памятью спасен.
Как первый вздох, как звон души сквозь сон
В моей душе не умолкает он…

— Прочитав эти строки, — говорил Коваленков, — Шубин пошутил: «Смотри, в лесу ни одна елка не шелохнется. Заинтересовались елки».

— Они глядят на тебя и удивляются: откуда что берется? — подхватил шутку Коваленков.

На это Шубин серьезно сказал:

— Берется от них, от земли, по которой мы с тобой топаем…

Но вернемся в ресторан Дома литераторов.

Туркин исполнил его просьбу и услышал из уст Шубина следующее. — Ты же знаешь, Володя, какое впечатление на слушателей изводят мои стихи?! Люди буквально обалдевают и потому почти не контролируют свои поступки. Точно так повела себя кают-компания на академическом судне, куда пригласили меня на встречу. Я был в ударе. Люди провозглашала тосты в мою честь. Вино, как сказано, лилось рекой, сосед наливал соседу, не забывали и меня грешного. И не помню, как все завершилось и

чем все закончилось в кают-компании.

Только чувствую, что-то ласковое гладит мне щеку. Открыл глаза. Это луч солнца, проникнув через штору, оказался на моем лице. Приподнялся. И мне стало не по себе: мои слушатели спали, да так, словно были без чувств.

Я поднялся. Потихоньку выбрался на свежий воздух. Такого ясного неба не видел никогда. Солнце было горячим. Я глянул вперед по курсу и… О, ужас! Мы мчались прямо на какой-то песчаный остров, окаймленный темным лесом из пальм и кокосов. Поднимать команду нет смысла. Да и вряд ли это можно было сделать.

До слуха неожиданно долетели звуки тамтама. Я вгляделся и увидел танцующих в диких плясках туземцев с копьями и щитами.

В это время судно наше на полном ходу вонзилось, как нож в масло, в песчаный берег. Я спрыгнул на песок и пошел навстречу туземцам, которых до сих пор в ряде произведений о кругосветно-путешествующих зовут не иначе, как дикарями.

Ответственный за случившееся с командой, я решил всю меру ответственности взять на себя и испить до конца все, что выпадет на мою долю. Тем более популярность не подводила меня никогда в самых отдаленных уголках, где меня либо узнавали, либо просто знали по стихам. Но тут был остров, туземцы. Как-то все произойдет?!

Вижу: один из них, весь в перьях, с копьем и мечом двинулся мне навстречу. Не доходя по шагу каждый, мы остановились, внимательно вглядываясь друг в друга. В глазах туземца мне показалось какое-то удивление. Он, переложив копье в левую руку, протянул мне правую и, видимо, представился:

— Тамбу Ламбу.

В ответ я тоже протянул руку:

— Шубин.

Он как-то странно вздрогнул и удивленно спросил:

— Павел?!

4

— Ваще сказать, я раньше один за весь Союз писателей России работал, — откровенничал Павел Филиппович Нилин, автор известных повестей «Жестокость», «Испытательный срок», сценария к фильму «Большая жизнь». — Правда, — уточнял он, — руководил я строго. По телефону.

Приходил к себе в кабинет, вешал пиджак на стул и сразу же набирал телефон какой-нибудь периферийной организации. Представлялся: «С вами, ваще, говорит заместитель генерального секретаря Союза писателей СССР, члена Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, депутата Верховного Совета СССР, лауреата Сталинской премии Фадеева Александра Александровича Павло Нилин…» Но, как вы понимаете, до Павла дело не доходило. Чувствовал, что на том конце провода уже стояли и требовали необходимых указаний и приказаний.

Однажды так руковожу, а дверь в кабинете была приоткрытой. Смотрю — в дверях Фадеев. Я тут же в трубку:

— Ваще, я вам потом перезвоню.

Обращаюсь к Фадееву:

— Александр Александрович, проходите.

— Позвольте? — спросил он, входя и застегивая пиджак.

— Конечно, конечно… А в чем дело, что вы, Александр Александрович?!

— Да понимаете, Павел Филиппович, как услышал вашу должность, сразу оробел…

5

Не то в 1969, не то в 1970 году в канун Нового года позвонили мне из Бюро пропаганды художественной литературы и попросили принять участие в творческом вечере писателя Михаила Семеновича Бубеннова. Мне предлагалось вести этот вечер и сказать вступительное слово о самом писателе и его романах «Белая береза», «Орлиная степь» и «Стремнина». Вечер должен был состояться в клубе табачной фабрики «Ява».

Там-то и познакомился с писателем, роман которого «Белая береза» вошел в 1940-х годах в число моих любимых книг, среди которых были «Два капитана» В.Каверина, «Повесть о настоящем человеке» Б.Полевого, «Порт-Артур» Н.Степанова, «Строговы» Г.Маркова, «В окопах Сталинграда» В.Некрасова, «Честь смолоду» А. Первенцева.

После удачно прошедшего вечера вместе пошли к метро. По пути разговорились. И я, пользуясь доверительной атмосферой общения, спросил у Бубеннова про Тихона Захаровича Семушкина, главной книгой которого явился роман «Алитет уходит в горы», в котором он поведал о жизни чукчей, зная ее не понаслышке, а проведя в этом краю многие годы жизни учителем. Там, на Чукотке, он занимался собиранием фольклора, обрядовых форм, характерных особенностей древней этнической культуры. И там же он наблюдал, как в жизнь этого народа входила социальная новизна, которая пришла на эту землю вместе с октябрьской революцией.

Михаил Семенович подтвердил, что он хорошо знал Тихона Захаровича. И тогда я решился спросить: а правда ли то, что рассказывают о них в писательских кругах.

— И что же рассказывают? — поинтересовался Бубеннов.

Я поведал ему услышанное.

Когда оба получили Сталинские премии — Семушкин за «Алитета», а Бубеннов за первую книгу романа «Белая береза», решили как следует отметить это событие. Зафрахтовали пароход и отправились с цыганами, оркестром и фейерверком вниз по Волге.

Днем, когда корабль шел, отдыхали. А вечером приставали к какой-нибудь пристани и начиналось пиршество, на которое сбегались жители прибрежных деревень. На дворе был август, шла уборочная страда. А люди бросали трактора, комбайны, жатки и мчались к писательскому пароходу, проводили тут всю ночь и на следующий день у них не было сил выйти в поле. До работы ли тут после фейерверка, плясок и песен?!

Местные власти стали возмущаться.

Сообщили Сталину, что московские писатели срывают уборочную. Вождь повелел снять их с парохода, доставить в Москву и на заседании секретариата Союза писателей разобраться с разгулявшимися лауреатами.

Так и поступили.

В Саратове сняли их с парохода и на поезде отправили в Москву.

Семушкина с вокзала увезли в госпиталь, а Бубеннова — на секретариат.

— Ну что вы там, как разгулявшиеся купчики, затеяли? — спросил Фадеев.

Бубеннов угрюмо молчал.

— А что бы сказал Алексей Максимович Горький, если бы узнал про ваш кутеж? — вскочил Федор Гладков и покрутил пальцем возле лица Бубеннова.

Разговор явно не получался.

— Что бы сказал Алексей Максимович, — снова вскочил Гладков.

Но его остановил грозный рык Бубеннова:

— Ну хватит, Федор Васильевич! Надели пиджак Горького, а рукава-то длинны.

Все засмеялись, а Фадеев махнул рукой:

— Ну ладно. Все ясно. Разобрались и указали товарищам…

Выслушав мой рассказ, Бубеннов заметил:

Напридумают же… Но интересно!

6

Рассказывал Валерий Павлович Друзин. Он возглавлял кафедру советской литературы в Литературном институте, куда я прошел по конкурсу на должность доцента. Он вообще-то был фигурой значимой. В свое время его назначили на должность главного редактора журнала «Звезда». Это случилось после известного постановления ЦК партии 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград», когда были подвержены остракизму Анна Ахматова и Михаил Зощенко.

В конце пятидесятых годов, когда формировался Союз писателей России Леонид Сергеевич Соболев пригласил его в первые заместители Председателя Союза, коим стал сам. А вскоре Всеволод Кочетов, став главным редактором «Литературной газеты», вспомнил про своего шефа по «Звезде», где сам работал заведующим отделом прозы, и сделал Валерия Павловича своим первым заместителем.

Так вот Валерий Павлович рассказывал, как однажды группа молодых иркутских поэтов, в которую он входил, приехала на выступление перед рабочими одного предприятия.

Прежде чем выйти на сцену, к профработнику предприятия, который должен был представлять поэтов, обратился Джэк Алтаузен.

— Вы только не перепутайте мою фамилию, — сказал он. — Часто путают. Так и объявляйте: выступает известный поэт Джэк Алтаузен.

Потом опять предупредил профработника. И еще раз.

— Не волнуйтесь. Так и объявлю.

— Не забудьте: Джэк Алтаузен, Джэк Алтаузен…

А потом отправились на встречу с рабочими.

Поприветствовав от лица всех собравшихся дорогих гостей, профработник объявил:

— А сейчас, товарищи, выступит известный поэт Джэк… Шимпанзе…

7

На даче у Веры Михайловны Инбер, автора известной поэмы «Пулковский меридиан» и ленинградского дневника «Почти три года», трудилась бригада строителей: делали ремонт дома.

И вот в обеденный перерыв они вышли на переделкинскую улицу.

Кто-то из прогуливавшихся писателей спросил:

— Ребята, ну как Вера Инбер?

Пожилой рабочий ответил:

— Сам-то Веринбер ничего, но жена у него — мегера…

8

Однажды Ярослав Васильевич Смеляков, которого многие знают по стихам «Красивая девушка Лида», «Когда заболею, к врачам обращаться не стану» и многим другим, председательствовал на Пленуме Московской писательской организации.

Открывая пленум, он сказал:

— За последние годы мы потеряли наших товарищей по поэтическому цеху…

Перечисляя ушедших из жизни поэтов—москвичей, он назвал имя Сергея Сергеевича Наровчатова.

Вдруг из зала послышалось:

— Так я же вот он… Я живой.

Глянув в зал, Смеляков спокойно произнес:

— Да какой ты живой?! Прошу почтить память…

9

Парторг МГК при Московской писательской Организации Аркадий Васильев, написавший в свое время роман «В час дня, ваше превосходительство», выступал перед собранием Писателей и выкладывал негативные примеры поведения коллег за рубежом.

В частности, он сказал:

— Вот поэт Рудольф Бершадский, будучи в Конго, продал банку черной икры за двадцать долларов. Какой тут возникает вопрос?

Кто-то из зала крикнул:

— Где он икру достал?..

10

Писатель Василий Петрович Росляков, перу которого принадлежит одна из искренних повестей о минувшей войне «Один из нас», пригласил на заседание секции прозы московских писателей, которую он тогда возглавлял, Георгия Мокеевича Маркова, чтобы тот поделился своими размышлениями о жизни и литературе. Не как первый секретарь Союза писателей страны, а как автор известных романов «Строговы», «Соль земли», «Сибирь».

В разговоре Георгий Мокеевич вспомнил о том, что у него в Сибири остался в живых дядя Вася. Приезжая на родину, он непременно встречается с ним. И нынче тоже повстречался с дядей Васей. Выпили по рюмке. И вдруг дядя Вася спросил племянника:

— Георгий, в Москве-то на охоту ходишь?

— Да какая там охота… Времени нет.

— Ну, может, на рыбалку ходишь?

— И на рыбалку не хожу, дядя Вася.

— Ну хоть в лес-то ходишь?

— И в лес не хожу. Дядя Вася помолчал и сказал:

— Ты гляди, Георгий, в Москве-то одичашь…

11

Автор поэмы «Зоя» Маргарита Иосифовна Алигер вспомнила про случай из жизни Маршака. Проводив семью в эвакуацию, он добился разрешения оставить при себе домработницу Розалию Ивановну. Она была немкой. А всех немцев по известным причинам из Москвы, к которой приближался враг, выселили. Власти пошли на встречу Маршаку поскольку он был одним из ведущих авторов «Окон ТАСС».

Но Маршак и в этих условиях оказался Маршаком. Когда во время очередной воздушной тревоги он находился дома, то непременно подходил к двери комнаты Розалии Ивановны, стучался в нее и говорил: «Розалия Ивановна, ваши прилетели!»

12

Выступая на писательском собрании, Ярослав Васильевич Смеляков поделился случаем из жизни, который, по его словам, навсегда отбил охоту козырять своим членством в Союзе писателей.

— Помните, в 1960 году в Парке культуры имени Горького были выставлены для всеобщего обозрения обломки сбитого самолета-разведчика «Локхид У-2», пилотируемого американцем Пауэрсом? Решил поглядеть на них и я. Пришел в Парк, а там длиннющая очередь таких же, как и я, жаждущих. «Нет, — подумал. — Стоять здесь у меня нет ни времени, ни желания». Подошел к сержанту милиции, следившему за порядком в очереди, и сказал: «Я писатель. Прошу пропустить меня, поскольку очень дорого время». Протянул ему свой писательский билет.

Молодой сержант молча осмотрел документ и, возвращая его, сказал мне:

— Все верно, Ярослав Васильевич. Вы писатель. А писателю надо жизнь изучать. Становитесь в очередь…

13

В 1972 году ко мне обратились из Калининградского книжного издательства с предложением написать предисловие к избранному Юлии Владимировны Друниной. После моего согласия позвонила сама Юлия Владимировна и попросила на предварительном этапе подготовки сборника «Светлокосый солдат» просмотреть его состав. И тогда я увидел, как тщательно, как придирчиво она формировала сборник, который вышел в свет в 1973 году.

А вскоре она позвонила и сказала, что вместе с мужем Алексеем Яковлевичем Каплером приглашают меня в Дом литераторов, чтобы отметить выход избранного.

При встрече она вручила мне книгу с трогательным автографом: «Борису Леонову — от автора с благодарностью не только за хорошие слова, но и за то, что сказаны они так талантливо. Юлия Друнина. 22 ноября 1973».

Вел наше застолье Алексей Яковлевич. Он вспоминал интересные случаи из жизни, давал любопытные характеристики своим друзьям и товарищам. Мой давний друг писатель Виталий Гузанов учился в мастерской Каплера во ВГИКе и все грозился расшифровать хранящиеся у него в тетради рассказы Алексея Яковлевича. Но так и не сделал этого, оставив наш бренный мир.

А в том, что Каплер был мастером устного рассказа, я убедился в тот единственный вечер общения с ним. Не помню всего из рассказанного этим обаятельным человеком, но одно его повествование о том, как в годы войны они, авторы фильма «Ленин в Октябре» — Михаил Ромм, Борис Волчек и он, Алексей Каплер, — на протяжении месяца по очереди оказывались в маленьком городке, освобожденном в результате Ясско-Кишиневской операции, запомнил хорошо.

Первым в городке оказался с киногруппой Михаил Ромм.

Естественно, захотелось немножко расслабиться. Попытки достать что-нибудь из спиртного завершились неудачей.

Служители гостиницы подсказали:

— А вы к коменданту города обратитесь. Все у него под контролем. Он из летчиков. Не очень сговорчивый. Но вам, Михаил Ильич, он не откажет.

Пришлось Михаилу Ромму выстоять большую очередь на прием к коменданту. Наконец, он вошел в кабинет и представился:

— Ромм.

— Ну и что? — спросил комендант.

— Я Михаил Ромм, кинорежиссер.

— Михаил Ильич? — вскочил майор. — Это вы поставили фильм «Ленин в Октябре»?! Это же самый любимый мой фильм! Вот уж никогда не думал, что встречусь с вами.

Пережив эмоциональный всплеск коменданта, Михаил Ильич поведал ему о том, что привело его в этот кабинет.

— Да о чем говорить! — воскликнул майор. — Конечно же, отпустим вам лучшего вина. Десять бутылок. Нет, за этот фильм — двадцать бутылок.

Эту цифру он вывел в своей записке, адресованной к заведующему винным складом…

Через неделю в городке оказалась группа операторов, среди которых был Борис Волчек. История повторилась. По наводке сотрудников гостиницы он тоже оказался на приеме у майора. Правда, его представление себя как автора фильма «Ленин в Октябре» вызывало недоверие у коменданта:

— Ну, вы скажете. Автор-то Ромм Михаил Ильич. А он уже побывал в нашем городе.

— Верно, — подтвердил Волчек. — Он — режиссер фильма, а я — оператор, снимал фильм.

После некоторого раздумья майор начертал записку, чтобы тов. Волчеку отпустили 20 бутылок вина…

И надобно было случиться, что буквально несколько дней спустя в этом же городке пришлось очутиться и ему, Алексею Яковлевичу Каплеру. В поисках «живительной влаги» он прошел тот же путь, что и его товарищи.

Представляясь коменданту, он назвал себя тоже автором любимого майором фильма. Тот недоверчиво глянул на посетителя:

— Ну да, скажете тоже, у меня уже побывали авторы — Ромм и Волчек.

— Все верно, — поддержал коменданта Алексей Яковлевич. Один — режиссер. Другой — оператор. А я — автор сценария. Могу подтвердить свою персону удостоверением.

И протянул документ коменданту.

Тот повертел «корочки» удостоверения, потом закрыл его и решительно двинул «корочки» в сторону автора сценария:

— Ну вот что, товарищ Каплёр… По этому фильму все выдано…

14

Мой друг поэт Евгений Александрович Антошкин, автор многих поэтических книг, среди которых итоговые «Золотая ладья» и «Новый век», рассказал, как однажды во время творческой командировки он вместе с писателем Юрием Рытхэу оказались в аэропорту, набитом до отказа пассажирами.

— Слушай, пойдем в депутатский зал? — предложил Юрий Сергеевич.

Так они и поступили.

Вошли в тихий и спокойный зал. Но тут же из полумрака перед ними возник человек и спросил:

— А вы депутаты?

Рытхэу, выдержав паузу, спокойно ответил:

— Мы выше… Мы избираем депутатов…

15

В «Березках» — доме отдыха издательства «Молодая гвардия» проходило закрытие семинара молодых писателей.

На банкете по этому случаю выступал Егор Александрович Исаев, которого знали по поэмам «Суд памяти» и «Даль памяти». Ему то и дело по ходу долгой речи приходилось отвлекаться на реплики бесцеремонного семинариста.

Наконец, он не выдержал и возмущенно заявил тому:

— А ты выйди из-за стола и из литературы тоже!..

16

Любопытный рассказ услышал я от Василия Петровича Рослякова. Речь шла о том, как он обустраивал свой дом в Судогде, Владимирской области. Купил он его для летнего проживания и работы.

Дом был еще крепкий, но требовал кое-какого ремонта.

— Надо было сменить один венец сруба, поменять несколько стропил, починить веранту. То есть нужны были стройматериалы. А в деревне таковых не оказалось.

— Иду, — рассказывает Росляков, — грущу.

Вижу мужики на заваленке сидят, покуривают молча.

Я подошел, поздоровался и обратился к ним с просьбой помочь. Представился, сказал, что хочу, мол, тут жить. Надо дом поправить, а ничего из дерева достать не могу. «Может, у вас что есть, мужики? Я рассчитаюсь. Помогите».

Сидят мужики, покуривают. Глазки щурят от дыма козьих ножек. Потом один из них пригасил окурок о сапог, бросил на землю и растер. Когда я повторил свою просьбу, сказал:

— Вобщем так, Петрович. Пока магазин открыт, думай…

Через некоторое время я принес из сельпо несколько бутылок водки, десяток граненых стаканов, буханки две хлеба и здоровенных соленых огурцов.

Когда мужики выпили по второму стакану, занюхав корочкой хлеба, опять закурили и «разговорчивый» предложил:

— Петрович, ты нам почитай чего-нибудь.

— Так у меня ничего с собой нету.

— А вот смахни огурцы. И почитай вот это: «Как мы пишем».

Росляков смахнул желтые соленые огурцы, завернутые в «Литературную Россию», и начал читать им выступление писателя Сергея Крутилина, автора известной в свое время повести «Липяги», напечатанное под рубрикой «Как мы пишем». Тот в первых же строках признавался «Пишу я мучительно, тяжело…» Один из мужиков тут же прервал:

— Что ж вы, Петрович, так к товарищу относитесь? Он даже через газету жалится на жизнь. Ему мучительно. Нашли б ему работенку полегче. Вон у нас Григорич на ферме работал. А потому у него кила вышла. Так мы его сторожем определили…

Потом сидели, калякали.

Когда пригрело солнце, стали прощаться.

— Не сумлевайся, Петрович. Завтра тебе все спроворим.

Так и сделали…

17

Профессор Сидельников Виктор Михайлович — один из известных специалистов в области фольклористики и древнерусской литературы, читал лекции заочникам Литературного института им. А.М.Горького. Он действительно был заряжен на предмет своего исследования. Говорили, что Виктор Михайлович собирает анекдоты, частушки, записывает на карточки с указанием, где, когда и от кого услышал «шедевр» народного творчества. Студенты даже утверждали, что профессор Сидельников непременным условием для получения положительной отметки требовал от студента сообщение такой частушки, какой он еще не знал. Причем требовал народной частушки, уличая нередко сочинителей в подлоге.

И еще говорили, что у профессора дома были две картотеки — частушек и анекдотов, насчитывавших каждая десятки тысяч «единиц хранения»…

Так вот читал он лекцию, вдохновенно и взволнованно рассказывая притихшему залу о великом произведении мировой литературы «Слове о полку Игореве». И в частности говорил о непрекращающихся спорах по поводу авторства «Слова».

— Я лично считаю, — продолжал профессор, — что автором был сам Святослав. И исхожу при этом из того…

И тут среди тишины неожиданно раздается чей-то явно хмельной голос:

— Херня…

— А вот и не херня, — подхватывает профессор, — И я вам докажу…

18

В Литературном институте им. А.М.Горького в 70-е годы ходил рассказ из студенческой биографии поэта Алексея Зауриха. Своим однокурсникам Алексей говорил, что происходит из баронов фон Заурихов, волею случая оказавшихся в России еще в минувшем веке. Потомки их, семья Заурихов, жила в городе Энгельсе на Волге — центре немецкой автономной области. К теме своего знатного происхождения он возвращался неоднократно. Одни, естественно, верили, другие усмехались, третьи считали все это поэтическим бредом.

Однажды он заявил сокурсникам, что в Поволжье у него тяжело заболела матушка. Друзья собрали ему солидную по тем временам сумму. Поблагодарив, он помчался к тяжело заболевшей маме…

Надобно же было случиться, что буквально через неделю к его товарищам приехали друзья с Кавказа и между прочим сообщили, что встретили в Сочи на пляже Зауриха с белокурой пассией. Все стало ясно: Лешка их надул. И на чем? На самом святом. Месть последовала незамедлительно…

В одно прекрасное утро, когда жизнь на сочинском пляже только начиналась и среди ее зачинателей были Заурих с пассией, к ним подошли двое мужчин в костюмах и вежливо попросили Алексея оставить ненадолго свою подругу, одеться и пройтись с ними.

Через некоторое время они оказались в местном отделении КГБ.

В кабинете, куда препроводили Зауриха, ему предъявили телеграмму следующего содержания: «Баронство подтвердилось. Вас ждет наследство. Сообщите возможность вылета Бонн».

Естественно начались вопросы по существу сообщенных в телеграмме данных. Заурих что-то невнятное отвечал. Все это заставило сотрудников сообщить, что очередным, рейсом он будет отправлен в Москву. А за спутницу пусть не беспокоится…

Все, конечно, разъяснилось и благополучно завершилось.

Но обман друзей стоил Алексею Зауриху немало треволнений.

19

За столиком в ресторане Дома литераторов Расул Гамзатов, писатель из ГДР Макс Вальтер Щульц, — автор романа «Мы не пыль на ветру» и ректор Лейпцикского Литературного института им. И.Бехера, и переводчица Евгения Кацева, работавшая тогда в журнале «Вопросы литературы».

Расул что-то сказал Максу Вальтеру Шульцу. Кацева стала переводить.

Не прерываясь, она продолжала беседу с гостем на немецком языке.

Расул не выдержал:

— Смотрите, какой замечательный у нас переводчик. Она даже мое молчание переводит…

20

В 1970-х годах Сергей Сергеевич Наровчатов, пройдя курс лечения и обретя вновь статус известного поэта, стал Председателем Московской писательской организации. К тому же он был не только поэтом, но и автором ряда таких литературоведческих исследований, как «Лирика Лермонтова», «Заметки поэта», «Атлантида рядом с тобой» и др. Мне даже казалось, что в последние годы жизни его все более привлекала эссеистика, позволявшая ему выговаривать сокровенные мысли о назначении поэзии, о специфике поэтического овладения миром, о поэте и его гражданской позиции.

Именно таким был и его доклад, который он представил писательскому собранию. Назывался доклад примерно так: «Гражданская позиция поэта и поэзия Александра Блока».

По ходу своего выступления он заметил:

— сомнительная эта формула Станислава Куняева: «Добро должно быть с кулаками».

Сидевший сзади меня поэт Геннадий Серебряков похлопал меня по плечу и сказал:

Добреть Сергей Сергеич начал,
Он взял добро… и раскулачил.

21

Петр Андреевич Вяземский записал рассказ Льва Николаевича Толстого о том, как тот ехал на почтовых.

Ямщик, подгоняя лошадей, подстегивал их кнутом и приговаривал:

— Ну, пошевеливайтесь, Вольтеры мои!

Льву Николаевичу показалось, что он ослышался. Но когда ямщик а в третий раз назвал лошадей Вольтерами, не выдержал:

— Да почем ты знаешь Вольтера?

— Я не знаю его, — ответил ямщик.

— Тогда почему ты называешь это имя?

— Помилуйте, барин, — сказал ящик. — Мы часто ездим с большими господами, так вот кое-чего и понаслышались от них…

22

С заведующим кафедрой советской литературы в Литературном институте Всеволодом Алексеевичем Сурганом мы вместе вышли из Дома литераторов и по Поварской /бывшей Воровского/ пошли в сторону Нового Арбата. И неожиданно столкнулись возле училища Гнесиных с каким-то полным человеком. Он мне показался знакомым, но вспомнить, кто это, я не смог.

Сурганов и он обнялись и долго похлопывали друг друга по спине я плечам. Я отошел в сторону в ожидании Всеволода Алексеевича.

Когда он подошел, сказал:

— Сто лет не виделся Юрой.

— А кто это? Вроде бы знакомый…

— Визбор — «солнышко мое». Откуда я его знаю? Тогда слушай.

В пятьдесят первом году я окончил пединститут. И попросился учителем в Тушинское ремесленное училище, где обучались дети-сироты, вывезенные с оккупированных немцами территорий. Теперь они уже были подростками и их обучали рабочим профессиям. А поскольку к тому времени всерьез занимался туризмом, даже был инструктором горного туризма, я и решил повести своих воспитанников — эту шумную орду, которую Визбор называл «монголами», в поход. Перед этим начали тренировки. Воспитанники в самом деле в своих синих робах и в количестве восьмидесяти человек походили на орду. Не раз, глядя на них, тренирующихся перед походом, деревенские старушки, охая и ахая, крестясь и причитая, вопрошали? «Куда вас гонют, родненькие?»

А перед самым походом возник вопрос: где взять на такую ораву рюкзаки? И тогда я обратился в свой родной пединститут имени Ленина к младшему товарищу Игорю Мотяшову, которого ты хорошо знаешь как специалиста по детской литературе, он тогда еще учился и командовал туристической секцией. Игорь проникся моей просьбой. Помимо рюкзаков он направил мне в помощь двух друзей-инструкторов Юру Визбора и Бориса Шешенина, студентов-второкурсников…

23

Писатель Михаил Матвеевич Годенко, автор романа «Минное поле» о моряках-балтийцах и их подвигах в годы войны, рассказал эпизод из жизни редакции журнала «Октябрь», в котором он работал.

Шло очередное заседание редколлегии в кабинете главного редактора Федора Ивановича Панферова.

Неожиданно в кабинет заглянула секретарь: — Федор Иванович, звонят из Киева.

Панферов снял трубку:

— Да, привет.

В трубке что-то громко булькнуло. Панферов через некоторое время прервал говорившего:

— Извини, у меня совещание, а потому короче, о чем роман?

В трубку ответили.

Панферов переспросил:

— О чем, о чем?

И заключил:

— Свеклы не надо!

24

Во время одной из писательских встреч с читателями известный украинский юморист Александр Иванович Ковинько говорил:

— Я часто бываю на таких встречах. И не только в залах, но и на полевых станах, и в цехах заводов и фабрик. Недавно побывал на полевом стане.

После встречи подходят ко мне девчата и опрашивают: «Александр Иванович, вы всю жизнь пишете юмор. Объясните нам, какая разница между юмором и сатирою?»

Я им отвечаю: «Дивчатки, я человек не вченый, диссертаций захищав, але кое-шо марукував на сей счет. Вон бачите — кущи? Так от колы с тих кущив вам кажут дулю, то це гумор. А колы дулю пид нис пиднесут, то це вже сатира…»

25

Рассказывали, что поэт Лев Николаевич Кондырев, когда у него вышла первая книжечка стихов, приехал в Москву, чтобы обсудиться на секции поэтов. Это казалось ему очень важным делом: тем самым он утвердит свое имя и в столичном кругу коллег по цеху.

И вот наступил день намеченного обсуждения. Но Кондырев уже знал, что на заседании предстоит очень серьезный и далеко не лицеприятный разбор его стихов. Будут колотить так, что и в его родной Туле будет слышно. Но отступать было некуда, в Москве же у него знакомых не было, кто бы мог заступиться.

Обреченным пришел в Дом литераторов. И тут неожиданно увидел знакомое лицо. Это был известный поэт Павел Николаевич Шубин, которого он однажды встречал, Помнил, как он сказал о стихах его добрые слова. От сердца отлегло — Павел Николаевич должен вспомнить его.

Он подошел к Шубину и поздоровался.

— А, Левочка, — вяло улыбнулся тот.

— У меня к вам просьба, Павел Николаевич, — робко сказал Кондырев и изложил суть дела. И тут же попросил: — Может, вы выступите?! Скажете те добрые слова обо мне?!

— Да понимаешь… Кхе, кхе… Я бы выступил. Да вот в горле что-то першит…

— Так это мы поправим, — тут же отозвался Кондырев и направился в буфет. Взял там фужер водки, обложил его кружавчиком из бутербродов и принес Павлу Николаевичу для поправки здоровья.

Тот медленно выпил содержимое фужера, занюхал бутербродиком.

— Ну, как? — после паузы осторожно поинтересовался Кондырев.

— Да вроде бы тут, слева, уже получше стало. А вот справа еще побаливает. Кхе, кхе…

Лева сбегал в буфет.

После этого Шубин согласился выступить на обсуждении стихов Льва Кондырева.

Они отправились в зал, где вскоре началось поэтическое собрание.

В президиуме — поэтические мэтры Вера Инбер, Маргарита Алигер и Семен Кирсанов.

По мере выступлений становилось ясно, что с дарованием у обсуждаемого поэта не все так просто, да и стихи он еще не умеет

отделывать. А потому рядом с неплохими строками встречаются сырые, недодуманные и недочувствованные.

Потом наступила тишина.

— Кто еще хочет выступить? — обратился к собратьям по перу ведущий заседание Семен Кирсанов.

Рядом с Кондыревым, облокотившись на спинку переднего стула, мерно посапывал Павел Шубин.

Кондырев потрогал его за плечо:

— Павел Николаевич, вы же обещали выступить?! Павел Николаевич!..

Тот опрокинулся.

— Так что, никто не желает? — повторил Кирсанов.

— Да и так все ясно, — произнес кто-то в зале.

— А вот и неясно, — поднялся Шубин.

— Слово Павлу Шубину.

Поэт нетвердой походкой вышел к столу президиума, постоял и произнес:

— Вот тут я слышал, что Лев Кондырев не умеет писать стихи. Хочу спросить вас, — он повернулся в сторону сидевших в президиуме, — а кто умеет?!

Возникла пауза.

Разряжая ее, Шубин сказал:

— А вот парень он — золотой. Лева, иди я тебя поцелую…

26

Однажды в журнал «Молодая гвардия» на заседание редколлегии пришел Лев Иванович Ошанин, чтобы познакомить со своим новым романом в балладах об Александре Македонском и предложить его журналу.

Свое слово он начал с рассказа об истории создания нового произведения в необычном жанре.

— Это философский роман в балладах. Его я писал несколько лет. Я проехал и прошел сотни километров по тропам и дорогам, по которым шли воины Александра Македонского, в Афганистане и Персии. Называется роман «Вода бессмертия».

— Лев Иванович, — хмыкнул Владимир Фирсов, член редколлегии, — может, воду-то уберем?

— Ты все шутишь, Володя, а я серьезно говорю: над романом я трудился несколько лет. И название его мною выстрадано. Итак, баллада первая…

Прошел час, другой, а Ошанин все читал и читал свой философский роман в балладах «Вода бессмертия».

Получаю записку от Геннадия Серебрякова:

Деревенели, словно доски.
Этот сник, а тот увял.
Лев Иваныч Македонский
Нам Ошанина читал…

27

Известный театровед Инна Люциановна Вишневская, которая вела вместе с Алексеем Симуковым семинар драматургов в Литературном институте, однажды на кафедре творчества рассказывала своим коллегам о впечатлении, вынесенном ею из аудитории Театрального института, где проходил конкурсный тур по чтению.

В экзаменационной комиссии были три народные артистки — Зуева, Пыжова и Рыжова.

В аудиторию вошел молодой человек восточного типа. Поклонился и сказал:

— Я вам прочту басню.

— Пожалуйста.

— Басня. «Заяц анонист», — произнес абитуриент.

После некоторого замешательства одна из артисток спросила:

— Как называется басня?

— «Заяц анонист», — повторил молодой человек. Зуева повернулась к Пыжовой:

— Дорогая, ты не так спрашиваешь… Простите, чем занимается ваш зайчик?

— Анонимки пишет, — ответил абитуриент…

Присутствовавшие на кафедре коллеги Вишневской по достоинству оценили рассказ. А Владимир Германович Лидин, который в то время был председателем ГЭК, потирая свои худые, высохшие пальцы, произнес:

— У меня сегодня гости будут, и я им непременно расскажу про этот казус на вступительных экзаменах в театральный институт.

Прозвенел звонок. Все ушли на занятия. Проходит минут десять и в аудитории, где проводила занятия Инна Люциановна, появилась лаборантка кафедры и попросила Вишневскую на несколько минут вернуться к Владимиру Германовичу…

И пока Вишневская идет на кафедру, несколько слов о самом Владимире Германовиче Лидине. Он был современников Бунина, Андрея Белого, Алексея Ремизова, которые были неявными, но ощутимые в его повестях и рассказах его учителями. Первые его книги «Трын-трава», «Полая вода» вышли в Москве в канун октября 1917 года.

Особо популярен он был в 20-е годы. Тогда вышло у него шеститомное собрание сочинений. Но постепенно популярность сошла на нет. Однако имя его не забывалось. Этому способствовали сборники его рассказов «Ночные поезда», «Шум

дождя», «Дорога журавля», выходившие в свет в 50-х годах. В последующие годы вышли его очерки-рассказы о писателях «Люди и встречи» и о книгах — «Друзья мои — книги»…

Извинившись за беспокойство, Владимир Германович сказал:

— Инночка, ничего не поделаешь: проклятый склероз. А гостям я все-таки хочу рассказать о происшедшем в ГИТИСе. Так повторите еще раз, что там произошло с кроликом-педерастом?!

28

Расул Гамзатов спросил одного знакомого:

— Слушай, у тебя есть сосед Саша Г.?

Тот ответил:

— Есть, ну и что?

— Он что, действительно, чуть-чуть сумасшедший?!

— Почему?

— Я ему говорю: «Саша, приезжай ко мне в Дагестан, в гости».

Он взял и приехал. Что он шуток не понимает?!

29

Готовили к печати в журнале «Молодая гвардия» роман Василия Петровича Рослякова «Витенька». Главному редактору Анатолию Иванову название не понравилось. Предложенное мною «С красной строки» — утвердили.

— А зря, — сокрушался Росляков, — ведь в этом имени я пытался воплотить символику социального типа времени.

Это он выговаривал, встретившись в редакции со мной, когда я высказал ему ряд замечаний по рукописи. Он внимательно выслушал и сказал:

— Давай поступим так. Все твой замечания я учту в работе над следующей рукописью…

30

В канун 100-летия со дня рождения В.И.Ленина Союз писателей СССР и ВЦСПС решили провести конкурс на лучшее произведения в прозе о рабочем классе. Была создана конкурсная комиссия, которую возглавили первый секретарь Союза писателей Георгий Мокеевич Марков и секретарь ВЦСПС Людмила Андреевна Землянникова.

В состав жюри комиссии помимо известных литераторов включили и известных рабочих. Докладчиками по оценке представленных произведений на заседаниях комиссии, подводивших предварительные и окончательные итоги, выступали литературные критики. Среди них оказался и я.

Эти заседания не только давали пищу раздумьям и размышлениям о неимоверной трудности создания полноценного произведения на «производственную тему». Здесь проходили знакомства с писателями из разных республик и областей. Именно тут я познакомился с Григорием Ивановичем Коноваловым, автором романов «Университет», «Былинка в поле», «Истоки». Кстати, последний был отмечен первой премией конкурса, который решили сделать постоянным и проводящимся через каждые два года.

От Григория Ивановича я услышал историю его свидания с Фадееевым, добрым словом отметившим его первый роман «Университет». Вскоре Фадеев пригласил его к себе на дачу в Переделкино.

Сам же рассказ Коновалова звучал примерно так:

— Был у него, у самого.

— У кого, Григорий Иванович?

— У кого… у Фадеева.

— И что же?

— Говорю ему: Сан Саныч, ведь вот как вяликие писатели начинали свои произведения: «Гремя заржавленной шашкой, по скрипучей лестнице во двор спускался Левянсон. Над ним плыла мутно-желтая кипень облаков, а во дворе на растеленном парусе сушился овес». А как бездарные писатели начинали: «Уля! Уля! Смотри, какая лилия!»

— Ну, а он чего?

— Чево… чево. Улыбнулся и сказал: «Ох, Григорий!..»

31

По Дому творчества Переделкино шел чем-то подавленный поэт Сергей Александрович Поделков.

Навстречу ему — Владимир Солоухин.

Поздоровавшись, спросил у Поделкова:

— Сергей Александрович чего ты такой смурной?!!

— Да понимаешь, Володя… Вчера рванул…. Таблетку. И до сих пор в сон клонит…

32

Сергей Владимирович Михалков был в гостях у одного из писателей. Возле него вился сынишка хозяина дома. Сынишке шел второй годик.

Сергей Владимирович поднял его на руки, а тот взял и обдул высокого гостя.

Отряхиваясь, тот сказал хозяину дома:

— В-в-ваня… Представляешь, подрастет твой Максим, ты ему будешь говорить о том, какой прекрасный поэт Сергей Михалков. А он тебе скажет: «Да сцал я на твоего Михалкова». И в-в-ведь, подлец, будет прав…

33

Вступительный экзамен в Литературный институт имени Горького сдавал абитуриент из Ярославля Саша Гаврилов. Способный, талантливый и удачливый. Он уже на пятом курсе выпустил два сборника стихов и был принят в члены Союза писателей…

Пока же он только поступал в институт.

В билете по литературе у него значился вопрос о драматургии А.П.Чехова. Отвечал он бойко. Не только называл пьесы писателя, но и даты их написания. И выходило, что «Вишневый сад» был создан в 1906 году.

Экзаменатор остановил Гаврилова:

— Простите, молодой человек, а в каком году умер Чехов?

Саша откинулся на спинку стула, и с явно заметным чувством обиды в голосе произнес:

— Для меня лично Антон Павлович Чехов никогда не умирал!..

34

Возглавлявший в свое время Московскую писательскую организацию поэт Степан Петрович Щипачев, известность которого определялась строками «Любовью дорожить умейте// С годами дорожить вдвойне// Любовь не вздохи на скамейке// И не прогулки при луне» вел заседание то ли секретариата, то ли какой-то комиссии. Вел без вдохновения, скучно и вяло…

Сидевшие в зале коллеги явно скучали.

Присутствовавший в зале Михаил Васильевич Исаковский взял листок бумаги и что-то на нем написал. Не сворачивая, попросил передать листок ведущему. На нем было написано:

Дорогой мой Степа,
Разреши уйти.
Заболела жопа,
Мать ее ети.

Степан Петрович прочитал записку. Ни один мускул не дрогнул у него на лице. С тем же скучным видом и таким же вялым голосом произнес:

— Ну, если так, Михал Васильевич, то уходи, уходи…

35

В архиве Алексея Максимовича Горького хранится экземпляр рукописи рассказа «Кипяток», предложенный Вадимом Кожевниковым в альманах «Год XVI», который редактировал Горький. Рукопись испещрена редакторскими пометками, которые более всего касались стиля рассказа.

Вадим Михайлович Кожевников вспомнил, что его пригласили к Горькому, который хотел с ним встретиться и поговорить. Но разговора, кстати, так и не получилось. Почему?..

Его провели в кабинет писателя, сказав, что Алексей Максимович сейчас придет. И вот дверь открылась и вошел высокий, худой, с обвисшими усами человек в вязаном пуловере.

Поздоровавшись, Горький сел за стол, нацепил очки, и, держа перед собой рукопись, начал с упреков. Особенно в штукарстве.

— Клоп в моей повести, — рассказывал Кожевников, — «визжал, упиваясь кровью», «мухи летали, как ласточки». Во фразе «луна примерзла к обледеневшим ветвям дерева» Горький после слова «луна» поставил галочку и написал слово «кажется».

Я заметил это и тут же спросил, необдуманно /молодо-зелено!/:

«А море может смеяться?»

Алексей Максимович посмотрел на меня удивленно поверх очков, кашлянул и, ничего не ответив, встал и ушел.

36

Известный литературовед и критик Александр Львович Дымшиц всегда очень нежно вспоминал драматурга Шварца.

Выходило, что он впервые увидел его в поселке Всеволжское под Ленинградом. Там близ Мельничьего Ручья в дощатом домике и жил Евгений Львович Шварц, взрослый друг детворы со всей округи. В момент их встречи он был в окружении оравы ребят, которые охотно откликались на его фантазии. На сей раз шла раздача им разных ролей — пажей я королей, Иванушек-дурачков и Василис Прекрасных, Потом Шварц задавал им вопросы»

— А какое блюдо, — спрашивал он, — самое придворное при дворе? Ребята хором ему отвечали:

— Анчоусы под соусом.

Больше всех смеялся автор этой самой импровизации.

Увидев приехавшего Дымшица, Евгений Львович попрощался с ребятами.

С Дымшицем они пошли к нему в домик, делясь вестями о войне, которая уже во всю полыхала в Европе. Каждому было ясно, что рано или поздно она достигнет и нашей страны.

Когда это случилось, Евгений Львович в начале июля 1941 года сам пришел в военкомат на предмет «неполучения» им повестки.

Поскольку он страдал припадками так называемой «солнечной экземы», то лоб его был забинтован, как у раненого.

В военкомате ему предложили расписаться в какой-то ведомости. А у него, как известно, дрожали руки. Поэтому одной рукой он взял другую за кисть и стал медленно выводить свою подпись. На это ушло несколько минут.

Писарь не выдержал:

— И куда вы, папаша, собрались? Управимся с фрицами и без инвалидов.

Евгений Львович ответил: Я не инвалид. Это когда я пишу, у меня руки дрожат, а когда стреляю — никогда!

А потом Александр Львович встретил Шварца на Невском проспекте. На вопрос, что он намерен делать, тот с грустью в голосе ответил:

— Какие наши дела?.. Пишу. Вот пьесу дам театру. Сейчас нужна публицистика, сатира. Потом дежурства, разные мелочи.

Оказалось, что он часами дежурил на крыше писательского дома на канале имени Грибоедова и своими дрожащими руками гасил вражеские зажигалки.

— Читая много лет спустя, его лучшую пьесу «Дракон», — завершил свои воспоминания Александр Львович, — я подумал, что в рыцаре Ланцелоте жила душа самого Шварца. Это сам Шварц говорил о фашизме: «Я вызову на бой Дракона!..»

37

Критик и литературовед Зиновий Самойлович Паперный вспомнил однажды в разговоре об Эммануиле Казакевиче, авторе прекрасной повести «Звезда» и рассказа «Двое в степи», как тот с охотой принял предложение подготовить к изданию альманах «Литературная Москва». Собранные для альманаха рукописи были довольно-таки острыми по содержанию и могли принести составителю и редактору немало неприятных моментов в отношениях с цензурой.

— Мы ему настоятельно советовали отказаться от затеи, потому как альманах, даже если он и выйдет в свет, вызовет жестокую критику партийных товарищей. А ему лично могли грозить всякие неприятности.

Выслушав совет, Эммануил Генрихович сказал:

— Житель одного небольшого городка решил сбрить себе бороду. По сему случаю он пошел к учителю, дабы посоветоваться с ним.

Когда человек пришел в дом к учителю, тот брил себе бороду. В ответ на вопрос, что привело к нему гостя, тот поведал ему о своем решении и просил подсказать, стоит ли ему сбривать бороду.

— Ни в коем случае, — ответил учитель, добривая щеку.

— Учитель, — тихо молвил человек, — но вы же сами…

— Да, я сам. Но заметьте, сам и никого об этом даже не спрашивал.

38

С поэтом Александром Александровичем Коваленковым мы были утверждены партийным бюро института руководителями стенной газеты «За мастерство»: Александр Александрович — главным редактором, а я его заместителем.

Коваленков оказался человеком очень ответственным. Он прочитывал все материалы, сдававшиеся ребятами в номер. Если среди них появлялись заметки критические, полемические, в которых затрагивались вопросы руководства семинарами или проблемы обучения, он выносил их на обсуждение всей редколлегии. Но, как правило, окончательное решение о судьбе материала оставлял за собой.

— А как же иначе? — говорил он. — Негоже, если ответственный редактор уходит от ответственности…

Однажды мы засиделись в аудитории после выпуска очередного номера газеты, и Александр Александрович вдруг сказал: — Ты, наверное, будешь надо мной смеяться, но я тебе расскажу, чем я сейчас занимаюсь всерьез, отдавая этому занятию практически все свободное время. Вот смотри…

Он раскрыл папку и вытащил из нее пакет с фотографиями.

Но прежде чем я тебе покажу один сюжет, который я запечатлел на фотопленку, сделаю серьезное заявление.

Я считаю, что ни Дарвин, ни богословы, ни марксисты так и не выяснили вопроса о происхождении человека. Так вот, я полагаю, что человек произошел от муравья. Именно муравьи дали генетический выход своего интеллекта, душевной энергии и чувственного потенциала в мутант, каковым и явился человек. Я еще до конца не оформил словесно свою догадку, но именно этим я и предполагаю заняться в ближайшие годы. Именно годы, поскольку проблема практически всерьез не разрабатывалась. Хотя есть ученые, на Западе и в Латинской Америке, которые едва-едва затронули проблему. Чаще всего они констатируют какие-то аномальные события, случаи, происшествия, в которых были задействованы муравьи.

В частности, описан действительный факт, как муравьи, обидевшись на притеснявших их горожан, уничтожили, подточив изнутри, огромный город, похоронив в руинах многих его жителей.

Но, повторяю, пока что это всего лишь подступы к концепции происхождения человека от муравья. А теперь смотри…

На фотографии кусок земли с травой, пожухлыми листьями. И по ней в разных направлениях движутся муравьи. Одни с

грузом в виде хвоинок и соломинок, навстречу им собратья порожняком.

— Теперь видишь, я поставил на их рабочей трассе тарелку. Видишь, они неожиданно остановились. А вот они дружно побросали свои поклажи и с двух сторон подтягивают к тарелке большие соломины. Причем в операции участвуют как те, что были с грузом, так и те, что двигались порожняком. Вот видишь: трасса восстановлена. И они вновь взялись за работу. По соломине через тарелку. И вниз по соломине. Причем смотри, соломины им хватает на двустороннее движение.

— Странно, могли бы и обойти тарелку, — высказал я свое соображение по поводу разумного решения муравьев.

— Вокруг — это лишнее расстояние. Затрата энергии. А тут по прямой. Смотри дальше. Я капнул на тарелку капельку ртути. Они остановились. Попятились. И что? А вот. Они стали заваливать каплю хвоинками, травинками, кусочками листьев. Засыпали. И вновь поверх настила пошли с грузом.

Александр Александрович собрал фотографии, положил в конверт и глянул на меня:

— Ну, что скажешь?

— Да, любопытно.

— Не то слово. Феноменально. Это же разумные существа. И, видимо, они разговаривают, обсуждают ситуации и мгновенно принимают решения. Нет, тут есть над чем всерьез подумать…

39

Мало кто знает, что детская писательница Зоя Ивановна Воскресенская, написавшая повести «Встреча», «Костры», «Сердце матери», долгие годы служила во внешней разведке. Она ездила в Берлин, совершенствовалась в знании немецкого языка. Бывала в Вене.

Вызывают ее к начальнику и она слышит:

— Вы поедете в Женеву. Легенду свою узнаете потом. В Женеве познакомитесь с генералом Икс из генерального штаба. Он сотрудничает с немцами. Станете его любовницей. И тем самым добудете необходимые нам сведения. Понятно?

— Понятно… Но…

— Что но?!

— Но обязательно ли становиться любовницей генерала? Без этого никак нельзя?

— Нельзя. Без этого невозможно вызвать генерала на доверие.

— Хорошо. Я поеду в Женеву, стану любовницей генерала, задание выполню и застрелюсь…

К частью, Зоя Ивановна вскоре услышала об отмене приказа:

— Вы нам еще живой нужны…

40

Коллектив журнала, в котором работал писатель Евгений Петрович Федоровский, решил помочь товарищу избавиться от недуга — увлечения зеленым змием». Кто-то принес новость, что в этом деле преуспевает молодой врач-гипнотизер.

Связались с врачом. Тот согласился помочь. И вот в назначенный час Евгений Петрович оказался в кабинете у тридцати—тридцатипятилетнего врача. На прием он пришел из бухгалтерии издательства, где получил солидную сумму гонорара вышедшую в свет новую книгу.

— Садитесь, — сказал врач, заполнив какую-то карточку на пришедшего пациента.

Евгений Петрович послушно сел на предложенный стул.

— Итак, — произнес врач. — Мы приступаем. Вы ощущаете тяжесть в веках. Они становятся свинцовыми. Глаза ваши закрываются. Вы медленно погружаетесь в сон…

Федоровский открыл один глаз, потом второй и, хитро глянув на врача, предложил:

— Слушай, брат, давай махнем куда-нибудь в злачное место. Отметим выход моей книги. Смотри, сколько у меня средств!

И вытащил из внутреннего кармана пиджака солидную пачку сторублевых купюр.

— Что вы, что вы! — взмахнул руками врач. — Продолжим сеанс. Итак, вы засыпаете. Представьте перед глазами луг, речку, мирное синее небо в облаках…

— Вот; и пошли на речку… Нечего ерундой заниматься — вновь прервал гипнотизера Федоровский. — Поехали… Однова живем!..

А утром следующего дня в редакцию журнала позвонила жена врача и со слезами в голосе сообщила, что муж, позвонив ей, что работает над сотрудником журнала, не пришел ночевать домой. И вообще она не знает, что с ее мужем. Не могла бы она поговорить с этим сотрудником, если он на работе?

Узнав, что на работе сотрудника нет, попросила помочь ей разыскать мужа.

Объявили розыск.

Между тем прошли еще сутки, еще одни, а врача с пациентом-писателем все еще не обнаружили.

И только на пятые сутки позвонили в редакцию из милиции и сообщили:

— Во Владимире в зале ожидания на вокзале обнаружили двух изрядно подгулявших… По всей видимости, ваши…

41

Председатель Союза писателей России Леонид Сергеевич Соболев, перу которого принадлежали такие известные произведения, как роман «Капитальный ремонт» и сборник рассказов «Морская душа», в кругу друзей и товарищей по работе в правлении Союза писателей вспомнил один из эпизодов, связанных с его встречами с Алексеем Николаевичем Толстым.

Однажды Алексей Николаевич разоткровенничался и спросил:

— Скажите, Леонид, а вы верите в гадание цыганок?

— Вообще-то… — протянул Соболев неуверенно.

— Вообще-то я тоже не очень верил, — подхватил Толстой. — Но вот послушайте, что произошло со мною в Париже в начале двадцать третьего года. Пристала цыганка: давай погадаю. Не знаю почему, но в конце концов я согласился.

Она взяла мою белую руку, заголила юбку и положила мою руку на грязную свою ляжку. Долго разглядывала ладонь и сказала:

«Ждет тебя, господин хороший, дальняя дорогам к родным местам. И будешь ты первым в своем деле. Так вот я хочу спросить вас, Леонид, откуда могла знать цыганка о постановлении ЦК ВКП/б 1932 года „О перестройке литературно-художественных организаций“?!

42

Вроде бы пришла перестройка, эпоха гласности, но Василий Петрович Росляков уже тогда внутренне осознавал, куда нас может завести эта самая свобода, время распахнутых дверей и открытых границ.

Он как-то пригласил меня к себе…

— Хочу почитать тебе экзерсис. Что-то выстроилось. Думаю назвать «Реванш».

Вообще мне по душе были его критические эссе и публицистические заметки. Не оставила равнодушным и мысль, изложенная им в «Реванше».

«Вот и обрисовалась мало-помалу картина нашего сегодняшнего дня, — читал Василий Петрович. — Что в нем главное? Радость раскрепощения мысли, торжество гласности и правды. Правда всегда значилась на знаменах русской литературы. Потом потихонечку она стала выцветать, а сегодня снова с прежней силой засияла на этих знаменах. Но в этом общем празднике свободы мысли и слова что-то такое улавливается постороннее, хотя, может бытъ, и неизбежное в таком стремительном обновлении. Что именно? Какой такой посторонний оттенок?

Когда-то на экзаменах по вождению автомобиля мне достался вопрос: как своевременно определить утечку тормозной жидкости? До сих пор помню вычитанное в «Правилах», потому что оно показалось как бы не совсем грамотным: «на запах и запыление». И вот, пытаясь разобраться, найти слово, которое бы выразило мое ощущение чего-то постороннего в нашем празднике, я то и дело неизвестно почему возвращаюсь к незабытому до сих пор определению утечки тормозной жидкости. И, пробуя трудноуловимый оттенок на запах и на запыление, я невольно натыкаюсь на слово «реванш».

Нет ли, думаю, в нынешней картине литературной жизни этой посторонней примеси реванша, в самом широком значении этого слова.

Но еще больше мне были интересны его устные «сцены», в которых он воспроизводил в лицах своих товарищей и друзей по литературе. И на сей раз я услышал историю о том, как они с Юрием Павловичем Казаковым решили в рождественскую ночь пройтись по знакомым адресам в Переделкино Христа славить.

Первым Росляков предложил навестить Павла Филипповича Нилина.

— Ты ведь знаешь Нилина? — спросил он Казакова.

— Да нет… Не знаю, — ответил тот.

— Как же… известный мэтр, учитель. Его повести «Испытательный срок» и «Жестокость» — вообще классика.

— Все равно не знаю… Но если ты хочешь, то давай пойдем к Нилину, — согласился Казаков.

И вот они у входной двери на дачу Нилиных.

Постучались.

Послышалось шарканье ног, щелкнула задвижка, и в дверях появился Павел Филиппович в исподнем.

— Ох, ребятки… Я ваще и не ждал… Мы уже ваще легли… Извините за вид, Василий Петрович, Юрий Павлович, могли бы и предупредить ваще!..

После короткого замешательства Росляков и Казаков оказались в доме. Росляков запел: «Рождество Твое, Христе…»

Павел Филиппович прислонился, пригорюнившись, к косяку двери, Юрий Павлович прослезился.

Когда Василий Петрович закончил песнопение и поздравил хозяина с праздником Рождества Христова, тот расчувствованно сказал:

— Я и не думал ваще, что вы так можете, Василий Петрович. Если бы знал… Была бы бутылка, я бы вас угостил. Но ничего нет… Правда, ваще Матильда щи сварила. Хотите, я вас холодными щами угощу?

Я тут молчавший Казаков обратился к Рослякову:

— Вася, к кому ты меня привел? Это же извозчик, а не писатель. Пойдем, я тебя отведу к настоящему писателю…

Они покинули дачу Нилина и отправились по притихшему ночному Переделкину маршрутом, который прокладывал Казаков.

Возле одной из калиток остановились.

Юрий Павлович дал знать о том, что к хозяевам пришли. Калитка отворилась, и они подошли к дому, где на пороге их встретил хозяин.

— Здравствуйте, Валентин Петрович! — поприветствовал Катаева Юрий Павлович.

— А, Юрочка! Заходите, заходите. Очень рад, что и вы и Василий Петрович навестили меня в рождественскую ночь. Вот тут тапочки возьмите. И проходите в столовую. А я вам организую угощение. Вот уж, право, не ожидал…

Валентин Петрович прошел в столовую, скрипнула дверца серванта, зазвенел хрусталь.

Казаков повернулся к Рослякову:

— Вот это писатель! А то Нилин, Нилин! Давай побыстрее, что-то я замерз.

Сели за стол.

Катаев все еще доставал из серванта свои винные запасы, хотя на столе были уже разные коньяки, джины; портвейны, настойки, водки.

— Валентин Петрович, не забудь подать фужеры, — оказал Казаков. И когда хозяин подал фужеры, Юрии Павлович предложил:

— Давай, Вася, вот этого попробуем!

— Ну что ты, неудобно без хозяина-то.

— Давай. А он присоединится.

Выпили.

Казаков взял другую бутылку:

— Теперь давай этого нектара попробуем. Ну, будь здоров!

К столу подошел Валентин Петрович, сел, налил себе маленькую рюмочку коньяку и тихо произнес:

— Позвольте мне сказать.

Казаков тут же откликнулся:

— Давай, Валентин Петрович. Только покороче.

— Мне на самом деле очень приятно, что в эту традиционную русскую ночь вы навестили меня и разделяли со мной праздник Рождества. Я с уважением отношусь к вам, Василий Петрович, и к вам, Юрий Павлович. В эту ночь принято просить прощения. И потому простите меня, Юрий Павлович, что я, будучи ж свое время редактором «Юности», не печатал вас. Я считал вас эпигоном Тургенева, Бунина…

Казаков вскинулся:

— Но ведь и вы, Валентин Петрович, не писатель, а говно.

Он поднял фужер и повернулся к Рослякову:

— Давай, Вася!

Так продолжалось довольно долго.

«Я глянул на часы, — вспоминал Василий Петрович, — а уже почти три часа ночи».

Облокотившись на спинку стула, за столом спал хозяин. Хмель валил уже и Василия Петровича… И только Юра, пожалуй, на автомате брался за очередную бутылку и приглашал:

— Давай, Вася!..

Пора было кончать это сидение.

И Росляков рявкнул:

— Юра! Хватит!

Тот вздрогнул.

Валентин Петрович проснулся.

Поблагодарив хозяина, Василий Петрович решительно сказал:

— Все, Юра! Уходим! Надо человеку дать отдых.

Юрий Павлович расслабился и, обведя стол рукой, жалобно спросил:

— А это?

43

Писатель Василий Александрович Смирнов, написавший прекрасную книгу «Открытие мира», какое-то время был секретарем Союза писателей и курировал работу Литературного института имени А.М.Горького.

И вот однажды, когда он был не то на заседании правления Союза, не то обедал в Доме литераторов, ему сообщили, что большая группа студентов курируемого им института движется по улице Воровского к Союзу писателей, чтобы устроить митинг протеста против преследования властями писателя Гинзбурга и других дисседентов.

Он мигом поднялся и выскочил на крыльцо входа в Дом литераторов.

Действительно, по улице в сторону Союза писателей двигалась довольно-таки внушительная группа студентов. Они о чем-то громко говорили, жестикулировали и… Неожиданно смолкли, увидев на крыльце своего куратора. Не доходя до крыльца метров двух-трех, остановились.

Василий Александрович обратился к ним с вопросом:

— Коммунисты среди вас есть?

— Есть, — откликнулось несколько голосов.

После паузы Василий Александрович произнес:

— Коммунисты, назад!..

44

Зиновий Паперный рассказал, как однажды в Переделкино он случайно встретился с Корнеем Ивановичем Чуковским. Увидев Паперного, выходившего из калитки Дома творчества, Корней Иванович воскликнул:

— Зиновий Самойлович, как я рад, что встретил вас! Вы даже представить себе не можете!

— А в чем дело-то, Корней Иванович?

— Ну как же. Вы же знаете нашего знаменитого философа Асмуса? Вот и чудесно. Так вот Валентин Фердинандович буквально не дает мне проходу: познакомь да познакомь меня с Паперным.

— Чем же я ему так приглянулся? — удивился Зиновий Самойлович.

— А вот это вы выясните при встрече с ним самим.

Они пошли на дачу к Асмусу.

В доме царила тишина: Валентин Фердинандович работал. И все домашние соблюдали «режим благоприятствия» труду ученого. Даже дети — внуки Валентина Фердинандовича — и те говорили шепотом.

— А вы кричать умеете? — спросил у ребятишек Корней Иванович.

— Умеем.

— А ну-ка покажите, как у вас получается?

Ребята еле-еле что-то пробормотали или промычали.

— Да не так, — огорчился Чуковский. — Давайте вместе.

И он с ребятами устроил невероятный шум. Разохотившиеся дети кричали неистово и пронзительно.

— Нет, Зиновий Самойлович, не знаю, как вы, а я тут находиться не могу. Не дача, а какой-то сумасшедший дом…

45

Поэт Михаил Спартакович Пляцковский, оставивший такие популярные песни, как «Под крышей дома твоего», «Увезу тебя я в тундру», «С голубого ручейка» и многие другие, оказал как-то о сотруднике журнала, с которым он имеет дело, что глаз у того сильно косил:

— И потому я часто с ним беседую с глазу на глаз…

46

Колоритной фигурой был Григорий Михайлович Поженян, за плечами которого был долгий фронтовой путь, начиная с обороны Одессы и кончая освобождением Варны и Белграда. Он автор многих сборников стихов, таких, как «Ветер с моря», «Мосты» и др. Кроме всего прочего он умел беседовать с разной аудиторией. И в среде писателей его знали как компанейского, заводного человека.

Чаще всего прочего он рассказывал историю своего исключения из Литературного института.

А ведь был он морским офицером, кавалером многих орденов и медалей. За что исключили?..

Случилось это в 1947 году, когда только началась вакханалия борьбы с космополитизмом. Одной из первых жертв этой борьбы оказался Павел Антокольский, руководитель, поэтического семинара Литературного института.

Началось с того, что студентов из его семинара вызвали в партбюро и предложили публично осудить своего руководителя за антисоветские настроения. Многие, кстати, так и поступили. А Проженян встал и сказал:

— Что же это у нас получается? Вчера еще Павел Григорьевич для всех был выдающимся советским поэтом, а нынче ни с того, ни с сего стал врагом?! Как-то не сходится одно с другим.

Присутствовавший тут товарищ из партийных органов объяснил Поженяну, что такова партийная оценка деятельности Антокольского. Если же Поженян не согласен с мнением партии, то он может ее /то есть партию/ оставить.

Вот так и получилось, что был издан приказ об отчислении студента Поженяна из института, о чем сообщил ему у себя в кабинете ректор Федор Васильевич Гладков.

— И чтобы ноги вашей больше не было тут! — заявил ректор.

Григорий Поженян спокойно ответил:

— Уже нет моих ног!..

Тут же встал на руки и вышел на руках из кабинета ректора….

Потом он уехал в Прибалтику и устроился там на Судостроительный завод клепальщиком котлов. Там-то и стали его «открывать» как рабочего поэта. А вскоре восстановили в партии и в Литературном институте.

47

Среди писателей 1920-х годов популярностью пользовалось имя Сергея Ивановича Малашкина.

Выходец из семьи батраков, он с 1905 года включился в революционную борьбу. В 1906 году стал членом партии большевиков. Был в ссылке в Вологодчине, где познакомился с В.М. Молотовым. Встречался с В.И.Лениным, И.В.Сталиным. Писал, стихи. Но популярность пришла к нему, когда в 1926 году вышла в свет повесть «Луна с правой стороны, или Необыкновенная любовь», в которой затрагивались многие «болевые точки» жизни молодежи в интимной и общественной жизни…

Многое повидал и пережил этот добрый человек о седым зачесом, серыми, выцветшими глазами и застенчивой улыбкой. Именно таким я увидел его в редакции журнала «Молодая гвардия», куда он нередко приходил и приносил с собой «эхо» воспоминаний о былом.

В частности, рассказал он, как в новогоднюю ночь то ли двадцать шестого, то ли двадцать седьмого года у него в квартире раздался телефонный звонок. В трубке звучал голос Молотова:

— Слушай, Сергей Иванович, ты не будешь возражать, если мы, твои старые товарищи, заедем к тебе и отметим праздник вместе? Повспоминаем прошлое.

— С удовольствием, — ответил Сергей Иванович. — Правда, у меня практически ничего нет, чтобы достойно встретить дорогих гостей.

— Да ты не волнуйся. Мы со своим продуктом.

Не прошло и получаса, как у него появились Сталин, Молотов, Буденный с гармошкой, Ворошилов. Сталина Малашкин знал с 1911 года по совместной ссылке, Молотова еще раньше, но особенно с 1916 года, когда по революционным делам нередко встречались в Нижнем Новгороде.

Гости принесли с собой плетенку грузинской чачи, бочонок соленых арбузов, вина, всевозможной закуски.

Сначала выпили за Новый год, за новые успехи в делах Отечества. Потом решили вспомнить вспомнить прежние спевки, многоголосие. Словом, ночь буквально пролетела. Гости уехали, когда уже новый день нового года отсчитал пять часов…

А на следующий день Малашкина потребовал к себе домоуправ.

В кабинете его был участковый милиционер. Домоуправ зачитал жалобу соседних квартир на Малашкина, у которого всю

ночь происходил какой-то бедлам и все время распевались песни. Но не революционные, а церковные. Малашкин не стал возражать, извинился и, взяв квитанцию для уплаты штрафа, удалился.

А еще через день собралось партийное собрание домкома. На него вызвали Малашкина на проработку. Он не отвечал на многие вопросы и прежде всего на вопрос, кто же был у него в гостях. Да и не поверили бы, если бы он назвал товарищей.

Ему объявили выговор с предупреждением, что в случае повторения подобного будет поставлен вопрос об исключении Малашкина Сергея Ивановича из партии большевиков…

Пережив свалившиеся нежданно-негаданно неприятности, Малашкин вскоре забыл происшедшее.

Но, как обычно бывает, минувшее посещает нас внезапно и остро.

Наступила очередная зима.

И вот, слушая как-то репродуктор, Сергей Иванович неожиданно вздрогнул, услышав слова диктора о том, что москвичи и гости столицы готовятся к встрече Нового года. Он похолодел. Справившись с волнением, тут же набрал номер Молотова. Когда с той стороны провода ему ответил Вячеслав Михайлович, попросил:

— Ты не можешь со мною поговорить? Нет, не по телефону. Я готов прийти, куда скажешь.

Молотов назначал ему встречу в Кремле на Ивановской площади в одиннадцать утра..

Малашкин в лицах поведал Молотову о происшедшим с ним после новогодней ночи. Молотов искренне смеялся над сценами, которые мастерски воспроизводил Сергей Иванович. В это самое время в Кремль въехал эскорт машин. Одна из них остановилась возле беседовавших Молотова и Малашкина и из нее вышел Сталин.

Поздоровавшись, спросил:

— Над чем такие великие большевики так заразительно смеются?

— Коба, ты послушай, что Сергей рассказывает.

— Малашкин был вынужден в сокращенном варианте рассказать Сталину и про домоуправа с милиционером, и про партийное собрание.

Выслушав, Сталин улыбнулся:

— Спасибо, дорогой, что не выдал нас. А то бы и нас с Вячеславом могли вызвать на партсобрание и даже исключить из партии.

Повернувшись к Молотову, сказал:

— Ты не возражаешь, если мы от имени Политбюро выразим

благодарность товарищу Малашкину за товарищеское поведение и неразглашение состава участников сходки с пением церковных песен?!

48

Михаил Матвеевич Годенко рассказал, как на одном из писательских собраний в начале пятидесятых годов выступил чем-то озабоченный и возбужденный Степан Злобин, перу которого принадлежали романы «Степан Разин», «Салават Юлаев» и др.

— Вообще Степан Павлович был фигурой не очень удобной официальной номенклатуре, — говорил Годенко. — Нередко его оценки прошлого и дня текущего, мягко говоря, не совпадали с официальными. И потому возникали казусы и в жизни, и в творчестве.

Я лично знаю, что в сороковых годах он написал повесть «Восставшие мертвецы», в которой поведал об испытаниях выпавших на долю его товарищей и его самого, оказавшихся в фашистском плену. Они готовили побег, но их планы выдал провокатор. Степана Павловича как одного из руководителей группы, готовившей побег, заковали в кандалы и препроводили с территории Белоруссии на Эльбу, в лагерь Цейтхэйн. В нем он пробыл почти два года. В 1945 году был освобожден нашими войсками.

Вот об этом и рассказывала повесть, судьба которой оказалась не менее трагичной, как и судьба тех, о ком она рассказывала. В 1947 году повесть была конфискована Комитетом госбезопасности и возвращена автору в конце 1953 года, то есть после смерти Сталина. Повесть послужила основой для его романа «Пропавшие без вести», который вышел в свет в 1962 году…

Так вот в начале пятидесятых, когда я был на писательском собрании, я впервые увидел его в «действии». Стоя за трибуной и жестом указывая на Президиум собрания, он произнес:

— Вы, жадною толпой стоящие у трона…

Тут же поднялся побледневший Сурков и жестким тоном потребовал:

— Продолжай, продолжай…

В тишине зала прозвучал чей-то голос:

— Да он дальше слова забыл…

49

Рассказывали, что главный редактор «Нового мира» Александр Трифонович Твардовский ознакомился с принесенными ему стихами Олжаса Сулейменова — молодого казахского поэта, удачно начавшего свою литературную биографию и писавшего стихи на русском языке. Так вот ознакомившись со стихами Сулейменова, он сказал:

— Да, это уже не по-казахски.

И после паузы добавил:

— Но еще и не по-русски…

50

Автор известной «Гренады» и «Песни о Каховке» Михаил Светлов и писатель Юрий Олеша — автор романа «Зависть» бражничали в ресторане «Националь».

Уже изрядно подвыпившими, они вышли из зала и возле входной двери Светлов прислонил Юрия Карловича к стене и сказал:

— Юра, стой и не шевелись… А я мигом за такси…

Через некоторое время Олеша открыл глаза и увидел перед собой человека в черной форме, расшитой золотом, с золотыми пуговицами.

— Швейцар, произнес Олеша. — Такси…

— Я не швейцар, — ответила фигура в черном с золотом.

— А кто же?

— Я адмирал.

— Тогда катер! — приказал Олеша.

51

Шестого июля 1928 года Алексей Максимович Горький, вернувшийся в СССР отправился в поездку по стране, чтобы воочию убедиться в переменах, происшедших на родной земле. Его путь пролегал через Курск, Харьков, Запорожье, Крым, Ростов-на-Дону, Казань, Нижний Новгород и многие другие города.

После возвращения в Москву жаловался близким:

— В каждом городе, на каждом вокзале как будто одни и те же люди и говорят как будто одно и тоже, и теми же словами. На одной из таких встреч баба в красной косынке заявила: «Товарищи! Перед вами пролетарский поэт Демьян Бедный!» Но тут кто-то крикнул ей в ответ: «Дура! Бедный — толстый, а Горький — тонкий».

И улыбнувшись, Горький добавил:

— Знают, черти полосатые, литературу. Знают…

52

Исаак Бабель, которого знают по его «Одесским рассказам» и «Конармии», прослышал о трудном материальном положении критика Петра Сторицына, который отличался тем, что всячески где только можно было говорил про Бабеля всякие гадости.

И вот Бабель решил дать Сторицыну червонец.

Осуществляя замысленное, сказал:

— Деньги, Петр Ильич, как вы знаете, даром не даются. Клевещите на меня, пожалуйста, если это доставляет вам удовольствие. Но клевещите до известного уровня. Давайте установим уровень…

53

На поэтическом семинаре Михаила Аркадьевича Светлова в Литературном институте имени А.М.Горького обсуждали стихотворение кого-то из симинаристов. И одно из представленных в подборке стихов в целом понравилось всем, включая и мастера. Только одна строчка, по общему мнению, выбивалась своей инородностью. Она не согласовывалась с общей тональностью стихотворения.

— Ну, это ерунда… Подумаешь, строчка, — горделиво поглядывал на своих товарищей автор.

— Напрасно вы так полагаете, — отреагировал на слова семинариста Михаил Аркадьевич. — Хотите, я вам популярно объясню, что такое несовершенная или неудачная строка?

Представьте себе, что вам очень захотелось по малой нужде. Вы огляделись, увидели перед собой телегу со стогом сена, забежали за нее и с удовольствием стали освобождаться от ненужной жидкости. А телега тем временем со стогом сена тронулась. А вы не заметили этого а продолжаете ловить кайф. Вот это и есть неудачная строка…

54

Как-то во время очередной нашей встречи Григорий Иванович Коновалов серьезно заметил:

— Знаешь, во мне что-то сталинское стало прорезаться.

— Как так?

— Вчера заседание секретариата было. Все говорили, говорили. Особенно Бондарев. Мне надоело слушать, я стукнул кулаком по столу и сказал: «Будя! Юрий Васильевич заморился!» И ты знаешь, секретариат закончился…

55

Из курьезнейших эпизодов, рассказанных Михаилом Годенко, запомнившихся ему в жизни редакции журнала «Октябрь», был и такой.

Федор Иванович Панферов вел заседание редколлегии, на котором присутствовали Брайнина, Коптяева.

Вдруг в дверях показалась рука с пузырьком.

Федор Иванович прервал свое выступление и обратился к тому, кто был в дверях:

— В чем дело. Боря? Что случилось?

Боря был водителем у Федора Ивановича.

— Да вот… Опоздали… С анализом. Лаборатория только до одиннадцати принимает.

— Да не волнуйся, Боря, — успокоил его Федор Иванович. — Пересцым, пересцым…

56

По-разному готовятся студенты к экзаменам. Кто сам читает программный материал, а кто пользуется методом фольклора, когда выслушивает содержание произведений от товарищей. Вот таким образом подготовленный студент вытащил билет, в котором значился вопрос «Вс. Вишневский „Оптимистическая трагедия“.

Он решил отвечать без подготовки.

Бодро и вдохновенно начал с общих фраз о выдающемся произведении, о его сценической и кинематографической судьбе.

Сделав паузу, продолжил:

— Краткое содержание трагедии такое. На корабль пришла женщина и украла кошелек. Ее поймали. Завернули в брезент. Выбросили за борт. И корабль пошел…

Принимавшие экзамен соответственно отреагировали на это «краткое содержание».

— А почему пьеса названа «Оптимистическая трагедия»? — сквозь слезы спросил один из экзаменаторов.

— Так ведь корабль-то пошел…

57

Журнал «Сельская молодежь» находился на четвертом этаже издательства «Молодая гвардия», куда нередко спускались мы с пятого и делились с коллегами равными новостями. Так вот «селяне» рассказали, в частности, об очередном вояже их спецкора Петра Скобелкина в Вешенскую.

Так случилось, что он чем-то пришелся по душе Михаилу Александровичу Шолохову. И тот каждый раз во время его приезда приглашал Петра к себе в дом.

— Недавно, — говорили ребята, — Петя вернулся из Вешенской и рассказал, что сообщил Михаилу Александровичу о том, что он, наконец, женился.

— А сколько тебе? — спросил Шолохов.

— Сорок с небольшим, — ответил журналист.

— А я бы, Петя, — сказал Михаил Александрович, — женился в двадцать, но с большим.

58

В Доме литераторов сидела группа поэтов и шумно бражничала в буфете. Среди них был и Егор Исаев. А через буфет пролегал путь в солидные организации, включая и партком.

Неожиданно в зале появился Сергей Петрович Антонов, автор известных «Поддубенских частушек», повести «Дело было в Пенькове». Он направлялся в сторону парткома. Увидев его, Егор Исаев из-за стола крикнул:

— Сережа, ты не Чехов, не Чехов…

Тот смущенно пожал плечами и прошел мимо.

Через некоторое время ему предстояло возвращаться тем же путем. Он осторожно, почти крадучись, пробирался к выходу, дабы не услышать, кем он еще не является.

Но тут опять послышался голос Исаева:

— И не Горький, не Горький…

59

В профкоме издательства поручили писателю Федоровскому Евгению Петровичу в канун Нового года выступить перед ребятишками издательских работников в роли Деда Мороза. Достали реквизит, нарядили. Все пришлось впору.

И вот в канун празднования Елки в детском саду он отправился на выделенном ему «Москвиче» по адресам работников, где в семье были малые ребята. Каждому из ребят он привозил подарки. Благодарные родители, знавшие сослуживца, подносили ему по лафетничку беленькой. Под конец поездки он уже был изрядно начитанным. А наутро ему надлежало прибыть в детский сад на праздник Елки и поздравить ребятишек с наступающим Новым годом…

Евгений Петрович буквально заставил себя подняться.

Сполоснув лицо, надел на себя форму Деда Мороза. Вышел на улицу. Было довольно прохладно. На улице стало немного полегче. «Москвича» еще не подали.

Чтобы поправить здоровье, отправился в ближайший магазин. Купил две четвертинки, или, как он говорил, двух «малышей», сунул их в карман шубы: после представления они будут кстати.

Подошла машина, и он отправился в детский сад.

У входа его встретила директор и попросила подождать: ребята должны привести себя в порядок, нарядиться в новогодние костюмчики зайцев, лисичек, белочек.

— Где подождать? А вот тут за елкой в уголке. Посидите тут на стульчике. Потом ребята хором выкликнут вас. Вы выйдите, немного поиграете с ними, а потом раздадите подарки из мешка, который мы уже приготовили для вас.

— Очень даже хорошо, — согласился Евгений Петрович.

Ему принесли стульчик. Он сел за елкой. И ему стало очень хорошо, тепло.

Перед глазами аппетитно оранжевела на ветке елки мандаринка. Он ощутил в кармане шубы упругий бочок «малыша». Снял мандаринку, разделил ее на дольки. Потом вытащил четвертину, снял с нее бескозырку-пробочку и горлышком приложил четвертинку к губам. Закусил. Потом еще выпил. Закусил. Вскоре с четвертинкой было покончено.

Как на грех, он увидел еще мандаринку на ветке елки.

Дальше все происходило по тому ритуалу, только в замедленном темпе…

Он впал в забытье.

Неожиданно сквозь сон услышал пронзительные детские

крики:

— Дедушка Мороз, дедушка Мороз!

Усилием воли Евгений Петрович заставил открыться один глаз. Над собой увидел какие-то ребячьи физиономии. Рты ребят продолжали извергать клич:

— Дедушка Мороз! Дедушка Мороз!

Евгений Петрович спокойно, с достоинством заявил:

— Идите отсюда, детки! Захворал ваш дедушка!..

На внеочередном заседании профкома Федоровскому Е.П. был объявлен выговор за срыв утренника в детском саду, посвященного Новогоднему празднику.

60

Писатель Николай Корнеевич Чуковский, широкую известность которому принес роман «Балтийское небо», посвященный героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны вспоминал о Детском отделе Госиздата в городе на Неве.

— Это было удивительное учреждение. Талантливое, озорное, веселое. Тут собирались искрящиеся юмором люди — Шварц, Олейников, Хармс, Андроников и многие другие. Возник этот отдел примерно в 1924 году по инициативе Самуила Яковлевича Маршака, который и стал фактически его руководителем.

Правда, официальным заведующим Детским отделом был небольшого роста человек, начисто лишенный чувства юмора и каких-бы то нибыло литературных дарований. Звали его Соломон Николаевич Гисин. Он ходил в косоворотке и в высоких сапогах.

Кто-то из веселой компании «учреждения» спросил у Маршака:

— Самуил Яковлевич, а почему товарищ Гисин — Соломон Николаевич?

Маршак серьезно ответил:

— Соломон — это он сам, а Николаевич — это его сапоги…

61

С Анатолием Константиновичем Передреевым меня познакомил азербайджанский поэт Наби Хазри. Анатолий переводил его поэмы. Одну из них они предложили в журнал «Молодая гвардия», где и состоялась встреча с Передреевым. Его я знал по знаменитому стихотворению «Окраина», которое он написал в 1964 году.

Окраина родная, что случилось?
Окраина, куда нас занесло?
И города из нас не получилось,
И навсегда утрачено село.

Взрастив свои акации и вишни,
Ушла в себя и думаешь сама,
Зачем ты понастроила жилища,
Которые ни избы, ни дома.

Как будто бы под сенью этих вишен,
Под каждым этим низким потолком
Ты собиралась только выжить, выжить,
А жить потом ты думала, потом.

Окраина, ты вечером темнеешь,
Томясь большим сиянием огней,
А на рассвете так росисто веешь
Воспоминаньем свежести полей.

И тишиной, и речкой, и лесами
И все, что было отчею судьбой.
Разбуженная ранними гудками
Окутанная дымкой голубой!

Я вспомнил, что к его стихам очень тепло относился Николай Николаевич Асеев, один из мэтров русской поэзии.

Анатолий подтвердил свое личное знакомство с Николаем Николаевичем и тут же поведал об одном из забавных эпизодов из жизни мастера.

В 1941 году страна отмечала памятную дату — столетие со дня гибели Лермонотова. Был создан юбилейный комитет, председателем которого стал К.Е.Ворошилов. Двумя его

заместителями стали Николай Асеев и Отто Юльевич Шмидт.

И вот на заседании комитета Клемент Ефремович предложил программу проведения торжественного вечера в Большом театре.

— Сначала выслушаем доклад о жизни и творчестве Лермонотова, а потом послушаем оперу «Демон» на сюжет поэта.

Николай Асеев не согласился:

— Лермонотов был известен не тем, что он пел и танцевал. Поэтому давайте соберемся в театре имени Моссовета. Послушаем доклад, а затем посмотрим пьесу самого Лермонотова «Маскарад».

Ворошилов обиделся, но план Асеева оказался более реальным и его поддержали члены комитета.

После заседания Ворошилов подошел к Асееву и сказал:

— Все-таки не любите вы нас, Николай Николаевич.

— Кого вас? — удивился Асеев.

— Вождей…

Первая встреча с Передреевым не стала последней. Мы нередко встречались, делились литературными новостями. И во время очередного нашего общения я как бы ненароком спросил:

— Толя, а почему ты столько времени тратишь ша переводы, хотя мог бы писать свои стихи? Тем более, что они у тебя получаются превосходно?

После небольшой паузы он ответил:

— Понимаешь… Стихи — это праздник души. А праздников у нас, как ты знаешь, не очень-то много в жизни. В основном — поденка, работа на прожитье. Вот и мои переводы дают мне возможность доживать до праздников души. Тогда и начинаются стихи…

62

В небольшом рассказе-воспоминании «Пристрастность» о Юрии Павловиче Германе, известном по трилогии о докторе Владимире Устименко — «Дело, которому служишь», «Дорогой мой человек» и «Я отвечаю за все», И.И.Меттер передал характерный штрих в характере своего друга.

Юрий Павлович за свою недолгую жизнь написал немало всяких сочинений /он любил это слово/ за исключением, как он говорил, повторяя фразу Чехова, «кроме стихов и доносов».

Так вот он очень горячо и заинтересованно относился к только что написанному. А потом незаметно охладевал. Иногда несправедливо.

«Мне, например, — писал Меттер, — нравился его роман „Россия молодая“… Отлично помню, как поразила меня живопись „России молодой“: яркость характеров корабельного плотника Рябова и царя Петра; цвета, запахи, вкус изображенной эпохи; сплетение патриотизма с жестокостью и предательством. Книга имела бурный успех.

Юрий Павлович, отдавший этому роману несколько лет напряженной жизни, и притом скудной жизни, ибо именно в то время он перебивался весь в долгах, «стреляя» у друзей деньги без точной уверенности, что ему удастся вернуть их вовремя, — Юрий Павлович уже года через два-три после выхода в свет «России молодой» сказал мне как-то, когда я снова похвалил ее:

— Да брось, это опера.

А нежнее всего из написанного им Герман любил свой роман «Подполковник медицинской службы». Так мать любит ребенка, который прошел через клиническую смерть и чудом выжил».

И Меттер ставит тут точку, а между тем история этого «сочинения» Ю.П.Германа заслуживает того, чтобы о ней рассказать. Тогда и станут понятными эти проникновенные слова о матери, любящей своего ребенка, который чудом выжил.

В 1949 году Ю.Герман в журнале «Звезда» опубликовал четыре главы нового произведения — «Подполковник медицинской службы», завершение которого должно было осуществиться в следующем, 1950-м году.

Но именно в это время, как мы знаем, развернулась борьба с «безродным космополитизмом», проще говоря началась кампания антисемитизма. Главного героя повести звали Александр Маркович Левин. И этого оказалось достаточно, чтобы не дожидаясь окончания публикации, подвергнуть «сочинение» Германа жестокому разносу. Фигура Левина была признана не

типичной для советского военного врача, более того, была названа пародией на такового.

Следствием такой критики оказался запрет публикации повествования о докторе Левине, который, заболев раком, почти умирая, буквально боролся за жизнь своих пациентов, каковыми были морские летчики.

И только в 1956 году Юрию Павловичу удалось издать роман «Подполковник медицинской службы» отдельной книгой.

63

Было это в начале пятидесятых годов, когда в Доме детской книги проходило обсуждение удивительной повести Николая Николаевича Носова «Витя Малеев в школе и дома».

Помню, что среди прочих выступающих слово попросила солидная дама. Выйдя к столу президиума и поправив на голове шляпку с вуалью, она произнесла грудным низким голосом:

— Я, конечно, не читала повести Носова «Витя Малеев в школе и дома» /она сделала ударение в слове «дома» на последнем слоге/, но не могу молчать и должна со всей определенностью заявить, что всячески поддерживаю автора, который затронул актуальную проблему сегодняшнего момента — связь школьников с городским строительством…

Зал веселым смехом отреагировал на заявление дамы.

64

Однажды на Пленуме писателей России мы оказались рядом с известным поэтом Сергеем Васильевичем Смирновым. Это он написал одну из популярных в годы Великой Отечественной войны песни «Котелок», посвятив ее комиссару-панфиловцу П.В.Логвиненко.

Уйдя добровольцем на фронт, он оказался рядовым в прославленной дивизии Панфилова.

Помню, как мы, мальчишки военных лет, пели эту песню об исковерканном котелке, который был восстановлен самим виновником случившегося. Завершалась песня такими куплетами:

Первым делом картошку сварили —
В котелке разварилась она.
После этого чай смастерили —
Котелок осушили до дна.

И в наплыве табачного дыма
Сделал вывод бывалый стрелок,
Что для воина все достижимо,
Лишь бы только варил котелок.

Нам очень нравилось это выражение: «Лишь бы только варил котелок», которое мы не раз употребляли в своих мальчишеских разговорах, подразумевая при этом голову.

Об этом я рассказал Сергею Васильевичу, когда с Геннадием Серебряковым мы навестили его в Боткинской больнице. Естественно, он откровенно был доволен моим рассказом.

А в больнице он перенес жесткую операцию: ему удалили почти две трети кишечника. У него был завороток кишок. И врач сказал ему, что он один из тысячи выходит живым из подобной ситуации.

Сергей Васильевич жаловался, что его всего искололи.

— Не ж…, — говорил он, — а поднятая целина.

Помню, как он заулыбался, увидев в руке Геннадия бутылку сухого вина, которую мы принесли с собой на свой страх и риск.

— Молодцы, — похвалил он.

И тут же упрекнул своего давнего приятеля — молдаванина Петрю Дариенко, наотрез отказавшегося принести ему сухого вина, которое Сергей Васильевич любил. Дариенко сослался на авторитет врачей.

— Я ему на это сказал, что больше его переводить не буду. И вообще напишу злую «Песню о Петре»…

И вот он уже выписался из больницы, и мы сидим рядом в большом зале Дома литераторов и слушаем докладчика — Сергея Владимировича Михалкова, который выступает со словом о роли писателя в борьбе за мир в современном мире.

— Послушай, — тронул меня за локоть Сергей Васильевич, — я должен тебе сообщить важную новость: я стал писать только классику, хочешь прочту? А про борьбу за мир я тебе потом расскажу. — Он улыбнулся: — Ну, неужели мы с тобой не знаем о своей роли в борьбе за мир? Конечно, знаем. А вот классику доверяю только тебе. Слушай:

Он пришел, как наитие,
Как слепок с натуры,
Секретарский период развития
Советской литературы…

65

Из многих рассказов Михаила Матвеевича Годенко запомнился и такой.

Дело было в Одессе во время поездки писателей в этот город для встреч с читателями в рамках дней советской литературы. Была средина лета средины пятидесятых годов. После затянувшегося застолья у председателя горисполкома изрядно разогретые тостами и пожеланиями писатели погрузились в автобус и отправились в Зеленый театр, где их ждали одесситы и гости приморского города. Театр был расположен в живописном месте приморского парка имени Т.Г.Шевченко.

Народу тогда на подобные встречи набиралось полным-полно. Мальчишки и взрослые парни нередко забирались на деревья, окружавшие подобные театры под открытым небом. То же самое было и на сей раз вокруг Зеленого театра.

На юге, как известило, темнеет не только быстро, но и как-то сразу. Вспыхнул свет прожекторов и фонарей, когда на сцене появились писатели. Их дружными аплодисментами встретили собравшиеся.

Возглавлял писательскую бригаду украинский поэт Микола Нагнибеда.

К нему подошел известный юморист и сатирик Остап Вишня и сказал:

— Микола, будь ласка, не выкликай мене. Я шось заморився. Отут трошки посижу за занавесом. А колы почую силу, то сам пиду у трибуну.

— Добре, — согласился Нагнибеда и открыл встречу с читателями.

Один за другим выходили к трибуне поэты и писатели, читали стихи и делились творческими планами.

И вдруг занавес колыхнулся, из-за него вышел Остап Вишня и направился к трибуне.

— А сейчас, — увидев движущегося классика, громко объявил Микола Нагнибеда, — выступает наш известный, горячо любимый читательским людом писатель-юморист Остап Вишня.

Театр взорвался аплодисментами.

Переждав их, Остап Вишня надел очки, вынул из кармана блокнот и произнес:

— Зараз я зам зачитаю свою нову юмореску.

Публика затихла.

Остам Вишя кашлянул и начал читать. Но уже после первой фразы голос его ослабел, а после второй и вообще перешел на

шепот.

Кто-то из конца зала крикнул:

— Громче!

Вишня вновь повысил голос. Но его не хватило до третей фразы.

Тогда снова раздался призыв:

— Громче!

И тут из темноты, откуда-то сверху послышался не менее пронзительный крик:

— Ну шё ты, сука, пристал до человека?! Громче, громче! Ты шё не видишь: человек не может! Он бухой!..

66

В 1975 году в Азербайджане проходили дни советской литературы. Проведение таких дней стало в Советском Союзе традицией. Начинались они, как правило, в столице союзной республики. Писатели посещали различные трудовые и молодежные коллективы, выступали в студенческих аудиториях и в дворцах культуры. А затем создавалось несколько бригад, которые отправлялись по городам и весям республики. В одной из бригад, к которой был прикреплен и я, собрались уважаемые художники слова. Среди них Василий Белов. Григорий Коновалов, Олжас Сулейменов и другие. Мы отправились в старинную Шемаху в одном вагоне.

Среди нас оказался и Михаил Кузьмич Луконин, один из ярких представителей поэтов фронтового поколения. Потому-то в своих выступлениях постоянно вспоминал талантливых друзей юности, друзей, которые отдали свои светлые жизни за нашу любимую Родину.

Несколькими штрихами и стихотворными строками рисовал он Колю Отраду, Колю Майорова, Георгия Суворова. Вот что говорил Михаил Кузьмич в университетской аудитории:

— Есть у меня такие друзья, которые всегда и навсегда со мной: это друзья по оружию, по биографии, по надежности. Среди них, прежде всего те, что съехались со всех концов страны в Литературный институт имени Горького. Сергей Смирнов из Рыбинска, Яшин из Вологды, Кульчицкий из Харькова, Михаил Львов с Урала, Майоров из Иванова, Платон Воронько из Киева. Потом из другого института перешли Наровчатов, Слуцкий, Самойлов.

Осенью 1939 года я привез из Сталинграда Николая Отраду. Мы бушевали на семинарах Луговского, Сельвинского, Асеева и Кирсанова…

Это было высокое слово памяти, обращенное к юношеству. А в купе поезда Михаил Кузьмич оказался каким-то доступным, простым и веселым, как его тренировочный костюм и клетчатые тапочки.

И вот что мы услышали от него под мерный стук вагонных колес.

Двадцать с лишним лет по осени он ездил отдыхать в Сухуми и жил там в центральной гостинице в одном и том же номере — трехкомнатном люксе на третьем этаже. Естественно, Луконина трудно представить без компании, без товарищей и милых спутниц. Так было и десять лет назад. Так все складывалось и на

сей раз. Отдых входил в зенит своего продолжения.

Но как то раз, часов в двенадцать дня к нему в номер постучали.

— Войдите! — сказал Михаил Кузьмич.

В дверях показалась дежурная администраторша:

— Извините, ради Бога, Михаил Кузьмич. У нас к вам убедительная просьба. Не могли бы вы перейти на двое суток в такой же номер на четвертом этаже.

Заметив удивление на лице Луконина, администраторша тихо проговорила:

Понимаете, сегодня приезжают американцы. А поскольку в гостинице только этот номер прослушивается, то в Комитете Госбезопасности просили поселить американцев именно в вашем люксе.

«Боже! — подумал Луконин. — Сколько же я за эти двадцать с лишним лет тут наговорил всякого. Вместе с друзьями и сображниками?!»

— Пожалуйста, — сказал он администраторше.

— Вы не волнуйтесь, Михаил Кузьмич, — улыбнулась она ему. — Ваши вещи перенесут наши сотрудники. Они сейчас подойдут.

И администраторша покинула номер.

Когда в коридоре стихли ее шаги, Михаил Кузьмич выглянул в дверь. Не обнаружив в коридоре никого, закрыл дверь на ключ. Прошел в дальнюю комнату и в одном из углов торжественно произнес:

— Да здравствует абхазское правительство! Потом во втором углу, в третьем и четвертом. И так в каждой комнате.

Только после этого он покинул свой номер…

67

Помню, как в Доме детской книги во время одной из встреч с писателями речь зашла о Маршаке. Вернее, об этом его известном стихотворении:

Жили в квартире сорок четыре
Сорок четыре веселых чижа:
Чиж судомойка, чиж — поломойка,
Чиж-огородник, чиж — водовоз,
Чиж за кухарку, чиж за хозяйку,
Чиж на посылках, чиж — трубочист.

— А между прочим, сказал Николай Корнеевич Чуковский, — это стихотворение Даниила Ивановича Хармса. Хотя я видел его изданным вместе с нотами то ли в 1950-м, то ли в пятьдесят первом и значилось в этом издании «Музыка такого-то, текст С.Маршака». На самом деле оно было напечатано в журнале «Чиж» как стихотворение Хармса, и я помню, как Хармс читал его в Ленинградском театре юного зрителя.

О самом Николае Корнеевиче кроме того, что он сын Корнея Ивановича Чуковского, мы тогда ничего не знали. Он стал известен после выхода в свет в 1954 году его романа «Балтийское небо». В основу его были положены фронтовые будни защитников Ленинграда, среда которых находился и Николай Корнеевич. Он служил в одном из подразделений военно-морской авиации в районе Ладожского озера.

А тогда, в начале пятидесятых годов он был среди участников встречи писателей с московскими школьниками.

Его сообщение о Хармсе вызвало вопрос:

— А вы знали Хармса?

— Да.

— А правда ли, что Хармс был чудаком?

— Может быть. Так о нем говорили. А я, любя истинных чудаков, относился к нему прохладно. Почему? Мне казалось, что его чудачество какое-то деланное, придуманное.

Это был здоровый, рослый человек с холодными глазами. Выражение лица у него было всегда угрюмое. Звали его Даниил Иванович Ювачев. то он почему-то скрывал свою фамилию. Может, стыдился ее?! Не знаю. Помню, он уверял меня, что настоящая его фамилия Хармс. Потом называл какую-то двойную польскую и уверял, что происходит из крестоносцев, завоевавших

Иерусалим.

— А что особенно вам запомнилось из общения с Хармсом?

— Особенно?! — Николай Корнеевич немного подумал и сказал: — Пожалуй вот что.

Однажды, встретив меня в Детиздате, спросил, собираюсь ли я идти домой. А мы жили в соседних домах. Я ответил, что пойду домой, но только после решения своих дел, минут через десять-пятнадцать. Он пообещал меня подождать.

Когда я понял, что из Детиздата я так рано не выйду, нашел Хармса и сообщил ему об этом. Подумал при этом, что, видимо, дорога к дому — предлог для того, чтобы он выговорил мне нечто волнующее его. Спросил у Даниила Ивановича, так ли это.

— Нет, — ответил он, — мне нечего вам сказать. Просто я пришел сюда в цилиндре, и за мной всю дорогу бежали мальчишки, дразнили меня, толкали. И я боюсь идти назад один…

Помню, я тогда подумал, но не сказал ему, зачем же он ходит в цилиндре, если цилиндр доставляет ему столько неприятностей?

И вообще, — закончил свой рассказ Николай Корнеевич, — у этого детского писателя были постоянные нелады с детьми. На улице к нему вечно приставали мальчишки, и он сердился, ругался, гонялся за ними…

68

Проходили дни литературы в Ростовской области. Группа писателей отправилась в отдаленный район ночным поездом. Естественно, не обошлось без проводов и без продолжения их в купе.

Наконец, часам к двенадцати ночи все вроде бы угомонились.

Но оказалось, что не все…

У ростовского поэта Бориса Куликова оказалась почти целая бутылка армянского коньяка, которую надо было во что бы то ни стало допить. Но поскольку самому пить не пристало, он начал искать компаньона.

Между тем коридор вагона был пуст, все легли отдыхать.

И вдруг он обратил внимание, что дверь в одном купе открыта, а из-под одеяла на нижней полке торчит чья-то нога.

Куликов поставил бутылку возле окна, взялся за ногу и стал вытаскивать из-под одеяла ее обладателя. Им оказался разгневанный второй секретарь обкома партии, который буквально закричал:

— Куликов, прекрати свои безобразия! Это черт знает что?!

Куликов, продолжая вытаскивать секретаря, резонно заметил:

— Тише, тише! Народ и партия едины!..

69

Профессор Друзин Валерий Павлович предложил как-то навестить поэта Бориса Александровича Ручьева, остановившегося в гостинице «Центральная». Заодно и познакомить с автором прекрасных поэм «Любава» и «Красное солнышко».

Я с удовольствием принял приглашение. Давно знал не только поэмы Бориса Александровича, написанные в уме и вынесенные из заточения, чтобы быть перелитыми в строки на бумаге.

Мне было известно, что настоящей фамилией поэта была Кривощеков. Но кто-то еще в юности сказал ему, что с такой фамилией в поэзию входить неловко. И он выбрал себе звонкий псевдоним.

Знал я и о том, что по совету Николая Полетаева, заведующего отделом поэзии в журнале «Октябрь», он из Москвы, где оказался после окончания школы в Кургане, отправился на строительство Магнитогорска. Здесь Ручьев перепробовал много профессий: был землекопом, плотником, бетонщиком. И одновременно печатался в газете «Магнитогорский рабочий». Первая его книга стихов «Вторая родина» вышла в 1933 году и получила высокую оценку в критике.

Казалось бы, впереди были ясные дали, счастливая судьба стихотворца. Но этому не дано было осуществиться. По доносу он оказался в лагерях, где провел почти семнадцать лет.

Естественно, меня прежде всего интересовала не история создания известных поэм, хотя и это заслуживает особого разговора. Но в тот момент более интересным мне показалось выяснение причины его заточения.

И вот когда мы познакомились и сели за гостиничный стол хозяина номера, во время разговора я все же каким-то образом сумел спросить Бориса Александровича: за что же он был наказан таким огромным сроком заключения.

Думал, что это напоминание будет ему неприятным и вызовет неудовольствие с его стороны. Но Ручьев охотно откликнулся на мой вопрос и даже как-то оживился:

— Чего в молодости не наделаешь?!

И потом рассказал.

У него в Москве вышел очередной сборник стихов. Он вернулся в Магнитогорск с большущим по тем временам гонораром. И по этому случаю решил как следует угостить друзей. Это были молодые строители города, люди увлеченные

поэзией, веселые, энергичные.

Застолье продолжалось до рассвета.

Поддавшись общему пафосу пожеланий самого невозможного и несбыточного, Борис Ручьев неожиданно заявил:

— Ребята! Если бы я был председателем совнаркома, я бы Васю сделал наркомом обороны, Колю — наркомом иностранных дел, Серегу — наркомом просвещения…

И так он распределил все «портфели» в своем «кабинете».

Тут Борис Александрович улыбнулся: — Кому-то не понравился, видимо, портфель, потому что на следующую ночь за мной пришли. Следователь, которому меня передали, сказал, что на меня поступило сообщение, а вообще-то проще было сказать — донос, в котором говорится, что в Магнитогорске в ночь с такого-то на такое Борис Ручьев формировал новое правительство страны.

Естественно я ему все популярно объяснил. Это не что иное, как чепуха, мальчишеская шалость и, если хотите, поэтическая блажь.

— Почему же вы, поэт, не о женщинах, не о стихах или еще о чем-то подобном не говорили? — резонно спросил следователь.

— Помню, я ему сказал, что ответить на этот вопрос не могу. Потому как блажь, она и есть блажь.

Она-то и стоила мне десяти лет лагерей.

— А ведь вы еще находились в лагере семь лет?!

— Да. Был еще один срок. Но то уже по другому оскорбительному доносу и потому не очень-то интересному. Словом, и смех и грех…

Борис Александрович смахнул с лица набежавшую тень и поднял рюмку:

— За нас, за дам, но не за «портфели»…

70

Во время одной из писательских поездок произошел такой случай.

К дому для гостей, где ночевали писатели, подали автобус, чтобы отвезти их в какой-то совхоз для выступления. Все собрались кроме Михаила Светлова.

Руководитель группы Леонид Сергеевич Соболев нервно произнес:

— И где же Светлов? Кто видел Михаила Аркадьевича?

— Я видел, — ответил Владимир Солоухин. — Позвать что ли?

— Будь добр, Владимир Алексеевич. А то мы и так уже опаздываем на встречу с читателями, — сказал Соболев.

Солоухин завернул за угол дома для гостей и направился к туалету во дворе, куда, как он видел, направился Светлов.

Подойдя к туалету, спросил:

— Михаил Аркадьевич, вы тут?

— Тут, тут.

— Михаил Аркадьевич, там Соболев нервничает. Надо отправляться, а вас нет. Поскорее, Михаил Аркадьевич.

Из туалета голос Светлова спокойно произнес:

— Не торопи меня. Володя. Опорожнюсь — цены мне не будет!

71

Длительное знакомство связывало меня с Георгием Афанасьевичем Ладонщиковым, известным многим вчерашним детям своими умными, улыбчивыми книжками стихов «Маленькие мастера», «Капризный бычок», «В мастерской бобренка», «Чучело гороховое» и многих других.

При встречах Георгий Афанасьевич делился разными казусами, которые происходили на встречах с детьми — его благодарными читателями.

Как-то зашел у него разговор с одним мальчиком. На вопрос Ладонщикова, как тот живет, чем и как занимается, мальчишка наговорил ему кучу несуразностей.

— Зачем же ты мне сказал неправду? — спросил Георгий Афанасьевич.

Тот опустил глаза и проговорил:

— Боялся, что ты мне не поверишь, если я скажу тебе правду…

72

Писатель Валерий Исаев рассказал мне об одном из своих приездов в родное село на Курщине.

Но сначала несколько слов о самом Валерии Николаевиче.

Он не только литератор, но и известный врач-стоматолог, доктор медицинских наук, профессор. И вот природа наградила его еще и поэтическим даром. Он выпустил несколько сборников стихов, несколько прозаических книг, последней из которых стала книга о русском первопроходце и купце Григории Шелехове.

Так вот во время очередного вояжа в родные края председатель колхоза пригласил его проехать на своем «газике» по полям, поглядеть, что делается вокруг…

К вечеру возвращались в село.

Видят — мужик тащит мешок с фермы. Видимо, спер комбикорм.

— Знаешь, Николаич, — сказал председатель, — давай свернем, а то неловко мужику будет с нами встречаться…

73

О Константине Георгиевиче Паустовском, книги которого давно любимы читателями, а его перу принадлежат повести «Кара-Бугаз», «Колхида», «Черное море», «Повесть о жизни», «Золотая роза», не раз и не два добрыми словами вспоминали бывшие участники его семинара в Литературном институте. А среди них немало и таких, кто стал известными писателями. Это и Владимир Солоухин, и Ольга Кожухова, и Михаил Годенко.

В частности, Юрий Васильевич Бондарев вспоминал, как Паустовский вел у них семинарские занятия. Он никогда не выступал в роли мэтра в общении со студентами. Он был старший и более опытный в литературе товарищ. Его вроде бы тихие, произносимые скрипучим голосом слова высекали искру желания писать еще лучше, любить словесность так же, как он. Паустовский говорил им о значении и важности слова, об остроте и зоркости писательского глаза, о мастерстве Чехова, Куприна, Бунина.

«Довольно часто, разбирая сюжет, коллизию того или иного рассказа, — писал Юрий Бондарев, — он по ассоциациям начинал вспоминать случаи из своей жизни, и устные эти новеллы, уже тронутые писательским домыслом, были настолько хороши, что я глубоко жалею — он не все их успел записать и опубликовать позднее».

Одним из таких рассказов Константина Георгиевича было воспоминание из его журналистской жизни в Одессе. Тогда Паустовский работал ответственным секретарем газеты «Моряк», в которой вместе с ним трудились Катаев, Багрицкий, Бабель, Олеша, Ильф. Были они молодыми, дерзкими, мечтающими о литературной славе. Ведь шел только 1921 год.

Самым опытным в «Моряке» был писатель Андрей Соболь. Как-то он принес в газету новый рассказ. Всем он показался интересным, но как-то сумбурно исполненным. Печатать его в таком виде было нельзя. А предложить опытному писателю переделать рассказ никто на себя смелости не брал.

Во время обсуждения судьбы рассказа в редакции сидел старик Благов, бывший директор популярной в России газеты «Русское слово», правая рука издателя Сытина. Теперь этот пожилой человек работал в «Моряке» корректором.

Поздно вечером он пришел к Паустовскому домой, зная, что тот взял с собой рассказ Соболя для размышлений над текстом.

— Знаете, очень талантливая вещь, — сказал Благов. — Нельзя, чтобы она пропала.

— Но ведь в таком виде…

— Дайте мне рукопись, — предложил Благов, — и я попробую по ней пройтись.

— Как это пройтись?! — возмутился Паустовский. — Вы же знаете, что Соболь категорически против правки его материалов.

— Обещаю, что я не трону и не впишу ни единого слова.

Было уже поздно, и Благов остался на ночь у Паустовского.

Он вынул из кармана огарок толстой свечи, зажег его и склонился над рукописью с карандашом в руке. Закончил он работу только к утру.

Когда Паустовский прочел рассказ, не сдержался:

— Это чудо! Как вы это сделали?

Благов спокойно ответил:

— Просто расставил знаки препинания. У Соболя с ними форменный кавардак. Особенно тщательно я расставил точки. И абзацы. Это, милый мой, великое дело. Еще Пушкин говорил о знаках препинания. Они нужны для того, чтобы выделить мысль, привести слова в правильное соотношение и дать фразе легкость и правильное звучание. Знаки препинания как нотные знаки. Они твердо держут текст и не дают ему рассыпаться.

Рассказ Соболя был напечатан.

А на следующий день автор ворвался в редакцию. Глаза его горели, весь он был возбужденным. И с порога:

— Кто трогал мой рассказ?

Никто не трогал, — тут же ответил Паустовский. — Можете проверить текст.

— Ложь! — крикнул Соболь. — Я все равно узнаю, кто трогал.

В редакции учуяли запах скандала.

И тогда Благов, как обычно, спокойно сказал:

— Если вы считаете, что правильно расставленные знаки означают слово «трогать», то извольте: трогал его я по своей обязанности корректора.

И тут же Соболь бросился к Благову, крепко прижал старика к себе, троекратно поцеловал его:

— Спасибо. Вы дали мне чудесный урок. Но только жалко, что так поздно. Я чувствую себя преступником по отношению к своим прежним вещам…

А студенты в семинаре Паустовского, выслушав рассказ-воспоминание, во время усвоили очередной урок любимого мастера.

74

Известно, что драматург Всеволод Витальевич Вишневский был неистощимым выдумщиком. Фантазия его всегда рождалась экспромтом в соответствии с обстановкой, обликом встреченного человека и с собственным настроением. Подобных случаев, когда скромный, неведомый ему человек становился вдруг известным полярником, бесстрашным пограничником, ученым с мировым именем в его речи, тосте, экспромтном выступлении история знает немало.

Помню, в частности, рассказ кинорежиссера Ефима Львовича Дзигана, с которым мне довелось встречаться, когда в 60-х годах заведовал кафедрой русского языка во ВГИКе. Так вот он рассказал, что нечто подобное проделал с ним Всеволод Витальевич.

Они, как известно, сняли фильм «Мы из Кронштадта», принесший им неслыханный успех, что предопределило продолжение творческой дружбы.

Однажды Вишневский пригласил Дзигана к себе домой, чтобы поговорить о новом замысле.

Тот приехал.

И только начали говорить, как в дверях кабинета писателя появился не то администратор, не то руководитель какого-то клуба. Представившись, человек сообщил, что внизу писателя ждет машина и они срочно должны ехать на ранее запланированное и обусловленное с Вишневским выступление.

Вишневский не стал спорить и тут же уговорил Дзигана поехать вместе, просто «за компанию». Пока, мол, он будет выступать, и не очень долго, Ефим его подождет, а потом они вернутся и продолжат начатый разговор…

И вот они уже в клубе.

Дзиган, оставшись за какой-то стенкой, отгораживавшей его от стены, закурил. Неожиданно рядом с ним в кресло за столиком присел Вишневский, чтобы подождать вызова к аудитории.

И тут эта самая «стенка» раздвинулась, поскольку оказалась занавесом.

Аудитория встретила аплодисментами сидевших за столиком Вишневского и Дзигана. Последний от неожиданности чуть не выронил папиросу изо рта.

Тут же вскочил Вишневский и заявил, что ему доставляет огромное удовольствие представить собравшимся в зале известного героя гражданской войны, второго номера пулеметного расчета из Первой Конной и смелого братишку с

Волжской флотилии. И все, что он говорил далее, конечно же, никакого отношения к биографии Дзигана не имело.

И вдруг Вишневский неожиданно остановился и представил слово первоконнику.

Что было делать? И Дзигану пришлось выкручиваться из ситуации, дабы не подвести товарища и с честью выйти из положения, созданного самим же товарищем. А положение действительно выглядело анекдотичным.

— Ну я тоже наговорил кучу такого, что зал прекрасно понял и по-достоинству оценил мою фантазию на счет того, что перед ними и рядом со мной стоит легендарный сподвижник полярного исследователя Амундсена, один из основателей буддийской философии по аграрно-индустриальному вопросу, полководец вооруженных сил племен средней Африки и пустыни Сахары и вообще замечательный писатель Всеволод Вишневский…

75

Писатель Гарий Леонтьевич Немченко, автор известной повести «Пашка милиция», поведал историю из жизни многотиражки на Магнитке, где он был главным редактором.

Работал с ним некто Ежиков. И вдруг подал заявление об уходе и отправился на жительство в другой город. Вскоре Ежиков дал о себе знать, прислав письмо. В нем сообщалось, что он женился на женщине, старше его на двадцать лет.

При встрече Гарий спросил Ежикова:

— Что тебя заставило пойти на такой шаг в жизни?

— Видишь ли, — ответил ему Ежиков, — жена моя заведующая кафедры иностранных языков. А я хочу изучить английский…

76

При встрече с нашим великим писателем Леонидом Максимовичем Леоновым я спросил, правда ли говорят, что когда ему исполнилось тридцать лет, он якобы схватился за голову и произнес:

— Боже, как я уже стар!?

Леонид Максимович улыбнулся:

— Через шестьдесят лет вспомнить, что произошло с тобой в тот момент, — нереально. Можно, конечно, подтвердить: «Да, именно так я и говорил». Но это будет неправда.

А после паузы оживился:

— Да что я со своими тридцатью годами. Вот Пушкин в свои двадцать два в письме к другу Дельвигу писал, что живет воспоминаниями. И добавлял, а чем, мол, еще жить остается под старость нашей молодости.

77

Василий Петрович Росляков вспомнил, как однажды на Пленуме писателей он оказался рядом с Павлом Филипповичем Нилиным.

Глядя в президиум, Нилин сказал:

— Базилек, смотри, видишь рядом с Георгием Марковым сидит человек с профилем римлянина периода упадка империи?

Росляков пояснил:

— Это Альберт Беляев. Из отдела культуры ЦК.

— Так вот он сидит на твоем месте.

— Как так.

— А так. Тебя приглашали на работу в ЦК? Ты отказался. А он нет. И вот теперь сидит на твоем месте.

78

По Переделкину шла группа писателей, среди которых был и Павел Филиппович Нилин.

Из-за угла соседней улицы навстречу им вышел Корней Иванович Чуковский.

— Здравствуйте, Корней Иванович, — поприветствовал Чуковского Нилин.

— Здравствуйте, Павел Филиппович! — снял головной убор Корней Иванович, проследовал дальше и скрылся в одной из калиток.

Павел Филиппович, проводив взглядом Чуковского, ни к кому конкретно не обращаясь, произнес:

— Ваще, если этот старичок задержится лет на пять-семь на земле, он всех обосрет, кого еще не успел…

Пройдя несколько шагов, Нилин продолжил:

— Намедни приезжала к нему одна старушка. Назвалась гимназической подругой. Повспоминали они о своей юности, попили чайку. Потом Корней Иванович со всей своей челядью пошел провожать Наденьку. Когда Наденька скрылась, челядь обратилась к Чуковскому: «Так кто же она, эта ваша Наденька?»

— Я же вам сказал, что гимнастическая подруга. Правда, в одна тысяча девятьсот шестнадцатом годе она вышла замуж за известного санкт-петербургского гомосексуалиста, который на вторую ночь бежал от ее в ея чулках.

79

Лидия Николаевна Сейфуллина прославилась своими повестями «Перегной» и «Виринея». Нередко ей приходилось встречаться с Алексеем Максимовичем Горьким, который поддерживал талантливую писательницу. Нередко он делился с нею и какими-то личными неурядицами.

И вот однажды из его уст она услышала такую жалобу на житье-бытье:

— Понимаете, меня сейчас все избирают почетным — то булочником, то пионером. Завтра собираюсь осмотреть сумасшедший дом… Боюсь, как бы не вернуться оттуда почетным… сумасшедшим.

80

Среди многих баек о Михаиле Аркадьевиче Светлове существует и такая.

Уезжая отдыхать и творить в Дом творчества Коктебель, Светлов договорился с директором издательства «Советский писатель» Николаем Васильевичем Лесючевеким. что тот через десять дней переведет ему деньги за выходящую в издательстве книгу.

— Только уж не подведи, Николай Васильевич! Мне там ребят надо будет угощать, да и самому немножко пображничать не мешает.

— Не волнуйся. Михаил Аркадьевич, как договорились…

Но минуло десять дней. Потом две недели. А денег, обещанных директором издательства, на его имя не поступило.

Кипела в душе обида и жаждала воплощения в самое крепкое слово. Но такого слова почта не пропустит. И тогда Светлов находит формулу для выражения своего возмущения.

Он берет бланк телеграммы и выводит на нем: «Москва. Издательство „Советский писатель“. Лесючевскому. Вашу мать беспокоит отсутствие денег».

81

В Доме литераторов в питейном зале буфета сидел за столом изрядно «начитанный» Виль Владимирович Липатов. Вокруг него — писатели-северяне Василий Ледков, Юван Шесталов, Григорий Ходжер, Владимир Санги. Между прочим, шел разговор о национальных литературах, о влиянии национального характера на творчество писателей Севера.

Сидел Виль Владимирович, закрыв глаза, но всем видом показывая, что внимательно слушает говорящих.

Мы с ним познакомились в Литературном институте, где он вел семинар прозаиков. Кстати, вел интересно, творчески. И потому именно к нему обратились мы с Геннадием Серебряковым, когда задумали издавать альманах «Мастерская» на базе издательства «Молодая гвардия». Обратились, чтобы он разрешил записать ход одного из занятий семинара, на котором обсуждался бы рассказ студента. Обычно при обсуждении автор характеризует свою работу, выслушивает суждения о ней товарищей по семинару и выводы руководителя семинара. И мы записали такой семинар Липатова. Но не смогли осуществить замысел альманаха. У нас его перехватили «конкуренты», у которых хватило энтузиазма всего лишь на два выпуска.

Кстати, именно идея «Мастерской» позволила воскресить к жизни горьковский журнал «Литературная учеба», который выходит в свет и по сей день.

А на семинарах по текущей литературе мы обсуждали повести Виля Липатова «Сказание о директоре Прончатове», «Серая мышь», «Еще до войны». Поистине народным повествованием стал его «Деревенский детектив» — Федор Иванович Анискин, великолепно воплощенный на киноэкране Михаилом Жаровым…

Между тем писатели-северяне продол свой заинтересованный разговор, разогревая себя все новыми порциями горячительного. Не забывали при этом о Виле Владимировиче.

Кто-то из них вспомнил имя отсутствовавшего Юрия Рытхэу, известного своим романом «Время таяния снегов».

— А вы знаете, Юра говорит, что он не чукча, что отец у него японец.

Виль Владимирович вскинулся:

— Кто у него отец?

— Японец.

— Да какой японец?! — возмутился Липатов. — У него отец — еврей из яранги…

82

Обратив внимание на сидевшего в президиуме писательского собрания секретаря Правления Озерова Виталия Михайловича, Михаил Кузьмич Луконин спросил:

— Знаешь, кто он?

И сам же ответил:

— Буржуазный специалист по вопросам социалистического реализма.

83

В сентябре 1972 года делегация Литературного института имени А.М.Горького по плану обмена с Литературным институтом имени И.Бехера в Лейпциге прибыла в Германскую Демократическую Республику. В составе делегации были два студента, прославленный драматург Виктор Сергеевич Розов, ведший в институте семинар по драматургии, ректор института Пименов Владимир Федорович и я. Естественно, наш небольшой, но дружный коллектив, возглавлял ректор.

По приезде в Лейпциг Виктор Сергеевич получил солидный гонорар за опубликованный сценарий его всемирно известной киноленты «Летят журавли».

В этот день мы оказались в Ваймере, побывали в домах Гете и Шиллера и пошли обедать в ресторан «Элефан».

Когда стали рассчитываться с официантом, Розов объявил:

— Я вас угощаю.

— Эх, вырвалось у меня. — Что же вы раньше не сказали: мы бы и шнапса заказали и бира.

— Так и по миру меня бы пустили, — отшутился Виктор Сергеевич…

А когда пришла пора уезжать из Берлина, мы собрались в холе гостиницы. Как приехали каждый с чемоданом, так и уезжали.

Тут появился Розов.

Следом за ним везли тележку с сумками, чемоданами. Всего семь мест.

Владимир Федорович глянул на багаж Розова и сказал:

— Русские за границей.

— Русские — это мы, — подхватил я. — А это — Розов за границей…

84

Василий Петрович Росляков рассказывал, как группа московских писателей должна была отправиться на встречу с сотрудниками Министерства сельского хозяйства, занимавшимися вопросами коневодства. Пригласил их замминистра, бывший прославленный командарм Первой Конной Семен Михайлович Будённый.

Накануне встречи он собрал своих подчиненных и обратился к ним с вопросом:

— Конскому составу ясно, кто такие писатели?

С места послышалось:

— Да, вроде…

— Объясняю, — строго сказал Семен Михайлович. — Писатели — это те, кто делает литературу. А знаете, что такое литература?

— Да вроде…

— Объясняю.

Он взял со стола книжонку и прочитал:

— «Наставление по вольтежировке». Это книга.

Потом взял другую:

— «Наставление по рубке лозы». Это книга.

Потом третью:

— «Наставление по стрельбе с седла». Это тоже книга. А все вместе — литература…

85

В журнале «Октябрь» печатали полемическую статью литературоведа Владимира Александровича Архипова, в которой он спорил с новомировским критиком Сурвилло. Наборщик по ошибке в тексте «Он, Сурвилло, утверждает» набрал: «Оно, Сурвилло, утверждает».

Корректор заметил оплошность наборщика и в верстке исправил опечатку.

Но бывший в то время первым заместителем главного редактора критик Дмитрий Викторович Стариков, которому опечатка пришлась по душе, восстановил набранное.

В конце концов журнал так и вышел с опечаткой. Естественно, она не прошла мимо внимания острословов.

И когда критик Сурвилло входил в Дом литераторов, нередко слышалось:

— Оно, Сурвилло, пришло…

А Дмитрий Стариков за оный проступок был «награжден» строгим выговором главного редактора.

86

Поэт Сергей Митрофанович Городецкий, который ярко вошел в русскую поэзию с книгой стихов «Ярь», вышедшей в 1907 году, пожалуй, лучшего так и не создал за всю оставшуюся жизнь. А первый его сборник был пронизан солнечным светом, исходившим из языческого божества древних славян Ярилы. Запечатленные в сборнике мифологические мотивы напоминали современникам живопись Николая Рериха и скульптора Сергея Коненкова. О Городецком сразу же заговорили, ему предсказывали блестящую перспективу. Да не кто-нибудь предсказывал, а Блок, Брюсов, Белый.

Но так бывает, что «Ярь» и, может быть, еще сборник «Перун», остались лучшими его свершениями, хотя он продолжал работать в поэзии и других литературных жанрах.

Дружил он тогда с Сергеем Есениным, Николем Клюевым, Сергеем Клычковым. С Николаем Гумилевым создавал «Цех поэтов».

В конце жизни он обосновался в Обнинске, откуда наезжал в столицу.

И вот однажды, приехав в Москву из Обнинска, он оказался на заседании секции поэзии в Ломе литераторов, где обсуждали творчество молодых.

Городецкий внимательно слушал выступающих. Потом кто-то вспомнил про него и предложил:

— А может, послушаем нашего уважаемого мэтра Сергея Митрофановича Городецкого?

Предложение поддержали аплодисментами.

Старый поэт степенно подошел к трибуне и, обведя взглядом притихший зал, сказал:

— Гляжу я на вас и думаю, какие же вы все грамотные, умные, очень образованные, какие начитанные, культурные… Но как же вам всем тут скучно…

87

В апреле 1936 года в «Правде» была опубликована передовая статья «Колхозное казачество», в которой говорилось о трудном пути донского казачества к новой жизни. Называлось, в частности, имя Григория Мелехова. Кто, мол, не знает ныне его?! Раньше он был обычным крестьянином. В годы гражданской войны метался в поисках правды. И нашел ее в социалистической нови. Ныне он знатный тракторист, в авиаклубе занимается парашютным спортом, он член правления колхоза. Словом, он — настоящий советский гражданин.

Тем самым Шолохову подсказывали, каким образом должен был завершиться жизненный путь его мечущегося героя.

И вот в 1940 году вышла в свет четвертая книга «Тихого Дона».

Прочитав ее, Сталин увидел слово «конец».

При встрече с писателем спросил:

— Это что, конец?

— Да, товарищ Сталин, — ответил Шолохов.

— Так не должно завершиться произведение. Мы уже полюбили Григория Мелехова. Он должен быть с нами, строить новую жизнь.

И замолчал.

Молчал и Шолохов.

Установилась долгая пауза, которую сам Сталин прервал:

— Или вы не хотите?

— Я-то хочу, товарищ Сталин, да он не хочет.

Сталин помолчал и сказал:

— Ну что ж. Тогда действительно конец…

88

В канун 70-летия Константина Михайловича Симонова, а эту дату отмечали в 1985 году, ко мне в «Огонек», где я был первым заместителем главного редактора, пришли Артем Боровик и Лима Лиханов — сыновья известных родителей, работавшие в газете «Советская Россия», и принесли небольшой очерк о юбиляре.

Они отыскали неведомый факт в жизни Симонова.

Оказывается, в Смоленской области существовал детский дом, куда Константин Михайлович отправил багаж из Соединенных Штатов Америки. В багаж входили различные игрушки, набор детской мебели, спортивный инвентарь. Все это было приобретено им за гонорар, который он получил в Америке.

Мне показалось это интересным, и я отправил материал в набор.

Когда набранный очерк попал в руки главного редактора Анатолия Владимировича Софронова, он поинтересовался:

— Кто организовал этот материал?

Узнав, что я, сказал:

— Что же выходит? Он был хорошим, а мы плохими, которые ездили вместе с ним в Америку?

— Об этом, Анатолий Владимирович, в очерке ни слова.

— Я сам напишу о Симонове. Мы вместе с ним работали при Фадееве в секретариате…

Этой фразой он открыл свои две странички, на которых процитировал еще два стихотворения Симонова военных лет.

Мне искренне было жаль живого слова о живом Симонове, в котором постоянно жили «дороги Смоленщины» и те дети, коим он отправлял из-за океана игрушки.

89

Из уст директора Центрального Дома литераторов Бориса Михайловича Филиппова я услышал воспоминание о том, как однажды в клубе творческой интеллигенции за биллиардным столом встретились Маяковский и самовлюбленный критик, неодобрительно отозвавшийся о пьесе «Клоп». Маяковский решил «отыграться» за бильярдным столом и с подчеркнутой любезностью пригласил своего недоброжелателя сыграть с ним партию.

Критик и тут говорил с Маяковским свысока, несмотря на свой низкий рост, и по сему поводу клубный маркер Захар Иванович именовал критика человеком «с мантией величия».

Кстати, самовлюбленный критик в бильярде был не профан.

Маяковский дал ему «фору» при условии, что проигравший должен был трижды пролезть под бильярдным столом.

Критик вначале поупрямился, но «фора» и желание увидеть Маяковского под столом сыграли свою роль.

Слух о споре тут же разнесся по клубу, и в бильярдной собрались почти все, кто в этот час оказался в помещении. Большинство «болельщиков» было за Маяковского и всячески поддерживали поэта. Владимир Владимирович был очень сосредоточен в игре и мало реагировал на крики одобрения, какими встречали сочувствующие каждый удачный удар. Он выиграл у самоуверенного критика под крики ликования собравшихся.

Когда проигравший полез под стол, Маяковский громко заявил:

— Рожденный ползать писать не может!..

90

Было это в 1981 году, когда литературная общественность страны отмечала 80-летие Александра Александровича Фадеева.

Свыше ста писателей из всех союзных республик, среди них был и я, прибыли спецрейсом в Приморский край, где прошли детство, отрочество и юность юбиляра. Известно, что Фадеев родился на Тверской земле, в городе Кимры. Но в 1908 году семья его переехала на Дальний Восток.

Участники дней Фадеева в Приморье побывали на заводах и в студенческих аудиториях, у моряков и ученых. И вот очередь дошла и до Ново-Михайловки, где открывался музей А.А.Фадеева.

Ранним утром, а был уже конец сентября, мы на поезде прибыли на станцию Ново-Михайловка.

Писатели стали энергично выходить из вагонов.

Мы стояли в коридоре нашего купейного вагона с известным сатириком Аркадием Аркановым, пропуская спешащих.

Где-то вдали, вероятно, в голове состава, возле здания вокзала оркестр грянул встречный марш.

И вдруг видим: размашистым шагом в сторону вокзального здания спешным шагом идет руководитель нашей делегации Союза писателей Виталий Михайлович Озеров. Демисезонное пальто накинуто на плечи. Рядом с плеером в ушах поспешает за ним Юрий Рытхэу, очень смахивающий на японского атташе.

Глядя на эту пару и прислушиваясь к гремящему вдали маршу, Аркадий Михайлович Арканов тронул меня за рукав:

— Старик! Колчака встречают!..

91

Однажды в кабинете Всеволода Анисимовича Кочетова, возглавлявшего журнал «Октябрь», кто-то из сотрудников редакции, просматривая свежий номер газеты «Известия», вслух обратил внимание находившихся здесь на официальное сообщение, что вчера на даче у Н.С. Хрущева в присутствии руководителей партии, государства и представителей творческой интеллигенции А.Т.Твардовский читал свою новую поэму «Теркин на том свете».

Далее сообщалось, что поэму приняли хорошо, все смеялись.

И следовал перечень фамилий присутствовавших на даче.

— Дайте-ка газету, — попросил Кочетов.

Он еще раз внимательно просмотрел информацию и неожиданно улыбнулся:

— Смотрите-ка, а ваш-то Воронков /он мел в виду оргсекретаря Союза писателей СССР/ смеялся последним…

92

Евгений Львович Шварц в кругу друзей поведал о том, что произошло с известным актером Сергеем Филипповым в Москве. Тогда Филиппов работал в театре комедии под руководством Николая Павловича Акимова в Ленинграде. В Москве театр был на гастролях.

— Сам Филиппов об этом рассказал мне так. «Напившись до изумления», в метро он заявил пассажирам, что он Герой Советского Союза, а потому требовал от всех внимания к своей персоне. Кто сомневался в его звании, он требовал немедленно покинуть вагон. И тут неожиданно его взгляд встретился с чем-то до боли знакомым. Это были пронзительные голубые глаза Акимова. «Подходит он ко мне, — признался Филиппов, — и говорит: „Идите за мной!“ В вагоне стало тихо. И я притих. Вышел за Акимовым на остановке, И тот меня так отхлестал, что весь хмель выдохся, хоть пей сначала!»

93

Поэт Михаил Федорович Борисов, прославивший себя в бою под Прохоровкой на Курской дуге, подбив семь «Тигров» гитлеровцев, за что был удостоен звания Героя Советского Союза, пришел на очередную встречу с читателями в воинскую часть.

Встретивший его заместитель командира части провел поэта в клуб где собрались офицеры, их семьи и солдаты. Майор поведал собравшимся о подвиге товарища Борисова, а в конце своего вступительного слова объявил:

— А сейчас, товарищи, наш гость известный поэт, Герой Советского Союза Михаил Борисов продекламирует нам свои стихи…

94

Жил в Ленинграде писатель Леонтий Иосифович Раковский, перу которого принадлежат романы «Генералиссимус Суворов». «Кутузов», «Адмирал Ушаков» и другие.

А в конце сороковых годов в издательстве «Знание» у него вышла брошюра о Суворове. Она стала первой попыткой писателя рассказать о великом русском полководце.

Однажды, придя домой, а жил он в коммуналке, Леонтий Иосифович нашел в двери записку с просьбой срочно позвонить в Москву по такому-то телефону. Естественно, телефона у Раковскогого не было. И он пошел на телеграф, чтобы созвониться с Москвой.

Выстоял очередь в автомат, набрал номер и на вопрос в трубке: «Кто говорит?» назвался, сославшись при этом на указанную в записке просьбу.

— Все правильно, — отозвалась вежливо трубка. — Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

Через несколько секунд раздался спокойный и знакомый голос:

— Товарищ Раковский? Здравствуйте. Я прочитал вашу брошюру о генералиссимусе Суворове и хочу поделиться с вами некоторыми соображениями. Вам надо продолжить работу над материалом. И потому хочу поддержать вас конкретными предложениями по тексту. У вас есть чем записывать?

А у Раковского ничего кроме пачки «Беломора» и обгорелых спичек под рукой не было. Но об этом не скажешь вождю!

Он вытащил обгорелую спичку.

— Записывайте. На странице третьей, второй абзац сверху. Вы пишете… Я предлагаю развить эту, мысль в таком направлении. На странице семнадцать последний абзац. Вы пишете… Можно было бы подумать и над таким вариантом. На странице двадцать второй…

А будку с телефоном уже атаковали недовольные граждане. Безобразие! Столько времени занимать телефон-автомат! Ему стучали, дверь открывали.

— Что там у вас происходит? — послышалось в трубке.

— Извините, товарищ Сталин. Но больше я разговаривать не могу…

Под гул неодобрения очереди покидал телеграф Леонтий Иосифович.

Вернувшись домой, в комнату-пенал, он взял листок бумаги и начал переносить с пачки «Беломора» державные указания.

Потом начал размышлять над происшедшим.

Прошло минут десять.

Вдруг два звонка в дверь квартиры.

Раковский пошел открывать: так полагалось звонить ему.

В дверях стояли двое молодых людей в спецовках с мотками провода, чемоданчиками и телефонным аппаратом.

— Раковский? — спросит один из них.

— Да. А в чем дело?

— Вот велено поставить вам аппарат. Тянем воздушку. Они прошли в комнату.

— Куда аппарат поставим?

— Да вот на тумбочку, пожалуй, — ответил хозяин.

Монтеры тут же установили аппарат, подключили его к какой-то системе, проверили исправность работы и, попросив расписаться в банке наряда, распрощались.

Прошло еще несколько минут.

И неожиданно резко и продолжительно зазвонил телефон.

Раковский даже вздрогнул.

Снял трубку и услышал знакомый голос:

— Товарищ Раковский?! Теперь вы можете со мной говорить?! Так продолжим. Страница двадцать вторая третий абзац сверху…

95

Приехавший в дом творчества работников кино в Болшево Александр Львович Дымшиц, оформив свое пребывание в администрации, отправился в свой коттедж.

И неожиданно был остановлен радостным голосом:

— Александр Львович!

На крыльце соседнего домика увидел приветствовавшего его Юлиана Семенова.

— Рад вас видеть! Не правда ли, я похож на старика Хэма?!

Он явно намекал на свое сходство с Хэмингузем.

Дышиц тут же отозвался:

— Да, Юлечка. Только по-английски он пишется через «а».

Как-то спросил у Юрия Леднева, который не раз в разговоре упоминал имя Володи Герасимова, кто он такой, этот Герасимов.

— Мы с ним учились в Литературном институте. Я был в семинаре Коваленкова, а он в семинаре Наровчатова.

Мальчишкой во время войны его вместе со многими ребятами фашисты отправили в Германию. По пути Володя бежал, выпрыгнув из товарного вагона на ходу. Весь побился. Его подобрал какой-то старик-гуцул, спрятал в своей сторожке и долго отпаивал соком молодого картофеля. Потом он свел Володю с партизанами. После паузы Юра продолжил:

— А в институте с Герасимовым вот какой случай произошел.

После XX съезда партии в гости к студентам пришел Илья Григорьевич Эренбург. Встреча проходила в переполненном зале. Выступая, Илья Григорьевич внушал: не слушайте досужих ученых, которые требуют от вас учебы у фольклора. Фольклор кончился, как только появилась письменность. Не доверяйтесь и тем, кто зовет вас «вперед к Пушкину!» Пушкин уже превращен в икону, ему молятся, а жизнь-то давно уже иная. И у каждого поколения свой Пушкин. Ныне владеет умами Борис Слуцкий.

Словом, выступление его продолжалось в таком же духе, который явно был рассчитан на юношеский максимализм в отношении догм и кумиров. Новая эра, названная с его легкой руки «оттепелью», так называлась его повесть, разбудила неведомые духовные силы в обществе. И он верит, что литература будущего находится в этом зале.

После него на трибуну вышла одна из студенток:

— Мы очень благодарны Илье Григорьевичу за проникновенные слова в наш адрес. Действительно, какой может быть фольклор в эпоху всеобщей грамотности?! Пушкин нам в школе уже надоел. Действительно, сегодня Борис Абрамович Слуцкий наш кумир. Именно он будит мысль, возбуждает в каждом из нас творческую энергию.

И как только она закончила свое выступление, слово попросил Володя Герасимов. Выскочив на трибуну, он обратился к залу:

— Товарищи, кого мы слушаем? Откройте последний ном советской энциклопедии под редакцией Бухарина и там прочитаете: «Илья Эренбург — враг советской власти, белоденикинское отребье».

Говорят, в этот момент Илье Григорьевичу стало плохо. Володя гневно продолжал, обращаясь к студентке:

— А о тебе я подумал, когда ты стояла за трибуной: стреляла бы ты в Ленина или нет? Так вот, когда ты сходила с трибуны, я понял: ты бы стреляла…

В зале разразился скандал.

Встреча была прекращена.

На следующий день был обнародован приказ ректора об исключении из числа студентов Герасимова за хулиганское поведение и срыв культурного мероприятия.

— И что же было дальше? — спросил я.

— А дальше мы, друзья Володи, обратились с письмом к Шолохову и Хрущеву, в котором рассказали о происшедшем. Просили помочь восстановить Герасимова в институте.

— И…

— И, как говорится, справедливость восторжествовала.

— Но, согласись, Герасимов-то вел себя по-хамски…

А Эренбург?! Что он не выглядел таким же хамом по отношению к Пушкину?!..

97

В одном из московских клубов на лестнице встретились Владимир Алексеевич Гиляровский и Александр Иванович Куприн. Последний был на хорошем веселе и поднимался из ресторации вверх по лестнице. Гиляровский же только направлялся в питейное заведение. Увидев старого доброго знакомого, Куприн попросил:

— Гиляй, скажи что-нибудь веселенькое, а то на душе кошки скребут.

— Ты помнишь стихотворение Блока «Незнакомка»? — спросил Владимир Алексеевич у Куприна.

Куприн вскинул голову, наморщил лоб, изображая попытку припомнить блоковское стихотворение.

Но Гиляровский тут же прочитал:

…А рядом, у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vina veritas» кричат…

— А, помню, помню, — засмеялся Куприн. — Ну как же… Истина в вине.

— Вот именно, — подтвердил Гиляровский.

— Хорошо сказано, Гиляй, — одобрил Куприн. — Хорошо.

— А теперь слушай, — остановил его Владимир Алексеевич:

Если истина в вине,
Сколько ж истин в Куприне?..

98

В октябре 1972 года меня пригласил к себе в редакцию журнала «Молодая гвардия» Анатолий Степанович Иванов, которого утвердили в должности главного редактора, и предложил стать его заместителем.

Для меня предложение было полной неожиданностью. И я попросил время на раздумье.

— Его уже нет! — улыбнулся Анатолий Степанович. — Ну, ладно!

Жду завтра в это же время с ответом….

При встрече с Ивановым на следующий день я промямлил что-то вроде отказа.

— Ну что ж, вздохнул он. И после паузы: — Вот так нашего брата все и происходит. Шумим, друг другу жалуемся, что нас-де не печатают, нам не доверяют. А как до дела: бери в свои руки журнал, публикуй то, что считаешь заслуживающим того, — тут же в кусты, тут же на попятную…

И этими словами, до сих пор отчетливо звучащими в памяти, он сразил меня…

На второй или на третий день моего пребывания в кабинете заместителя главного редактора утром я услышал стук в дверь. Затем дверь открылась и на пороге появился высокий седой человек. Густым басом представился:

— Бывший красный партизан, певец Дровянников.

— Очень приятно! Чем могу быть полезен?

— Хочу опубликовать у вас в журнале воспоминания о Шаляпине. Сердце у меня так и екнуло: «Вот повезло!» Но, стараясь не выдавать радости, спросил:

— А вы с ним встречались, вместе где-то жили или общались какое-то время?

— Да, был у него в Париже.

— В каком же году? — спросил я, уже проверяя достоверность «воспоминаний».

— В тридцать шестом.

Шаляпин был еще жив, но уже не очень здоров. Через два года его не стало.

— И что же? — обратился я к Дровянникову.

— Пришел к нему. Но слуга сказал, что Федор Иванович принимают ванну и попросил меня подождать.

Больше часа сидел я в прихожей.

Потом из ванной вышел Шаляпин. В халате, полотенцем перевязана голова. Подошел ко мне и спросил: «Поешь?» Я

ответил, что пою. «Ну и пой!» — сказал Шаляпин и ушел к себе.

— Ну, а потом-то вы встретились с Федором Ивановичем?

— Да нет, — ответил Дровянников. — Не довелось. Ну, как, пойдут мои воспоминания?

— Видите ли, — осторожно начал я. — Это скорее не воспоминания, а всего лишь курьезный, забавный случай. Воспоминания предполагают хорошее знание человека или же мимолетные встречи с ним но такие, в которых интересный и известный человек открывается неожиданными сторонами своего характера или своего таланта.

— Ясно, — спокойно подытожил Дровянников. — Тогда, может, я выступлю у вас? Аудитория-то у вас кака?

— Да в основном все с высшим образованием.

— Ну тогда для начала «О скалы грозные», а там, как пойдет, — гремел голос Дровянникова.

— Видите ли, — опять начал я извинительно, — вряд ли у нас состоится встреча. Дело в том, что многие наши сотрудники находятся в командировках и собрать коллектив не удастся.

— Ну что ж. Тогда извиняйте!

Дровянников встал, поклонился и вышел из кабинета…

Через некоторое время у меня зазвенел телефон.

По голосу узнал заместителя главного редактора журнала «Сельская молодежь» Станислава Романовского:

— Аудитория-то у вас кака?..

99

Эту историю я вспомнил, когда оказался во главе группы авторов «Молодой гвардии», ехавшей на встречи с будущими подписчиками журнала. Раньше практиковалась пропаганда журнала в период подписной кампании. Выступали перед различными аудиториями того или иного региона, агитируя подписаться именно на наше издание.

Каждый из литераторов, конечно же, имел определенные «домашние заготовки»: то ли короткий спитч, то ли новеллку, то ли рассказ о реальном случае. А что делать мне, критику? И я, вспомнив о встрече с Дровянниковым, тоже выступал с рассказом, который назвал «Как я становился редактором»…

Долго не соглашался я занять место заместителя главного редактора в журнале.

— Да чего ты боишься?! — убеждал меня главный редактор. — Ничего особенного в редактировании нет. Читаешь текст. Если чего не нравится, вычеркивай.

— И все?!

— И все…

И вот я сижу в кабинете. Слышу стук в дверь.

После моего «войдите» в кабинет вошел почтенный старец в сюртуке, с бабочкой на накрахмаленной манишке. Я поднялся навстречу. Он протянул руку:

— Тютчев Федор Иванович.

— Очень приятно. Чем могу быть полезен? — спросил я.

— Да вот хочу предложить стихи в ваш журнал.

И протянул мне отпечатанный на машинке лист со стихами.

В правом верхнем углу стояли две буквы — КБ.

— Это что же, «конструкторское бюро»? — поинтересовался я.

— Да нет. Это тайное посвящение.

— Извините, я сейчас прочитаю и выскажу свое мнение, — попросил я разрешения у Федора Ивановича.

И я стал читать стихи:

Я встретил вас, и все былое
В отжившем сердце ожило.
Я вспомнил время, время золотое
И сердцустало так тепло.

Так поздней осени порою
Бывает день, бывает час,
Когда повеет вдруг весною

И что-то встрепенется в нас…

Дочитав стихи до конца, я сказал:

— Федор Иванович, я бы предложил вам такую редактуру: «Я встретил вас и все…» Остальное, право слово, ничего не добавляет к сказанному. Вы согласны?

После непродолжительной паузы Федор Иванович произнес:

— Ну что ж… Я, пожалуй, соглашусь. Хоть в таком виде пусть увидят свет эти дорогие мне строки. А то куда ни ходил, всюду отклоняют, не объясняя почему…

Проводив посетителя, я пошел к главному редактору, чтобы показать ему «плоды» собственного редактирования.

Глянув на стихи, он одобрительно сказал:

— Ну вот, видишь, а ты сомневался. Молодец! Неплохо поработал над текстом. Правда, еще детали не чувствуешь. Но это придет.

— А в каком смысле не чувствую?

— Да вот в строке «Я встретил вас» зачем тут это лишнее слово «встретил»? Просто и проще так: «Я вас — и все»…

100

Михаил Матвеевич Годенко, продолжая свои рассказы-воспоминания из жизни редакции журнала «Октябрь» упомянул имя Елизария Юрьевича Пупко, писавшего под псевдонимом Елизар Мальцев. Его перу принадлежал популярный в пятидесятые годы роман «От всего сердца», о котором позднее автор говорил, как о произведении слабом, лакирующем действительность.

И хотя в последующие годы он вроде бы «исправился» и уже не прибегал к элементам украшательства в романах «Войди в каждый дом», «Белые гуси на белом снегу», они ему известности не добавили.

Так вот Елизарий Юрьевич работал в журнале «Октябрь» заведующим отдела прозы.

И о нем однажды Федор Иванович Панферов, главный редактор, сказал так:

— Елизар, как щенок. Ластится, ластится возле ноги. А потом глядь — его нет, а штанина обосцана…

101

Встретил как-то на Кузнецком мосту возле книжной лавки писателей Владимира Алексеевича Чивилихина. С ним я был знаком давно. Познакомил нас Иван Григорьевич Падерин. К моменту нашего знакомства Владимир Алексеевич был уже автором повести «Про Клаву Иванову», его очерковые книги «Месяц в Кедрограде», «Светлое око Сибири» вызывали в периодике споры по проблемам освоения природы Сибири, рационального хозяйствования на земле. Был он членом редколлегии журнала «Молодая гвардия».

Его адресная любовь к Сибири была естественной. Там он родился. Там, на станции Тайга, прошло его детство. Об этом он не раз рассказывал в своих книгах, включая и наиболее известный роман-эссе «Память», который окончательно утвердил его имя в отечественной литературе…

И вот мы на Кузнецком мосту.

После традиционных вопросов о житье бытье, какие задаются в таких случаях, Владимир Алексеевич вздохнул:

— Вот хочу познакомить тебя с образцом чуткого и доброго отношения русских писателей друг к другу.

Он вытащил из кармана конверт, достал оттуда письмо:

— От Василия Ивановича Белова.

В нем известный автор «Привычного дела» и «Канунов» и книги «Лад» выговаривал Чивилихину за то, что тот почему-то запамятовал о тех кощунственных разрушениях культовых строений, какие происходили в двадцатых годах в большевистской России. Такова-то ваша, мол, память Чивилихин?!

— Но я тоже не остался в долгу, возвращая письмо в конверт и пряча его в карман, говорил Владимир Алексеевич. — Тоже написал ему, что далеко не все ладненько было в русской истории и в русской деревенской жизни, как то выходит у Василия Ивановича Белова. Все-то у него лад да ладушки…

102

Писатель Иван Григорьевич Падерин вошел в литературу сразу же после войны документальным повествованием «На главном направлении». «Записки офицера». В записках он рассказал о своем Соевом пути от Подмосковья и стен Сталинграда до Берлина, где со своим полком штурмовал рейхсканцелярию Гитлера. Позже он переведет документальные свидетельства в художественное полотно романа «Когда цветут камни». Потом у него выйдет еще одна беспощадная в своей искренности книга под названием «Ожоги сердца», в которой он поведает о том, как будучи в Кулунде секретарем райкома комсомола приведет четыреста своих комсомольцев под Москву, где почти все они полягут на поле боя, защищая столицу нашей Родины.

После войны Иван Григорьевич работал спецкором в «Известиях», выступая на страницах газеты с очерками о трудовых подвигах соотечественников, восстанавливающих хозяйство страны, строящих новые заводы, города.

Затем в середине пятидесятых годов оказался в журнале «Октябрь», став заместителем главного редактора Федора Панферова. Первым заместителем был известный автор «Записок следователя» Лев Романович Шейнин. Между ними возник «производственный» конфликт.

Шейнин всячески проталкивал роман одной особы, вроде и Панферова уговорил напечатать его в одном из ближайших номеров. Падерин же был категорически против.

И когда на редколлегии Панферов заявил, что роман будет напечатан, Падерин заявил, что роман печататься не будет, Панферов вскинул глаза на Падерина и спокойно сказал:

— Иван, ты же военный человек. И потому знаешь, что могло бы быть за невыполнение приказа генерала. Я все-таки в редакций генерал.

Падерин встал:

— Так что могло быть?

— Могли и расстрелять, — спокойно сказал Панферов. Иван Григорьевич рванул на себе рубаху:

— Стреляй, сука! Немая сцена.

Падерин бросился к двери, хлопнул ею и поехал к себе в Ховрино, где с семьей снимал комнату…

Прошло часа два.

И вдруг возле дома, где жил Падерин, остановилась машина Панферова. Он приехал к Ивану.

Войдя в комнату сказал:

— Слушай, Ваня, ну погорячились. Мало ли что бывает. Ну хрен с ней, с этой авторшей, ну не будем печатать роман. Поехали на работу.

— А теперь вопрос уже стоит по-другому, Федор Иванович, — сказал Падерин.

— И как же он теперь стоит? — спокойно спросил Федор Иванович.

— Или я, или Шейнин.

— Ну, если так, — Панферов поднялся, развел руками, — ты уж извини…

И уехал.

103

В Доме литераторов за столиком в буфете сидела солидная писательская компания. Обсуждали какие-то творческие дела.

И вдруг кто-то вспомнил, как братья Васильевы, которые братьями-то и не были, просто однофамильцы, на вопрос, что они сейчас снимают, ответили:

— Да очередную бодягу из гражданской войны.

Этой «бодягой» оказалась лента «Чапаев».

И тут кто-то из застольщиков спросил:

— Кстати, а как вы относитесь к сцене, когда Анка косит пулеметом капельцев?

Михаил Семенович Бубеннов тут же откликнулся:

— Я радуюсь.

— А я плачу, — сказал Солоухин.

— Почему?

— Лермонтовых убивают…

104

Встретил как-то Николая Константиновича Старшинова, который возвращался с поэтического вечера в Лужниках. На вопрос, как прошел вечер, отозвался:

— Нормально. Хотя расскажу тебе эпизод. Выступал Андрей Вознесеснский и с надрывом голосовых связок бросал в зал:

Ботинки черные…

Сидевший рядом со мной Владимир Соколов, вроде бы ни к кому не обращаясь, произнес:

— Ну, черные ботинки… И что? Чего кричать-то?!..

105

Кто не знает сказов Павла Петровича Бажова «Хозяйка медной горы», «Про Великого Полоза», которые составили вместе с другими сказами известную его книгу «Малахитова шкатулка».

А как человек он был не очень-то разговорчивый, или, как говорят ныне, не очень коммуникабельный.

Рассказывали: придет в Детгиз в редакцию прозы, сядет и молчит. И вместе с тем говорили о нем так:

— С Бажовым и помолчать интересно…

106

Писатель Борис Степанович Житков, прославившийся своими «Морскими историями», «Рассказами о животных», которые печатал в журналах «Чиж» и «Еж», был очень дружен с Евгением Львовичем Шварцем.

Узнав о смерти друга, Евгений Львович с грустью сказал:

— Я очень на него обижен за это.

— Как? Почему?

— Да потому, что это никак не идет ему при его-то вечной подвижности и упрямой жизнедеятельности…

107

Поэт и прозаик Федор Кузьмич Сологуб /Тетерников/, известный многим как автор романа «Мелкий бес», был в жизни человеком суровым, строгим и малообщительным.

Подтверждением такой его характеристики служит эпизод.

Как-то к нему в дом пришел человек и представился:

— Поэт Симеон Полоцкий.

Федор Кузьмич внимательно оглядел его и сурово заявил:

— Не похож…

108

Писатель Константин Георгиевич Паустовский, книги которого получили высокую оценку М.Горького, Р.Роллана, начинал свою творческую жизнь, как журналист. Он сотрудничал в самых разных изданиях, в газетах Киева, Одессы, Батуми, Сухуми, Тбилиси. Естественно, работа эта позволяла «обрастать» самым разным жизненным материалом. С ним происходили самые невероятные приключения, которыми он делился на страницах своих книг и в устных рассказах.

Одним из таких рассказов было воспоминание о посещении им вместе с приятелем-журналистом Яшей Лифшицем одесского привоза. Яше нужно было купить кепку с козырьком, который бы укрывал его лицо от солнца.

Паустовский уверенно повел его к маленькой лавчонке с вывеской «Варшавские кепы», где торговал кепками старый одессит Зусман.

Выслушав просьбу Лифшица, старик Зусман поинтересовался:

— Таки зачем вам новая кепка? У вас же на голове вполне приличная!?

— Это мое дело! — отрезал Яша.

Тогда Зусман выложил ему несколько кепок, а сам ушел в глубь лавки.

Яша примерял то одну, то другую.

Наконец, он надел коричневую в клетку и спросил у Паустовского:

— Скажите, Костя, как она вам?

В это время перед ними вновь появился Зусман и обратился к Константину Георгиевичу:

— Скажите, а где тот человек, шё только што примерял тут кепки?

— Так это ж я, Зусман. Что ты дурака валяешь? — возмутился Яша Лифшиц.

— Не может быть… Тот смахивал на босяка, а в этой клетке вы просто шотландский лорд Чемберлен…

109

У поэта Юрия Макаровича Леднева вышла первая книга стихов «Люди и флаги» в издательстве «Советская Россия».

На волне успеха он отнес новую поэтическую рукопись в издательство «Советский писатель».

Через некоторое время ему вернули рукопись с рецензией на нее известного поэта Сергея Сергеевича Наровчатова. Тот не очень-то высоко оценил поэтические опусы молодого поэта, оперируя при этом почему-то стрелковой образностью. Лишь некоторые стихи Леднева, по его представлению, попадали в «яблочко». Большинство были выстрелами в «молоко».

Завершалась рецензия так: «Юрию Ледневу еще надо научиться стрелять».

Прочитав рецензию, Леднев взял ручку и дописал: «Своих рецензентов…»

110

Ростовский писатель Павел Хрисанфович Максимов рассказывал о своих встречах и беседах с Александром Фадеевым в тот период, когда роман его «Разгром» имел неслыханный успех. Когда «Разгром» вышел отдельным изданием этот успех был закреплен. Самому автору в ту пору шел двадцать шестой год. Редакторировал он в Ростове-на-Дону газету «Советский Юг» и журнал «Лава». Потому-то ростовчане стали первыми читателями романа, публиковавшегося главами в газете «Советский Юг».

— И как ни странно, — говорил Павел Хрисанфович, — шумный успех не вскружил голову, не вызвал в нем, молодом прозаике, казалось бы, естественного чувства восторга или тщеславия. Напротив, Фадеев глубоко сомневался в себе и даже не считал, что созданное им было трудом писателя.

— Вот критики, — делился сомнениями Александр Александрович, — пишут о моем романе «Разгром», что он написан талантливо, обращает на себя внимание и тому подобное… А я не раз думал, есть ли у меня вообще талант. И чем больше думаю, тем все отчетливее прихожу к выводу, что не талантом я беру, а усидчивостью и мозгом: долгими часами сижу за письменным столом и мысленно, в мозгу, десятки раз поворачиваю одну и ту же фразу. И так ее поверну и этак. Пока чисто мозговым путем не найду лучший ее вариант.

После паузы признался:

— Знаешь, Павел, я сейчас чувствую себя сидящим на высоком столбе и боящимся сорваться вниз. Сорвусь, полечу и разобьюсь. Тут же набегут люди, поглядят на меня, лежащего на мостовой, и разочарованно произнесут: «Так это и есть Фадеев? А мы-то думали, что он писатель…»

111

На одном из писательских собраний слово держал Джек Алтаузен. Речь его была темпераментна, иногда излишне пафосна.

Сидевший в зале Михаил Михайлович Пришвин обратился к соседу:

— Скажите, а кто это выступает?

— Поэт Алтаузен.

— Наверно, плохой поэт? — с сомнением проговорил Пришвин.

— Почему?

— Уж больно красиво говорит…

112

В Ломе литераторов за столиком в буфете молодые литераторы внимательно слушали сентенции известного поэта Егора Исаева о дали памяти, о дали истории, о далях жизни. И неожиданно один из слушателей спросил:

— Егор Александрович, а сколько вообще далей в человеке?

— Восемь.

— А какие это дали?

— А та, что перед тобой, за тобой, слева, справа, над тобой, под тобой и в себе.

После паузы, занятой, видимо, подсчетами, молодой эрудит заметил:

— Так получается-то семь?!

Егор Исаев неожиданно среагировал:

— Ну, ты меня жить не учи!..

113

В Литературном институте заочно учился Володя Коновалов.

Кажется, был он из Иваново. Был ничем не примечательным, молчаливым, больше слушающим других. Говорить однако приходилось и ему и на занятиях, и на зачетах, и на экзаменах.

И вот сдавал он экзамен по литературе, где вопросом был такой: влияние фольклора на литературу. Конечно, Володя не очень-то глубоко разбирался в этом вопросе. И тем не менее заявил экзаменатору:

— Фольклор лично на меня тоже оказал огромное воздействие. Ага. После этого воздействия я тоже начал писать гениальные вещи. Ага. Вот только одна, пока только одна из них, которую я написал вчера. Ага.

«У Пети не было друзей.

И родители подарили ему Гуся.

Они очень сильно подружились. Стали неразлучными. Куда Петя, туда и Гусь. Куда Гусь, туда и Петя.

Однажды Петя с ребятами купались в бурной речке. И неожиданно Петя стал тонуть. А ребята кричать:

— Помогите! Помогите, Петька тонет!

Гусь, который недалече клевал травку, услышал эти крики. Прибежал к речке, бросился в воду и вытащил Петю.

На радостях родители собрали близких, знакомых, друзей.

И… зарезали Гуся».

114

Долгое время в среде писателей ходила байка о том, как Михаил Аркадьевич Светлов был народным заседателем в суде. Но в качестве оного он выступил всего однажды на процессе по изнасилованию.

Истец — дородная бой-баба убеждала суд, что ее зверски изнасиловал вот этот презренный тип.

А презренным типом оказался плюгавенький мужичонка, ростом по грудь истцу.

Когда была заслушана жалоба и судья, тоже женщина, предложила народным заседателям задавать вопросы истцу, Светлов спросил:

— Ну как же так могло случиться, что вас, такую сильную, крепкую женщину мог одолеть, извините, столь тщедушный и маломощный насильник?

— Вы знаете, я была тогда словно под наркозом.

Светлов тут же поинтересовался:

— Под общим или под местным?

Зал по-достоинству оценил едкую иронию народного заседателя, для которого этот процесс и оказался последним…

115

Жизнь подарила мне возможность личного общения с автором романов «Барсуки», «Вор», «Русский лес». А знакомство состоялось после того, как я по просьбе Ставропольского книжного издательства написал предисловие к сборнику произведений Леонида Максимовича Леонова «В годы войны и после». В него вошли повесть «Взятие Великошумска», пьесы «Нашествие» и «Лёнушка» и публицистика военных лет.

Ему понравилось мое предисловие. Но он попросил заменить имя на псевдоним. И не потому, что Леонов хвалит Леонова, а потому что он недавно похоронил брата Бориса.

Мне было ясно, что имел в виду Леонид Максимович — память диктовала именно такое решение, прозвучавшее в его просьбе. И я подписался Л.Борисовым.

С тех пор мы нередко перезванивались.

Однажды позвонил ему, поинтересовался здоровьем. Потом напрямую спросил, как он относится ко всему происходящему в стране после августа 1991 года.

— Вы знаете, — прозвучал в трубке глуховатый голос, — происходящее напоминает мне такую ситуацию. Нам сообщают, что наша мать тяжело больна. Мы спешим в дом к матери. Она лежит на кровати. Мы мажем ножку кровати йодом и говорим: «Не волнуйся! Сейчас тебе станет лучше!»

116

Корней Иванович Чуковский рассказывал, как они с приятелем поспорили, какой бывает снег по цвету.

Чуковский утверждал, что он бывает и розовый и синий.

Приятель считал, что это — самая настоящая импрессионистическая галиматья, бредятина, потому что на самом деле снег бывает только белым. И в доказательство своей правоты привел такие сочетания, как «в белом поле», значит, в снежном поле, «белый, как снег».

— Знаешь, — предложил Корней Иванович, — а что мы собственно спорим? Давай зайдем к Илье Ефимовичу Репину, благо его дом недалеко, и спросим у него.

Так и решили.

Подойдя к дому, постучали. А Репин не любил, когда его отрывали от работы. Долго не открывалась дверь: значит, художник работает. Но вот послышались шаги. Дверь приоткрылась:

— Ну, чего вам? — недовольно спросил Репин, не отвечая на приветствие приятелей.

— Илья Ефимович, хотим спросить, какой по цвету бывает снег? — обратился к хозяину дома Корней Иванович.

— Только не белый! — и Репин захлопнул дверь…

117

С писателем Владимиром Алексеевичем Солоухиным познакомился тоже после того, как по просьбе Ивана Стаднюка написал предисловие к однотомнику его прозы «Мать-мачеха», вышедшему в издательстве «Московский рабочий» в 1969 году. Помимо автобиографического романа, давшего название сборнику, в него вошли такие прекрасные его рассказы, как «Варвара Ивановна», «Каравай заварного хлеба», «Закон набата», «Моченые яблоки» и многие другие.

Рассказы как бы продолжали заявленную в лирических повестях «Владимирские проселки» и «Капля росы» тему возвращения к отчему краю, к родной земле, то есть к теме, ставшей в 1960-х годах одной из ведущих в русской прозе.

У Владимира Алексеевича она наделялась не просто ностальгическими переживаниями человека, ушедшего из села в город, но и открытиями богатств родной природы и творческого духа. Именно так прочитывались его «Письма из русского музея», «Черные доски», «Третья охота».

Об этом у нас шел разговор, когда я лично встретился с Солоухиным в доме творчества Переделкино.

Мы шли по одной из дорожек парка, когда к нам подошел молодой человек и, протянув рукопись, попросил:

— Владимир Алексеевич, если можно, прочитайте, пожалуйста, мой рассказ с карандашом.

Солоухин тут же нашелся:

— А у тебя что, карандаша нет?!..

118

Известный поэт Евгений Михайлович Винокуров, автор одной из популярных песен «Сережка с Малой Бронной», сборников стихов «Харакетры», «Жребий», «Равноденствие» и других, любил рассказывать эпизод из одного своего заграничного путешествия.

Речь шла о Гималаях.

Его гид между прочим заметил, что недалеко от того места, где они находились, живет знаменитый индийский прорицатель, в которому нередко наведываются знатные и даже царские особы, чтобы узнать про свою судьбу.

Естественно, Евгений Михайлович не мог проехать мимо и настоятельно попросил провести его к прорицателю.

Очень милый пожилой провидец нагадал ему жить до восьмидесяти лет.

Настала пора прощаться.

И когда Винокуров уже выходил из дома прорицателя, его неожиданно нагнал слуга хозяина дома и озабоченно сказал:

— Хозяин просил передать вам, что за автомобильные и авиационные катастрофы он ответственности не несет…

119

Поэт, переводчик и литературовед Лев Адольфович Озеров, перу которого принадлежат такие книги, как «Работа поэта», «Необходимость прекрасного», «Начала и концы», раскрылся для меня во время нашего совместного отдыха в Коктебеле летом 1986 года. А мы уже знали друг друга по совместной работе в Литературном институте;

Он вспоминал, в частности, о таком казусе в своей жизни, что трижды объявлялся националистом: то украинским, когда вступился за репрессированных литераторов в Киеве, то русским, когда протестовал против отмены спецкурса по изучению русского эпоса, которым читал у них в Институте философии и литературы профессор Ю.М. Соколов, то еврейским, когда в конце сороковых годов началась борьба с космополитизмом.

Кстати, это ему, Льву Адольфовичу Озерову, принадлежит афоризм, который часто звучал и звучит на совещаниях молодых писателей:

Талантам надо помогать,
Бездарность пробьется сама.

Когда я напомнил ему об этом, Лев Адольфович неожиданно воскликнул:

— А вы знаете, как однажды Анна Андреевна Ахматова отреагировала на сообщение о том, что сегодня среди молодых поэтов стало модным попасть в немилость критики, что приносило, по их мнению, им популярность в обществе.

Так вот, выслушав эту информацию, поэтесса воскликнула: — Боже мой, уже есть очередь на Голгофу!..

120

Рассказывают, что Лев Иванович Ошанин, автор многих популярных песен, начиная с «Эх, дороги» и кончая «Течет река Волга», когда был избран секретарем секции поэзии в Московской писательской организации, стал демонстрировать буквально бешеную деятельность. Вечно озабоченный, он пробегал, как спринтер, по Дому литераторов то в одну сторону, то в другую.

И вот однажды, будучи на «дистанции», нос к носу столкнулся с Олешей.

— Здравствуйте, Юрий Карлович! — сказал Ошанин. — Как живете?

Тот расцвел в улыбке, обнял Ошанина:

— Вот спасибо. Хоть один человек поинтересовался, как я живу. С удовольствием расскажу про свое житье-бытье. Давайте отойдем в сторонку.

— Да что вы, Юрий Карлович. Мне буквально некогда. Бегу на очередное заседание секции, а потом еще секретариат.

— Но вы же меня спросили, как я живу. Теперь вам надо обязательно меня выслушать. К тому же я не задержу вас долго…

Лев Иванович все же сумел вырваться из объятий Олеши и убежать. Тот развел руками и, глядя вслед секретарю секции поэтов, произнес:

— Зачем же было спрашивать, как я живу?..

121

Литературовед Владимир Александрович Архипов был аспирантом во время проведения кампании борьбы с космополитизмом в конце сороковых годов.

Семинарское занятие было посвящено творчеству Лермонгова.

И вдруг один из студентов с заметным акцентом заявил:

— Лермонтов был шовинист.

— С чего это вы взяли? — поинтересовался Архипов.

— А это не издевательство над другим народом: «Бежали робкие грузины»?! Владимир Александрович тут же отреагировал:

— Правильно Лермонотов писал.

— Как это правильно?

— Бежали робкие грузины, а неробкие не бежали…

122

Владимир Алексеевич Солоухин в разговоре про родное село Олепино вспомнил про свою книгу «Капля росы». А попутно и про забавный случай, связанный с этим произведением.

В «Капле росы» одну из глав он посвятил местному почтальону Егору Михайловичу Рыжову, которого в деревне звали не иначе, как «почта-связь».

А в районной газете в то же время появилась маленькая заметочка про него же, про этого самого Рыжова. В заметочке говорилось, что надо бы олепинскому служителю почты дать пенсию за многолетний добросовестный труд.

Так вот.

Приехал однажды в Олепино из Ленинграда художник. Рисовал он олепинских жителей, в том числе и почтальона.

Во время рисования спросил у него:

— Ну как, дядя Егор, нравится вам, как Солоухин про вас расписал в своей книге?

— А чего, — ответил тот. — Все правильно. Но вот в районной газете написали про меня все же лучше…

123

Поэт Михаил Федорович Борисов поведал, как он доставил домой плохо себя почувствовавшего товарища по литературному цеху Марка Андреевича Соболя.

Встретившие их в доме женщины — жена Марка и мать — оказались медицинскими работниками, жена — медсестра, а мать то ли врач-кардиолог, то ли терапевт.

Увидев состояние сына, мать тут же взяла из буфета бутылку коньяка, налила рюмку и потребовала от сына медленными глотками выпить рюмку, что тот сделал с откровенным удовольствием. И вскоре ему, действительно, стало получше.

— Так вот, моя дорогая, — обратилась мать к снохе, — как только Маркуше станет плохо, придавит его сердечко, ты тут же ему — рюмку коньяка.

— Но как же я узнаю, что ему станет плохо?

И тут отозвался Марк:

— А я сам через каждые пятнадцать минут буду тебе об этом напоминать…

124

В театре Советской Армии состоялась премьера пьесы Ивана Фотиевича Стаднюка «Белая палатка».

После премьеры автор пригласил актеров и друзей на товарищеский ужин, совместив его с обсуждением просмотренного спектакля. Помнится, слова попросил писатель Николай Андреевич Горбачев. Попросил, видимо, не только потому, что «не мог молчать», а для ответа одному из критиков, не очень-то по-доброму оценившему и саму пьесу, и спектакль.

— Хочу вам напомнить о премьере пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион», — начал Николай Андреевич. — После окончания спектакля публика неистовствовала. Она долго вызывала актеров. Потом потребовала на сцену автора. Растроганный Бернард Шоу раскланивался, благодарил.

И вдруг к сцене приблизился человек, раздраженно выкрикивавший:

— Дрянь пьеса! Дрянь спектакль! И вы никуда не годный драматург!

Бернард встрепенулся, ожил, наклонился к кричавшему в его адрес непристойности и сказал: — Я с вами абсолютно согласен.

Потомразвел руками и спросил:

— А что с этими-то будем делать?

125

В малом зале Дома литераторов шло обсуждение повести Николая Воронова «Юность в Железнодольске».

Особенно рьяно против повести, ее идейного содержания выступал критик Григорий Бровман.

В прениях попросил слово Павел Филиппович Нилин.

Начал он свое выступление так:

— Григорий Бровман работает в критике по принципу: «Кого добивать?..»

126

Михаил Матвеевич Годенко рассказал однажды о том, как, находясь в родном селе на запорожской земле, услышал известие по радио, что в ознаменование трехсотлетия присоединения Украины к России Крым передан в ведение Украины.

— Это, — говорил Годенко, — с моей точки зрения, беззаконие: ведь и Крым, и Севастополь — исконно русская земля. Здесь и русский флот, тут и могилы русских воинов, матросов. Севастополь-то — город русской славы.

Конечно, усидеть дома не смог.

Вышел на улицу.

Навстречу сосед.

— Мыкола, чув?

— Чув.

— Ну и шо скажешь?

— А шо скажу? Ото и скажу, шо колы четырехсотлиття возъеднання будемо видмечаты, то и Кавказ виддадуть…

127

Известный киновед, профессор Николай Алексеевич Лебедев, работавший по ВГИКе заведующим кафедры Истории советского кино, вспомнил о том, как будучи Ученым секретарем Комитета по Сталинским премиям в области литературы и искусства оказался в довольно-таки пикантном положении накануне окончательного утверждения списка очередных лауреатов.

Обычно утверждать список кандидатов на звание лауреатов в Кремль ездил либо Председатель Комитета Александр Александрович Фадеев, либо его заместитель Сурков Алексей Александрович. А тут Фадеев приболел, Сурков оказался в заграничной командировке, о чем Николай Алексеевич доложил курировавшему их работу Маленкову.

— Ничего, — отозвался Георгий Максимилианович. — Пойдем к товарищу Сталину вместе. Вы и доложите о выдвинутых соискателях, а я вас поддержу…

В кабинете Сталина оказались Молотов и Каганович.

Маленков сообщил Сталину о готовности списка кандидатов на очередные премии и о том, что ни Фадеева, ни Суркова в Москве нет.

— А кто же докладывать будет? — спросил Сталин.

— Вот Лебедев Николай Алексеевич, ученый секретарь.

Наступила пауза.

Сталин прошелся вдоль стола. Вернулся к вошедшим Маленкову и Лебедеву. Постоял. И неожиданно спросил:

— Маленков, почему погибла римская империя?

Георгий Максимилианович после непродолжительного молчания ответил:

— Не знаю, товарищ Сталин.

Тот повернулся к сидящим за столом Молотову и Кагановичу.

— Молотов, почему погибла Римская империя?

— Не знаю, тут же отозвался Вячеслав Михайлович.

— Лазарь, может быть, ты знаешь, почему погибла Римская империя?

Когда и тот заявил, что не ведает об этом, Сталин сказал:.

— Римская империя погибла потому, что ею начали управлять ученые секретари… Докладывай, Маленков!..

128

Агния Львовна Барто, которую знают многие и многие поколения россиян, прошедшие «классы» доброты и юмора в самом раннем детстве, на ее стихотворных уроках, любила рассказывать разные истории розыгрыша известного телерассказчика и исследователя творчества Лермонотова Ираклия Лаурсабовича Андронникова.

Вот одна из ее историй.

В 1964 году страна готовилась отметить 150– летний юбилей Михаила Юрьевича Лермонотова. Естественно, что Ираклий Андронников был задействован в подготовке торжества, став членом лермонтовского комитета, созданного для проведения этих торжеств.

И вот Агния Львовна позвонила Андронникову и старушеским голосом сказала:

— Вы уж извините меня… Я… старая пенсионерка… Прошу у вас помощи… Помогите мне улучшить жилищные условия. В связи с юбилеем Лермонтова… Я его родственница…

— Родственница? — воодушевился Андронников. — И по какой же линии?

— По линии тети, — отвечает Барто, зная, что у Михаила Юрьевича действительно были тетки.

— А какое колено? — допытывается Андронников.

— Четвертое.

— А вы не ошибаетесь?

— У меня есть доказательства… У меня есть письма и стихи… В сундуке хранятся.

— Тогда разрешите мне зайти к вам прямо сейчас, — взволнованно предлагает Андронников.

— Сейчас уже поздно… Десятый час. Мы с сестрой рано ложимся спать… Сестра еще старше меня.

— Тогда завтра с утра я буду у вас.

— Нет. Завтра утром нас с сестрой повезут в баню… Вы, пожалуйста, заходите после двух.

— Спасибо… Непременно буду после двух. Только, — тут же он предупреждает, — до моего прихода вы никому из членов нашего комитета больше не звоните.

— Зачем же? — успокаивает Андронникова Агния Львовна. — Запишите адрес. Лаврушенский переулок, семнадцать…

Андронников не сразу понимает, что это дом писателей. А когда Барто назвала себя, наступила длительная пауза. И слова:

— Это жестоко!

А через несколько секунд Андронников заразительно хохочет:
— Как же я попался! Нет, это грандиозно…

129

Однажды я оказался членом какой-то комиссии, проверявшей работу Дома литераторов. На определенный час такого-то числа была назначена встреча членов комиссии в кабинете директора Дома литераторов Филиппова Бориса Михайловича.

Так вышло, что пришел я на эту встречу раньше положенного часа. Секретарь деликатно сообщила, что хозяин кабинета вышел и попросила его подождать. Тут же предложила угостить чаем или кофе.

В этот момент в приемной появился Борис Михайлович.

Низенький, плотный, с гладко причесанными волосами. Поздоровался и пригласил пройти в кабинет.

— Вы уж извините, — сказал я, закрывая дверь, — что заявился раньше назначенного срока.

— Это даже хорошо, — радушно улыбнулся хозяин кабинета. — А мы сейчас попросим секретаря приготовить нам чайку с лимончиком…

Постепенно разговорились.

Я поведал ему об очередных вступительных экзаменах в институт кинематографии, где я был председателем предметной комиссии по языку и литературе. Вытащил записную книжку и попросил разрешения познакомить его с какими-то курьезами, выловленными в сочинениях вчерашних школьников.

И стал читать:

«Печорин долго добивался любви Бэлы и добился-таки, что нам, мужчинам, не всегда удается».

«Беднейшему крестьянству нечего было терять, и оно с удовольствием пошло в колхозы».

«Пушкин вращался в высшем свете и вращал там свою жену».

«Гоголь вывел образ дубинобриоголовой Коробочки».

«Тургенев показал женщину в более расширенном виде».

«Ленин распустил слух, что отечество в опасности».

«У Базарова язык был тупой, а потом заострился в спорах».

Борис Михайлович очень оживленно реагировал на мои цитаты. Затем выдвинул ящик стола, вытащил из него папку и сказал:

— А я вам тоже приведу «шедевры» подобных казусов. Но не из сочинений абитуриентов, а из лекции одного театроведа. Этими записями поделился со мной Григорий Маркович Ярон. Помните такого замечательного актера в Театре оперетты?! Так вот Григорий Маркович отличался помимо своей удивительной талантливости еще и тягой к знаниям. Он нередко посещал

лекторий в клубе творческой интеллигенции.

И вот однажды после очередной лекции он ворвался ко мне в кабинет и страдальчески произнес: «Борис Михайлович, голубчик! Не могу молчать. Хочу поделиться перлами, которые я записывал во время лекции одного из ваших театральных теоретиков, которого вы пригласили для повышения нашего самообразования».

Он раскрыл тетрадь и начал читать. А потом я попросил у него листок с этими перлами. Вот они.

«Слово „театр“ есть синоним, который ничего не обозначает».

«В греческом театре были свои закономерности, были бездарности, которые приводили публику в досаду».

«Иркутская история» — это мелодрама, исторгающая слезы и прочие аксессуары».

«Якорная площадь» Штока — опасный предикат психологизма, близкий к психоложеству».

«Режиссер Плучек в своих постановках испытывает систему буржуазных отмычек».

— Ну и так далее, — Борис Михайлович закрыл папку. — Вы знаете, чем завершил Ярон свое «не могу молчать»? Он сказал, что все услышанное им напоминает одного дореволюционного рецензента об одной постановке: «Актеры играли дурно, несмотря на декорации…»

130

Ираклий Лаурсабович Андронников вспоминал о своих встречах с великим актером Александром Алексеевичем Остужевым.

— Настоящая-то его фамилия была Пожаров. Но друзья посоветовали ему переменить фамилию на прямопротивоположную — Остужев. Аргумент был такой. «Представь себе, — говорили друзья, — что произойдет, если вдруг из публики начнут тебя вызывать: „Пожаров! Пожаров!“ Все непременно подумают, что это театр горит!»

— А вообще-то, — продолжал Андронников, — это был удивительный человеческий экземпляр. Причем, заметьте, одно дело Александр Алексеевич на сцене, играющий героев Шекспира и Шиллера. И другое дело — он в жизни, когда из его уст вырываются слова «слямзил», «слопал», «сшамал», «стырил».

Однажды Андронников и Остужев оказались вместе в Боткинской больнице.

Остужев часами просиживал в палате Андронникова, что давало основание медперсоналу предлагать несколько раз Остужеву перебраться в палату к Андронникову.

Кстати, Андроников не возражал.

Выслушав в очередное раз такое предложение, Остужев не сдержался и возмутился: он терпеть не может никаких соседей по комнате. Даже спать не может, если по близости кто-то дышит.

— Но ведь Андронников дышит, когда вы сидите у него в палате?!

— Этого я не учел! — заметил старик Остужев и перебрался в палату к Ираклию Лаурсабовичу.

— И надо вам сказать, — подытожил Андронников, что все те дни, что мы провели вместе, Александр Алексеевич спал, как убитый…

131

Писатель Евгений Петрович Федоровский в начале 50-х годов служил в армии, в авиации, обеспечивая наземное обслуживание боевых самолетов.

Однажды в их полку произошло ЧП.

И все знали, что непременно в «гости» пожалует маршал авиации Новиков Александр Александрович. Командующий дальней авиацией в таких случаях сам лично вылетал на места, не предупреждая о времени своего прилета на «объект».

Поэтому начальство полка распорядилось выставить постовых у тех взлетно-посадочных полос, куда мог приземлиться самолет командующего. В задачу постовых входило немедленно сообщить в штаб о прилете высокого начальства.

Федоровский оказался среди тех, кого направили на это задание.

С утра шел нудный затяжной дождь. Небо было закрыто тучами. Укрывшись под деревом, Федоровский прислонился к стволу березы и вроде бы даже вздремнул.

Прокинулся он, услышав, как кто-то отчетливо его окликнул:

— Эй, часовой!

Федоровский оглянулся: в нескольких метрах от него стоял человек в плащ-накидке, в воинской фуражке.

— Чего это ты тут охраняешь? — поинтересовался человек.

— Да какой-то хрен должен прилететь. И я об этом обязан сообщить в штаб полка.

На это человек в плащ-накидке сказал:

— Так вот, беги в штаб и сообщи: хрен прилетел… А тебе пять суток ареста…

132

Александр Львович Дымшиц не раз вспоминал о том, как в юности он был влюблен в Маяковского и потому не пропускал ни одного выступления Владимира Владимировича, когда тот приезжал в Ленинград, (причем влюбленность эта росла вопреки крайне отрицательному отношению к поэту их школьного учителя словесности. Узнав об увлечении Саши, он воскликнул: «Но это же патология… И чем его стихи вам нравятся? Вы что-нибудь в них понимаете?!»

Не умея объяснить, чем нравится ему Маяковский, он бежал на очередную встречу с поэтом в зал Академической капеллы или же в какую-то студенческую аудиторию.

Во время выступлений любимый поэт был очень прост. И Саша знал, что вот сейчас Маяковский снимет пиджак, повесит на спинку стула и произнесет:

— Начнем работу.

И вот во время одного из таких «рабочих» вечеров Маяковский обратился к залу со словами:

— Леф и Аэмэф — это две линии, два пути в искусстве. Леф — это искусство масс, а Аэмэф…

Кто-то из присутствовавших в переполненном зале не выдержал:

— Что такое Аэмэф?

— Как?! — Маяковский изобразил удивление. — Вы не знаете, что такое Аэмэф? Так это же не что такое, а это Абрам Маркович Эфрос — критик и лидер «правого» попутничества…

Знаете, — продолжал Александр Львович, — я помню критика Павла Ивановича Лебедева-Полянского. Так он тоже, как и мой учитель, не признавал Маяковского за поэта.

— Об этом я прямо заявил в глаза Маяковскому, — говорил Павел Иванович. — Я ему сказал, что он не писатель, а хулиган. И что же вы думаете? Тот влез на эстраду и заявил: «Если я хулиган, то вот возьму и поколочу вас публично!» Ну, как же после этого прикажете его называть?! Только хулиганом…

Завершая свои воспоминания о Маяковском, Александр Львович еще раз вернулся к двадцатым годам; годам его молодости.

— Мы жили во время сплошных диспутов. Спорили на семинарах, в коридорах Института истории искусств, на улицах, в трамваях. Нередко срывались с занятий и мчались на диспуты или на литературные вечера. Людей моего времени окружала атмосфера спора. Особенно с рапповскими лозунгами,

установками и резолюциями, граничащими с приказами. И тут опять нельзя не вспомнить характеристики Маяковского вождей РАППА: «Они голосуют не силой логики и убеждений, а портфелями и папками с надписью „К докладу“…

133

В шестидесятые года с населением страны активно проводились занятия по гражданской обороне. Проводились они и в Литературном институте. Вел их полковник в отставке. Он рассказывал про всевозможные провокации врага, про средства массового поражения, про применение их американцами во Вьетнаме.

В частности, он сказал, что мирное население там подвергалось напалмовым атакам. Напалм американские летчики сбрасывали в бочках.

Одна из студенток, прервав беседу с подругой, спросила:

— С чем бочки?

— С напалмом, — ответил полковник в отставке.

— С чем, с чем?

Тот повторно ответил. А уж третий вопрос окончательно вывел его из себя:

— С повидлом, черт побери!..

Как и по другим академическим дисциплинам, по гражданской обороне сдавались зачеты. Сдавал его и Анатолий Лысанов, учившийся в поэтическом семинаре.

На поставленный вопрос, что он должен предпринять в случае атомной атаки противника, Анатолий на полном серьезе ответил:

Пути к бессмертию просты:
Услышал взрыв — беги в кусты…

134

Замечательный ученый-лингвист, академик Никита Ильич Толстой говорил, что в их семье хранятся анекдотичные случаи и предания о Льве Николаевиче Толстом.

И рассказал, в частности, один из таких случаев.

У Льва Николаевича в гостях был знаменитый искусствовед Владимир Васильевич Стасов и купец Ферапонт. Откушав, Лев Николаевич предложил:

— А не пройти ли нам в овражек? Я всегда имею обыкновение после завтрака посидеть в овражке.

Так и поступили.

Сидя в овражке, Лев Николаевич поинтересовался:

— А чем вы, Владимир Васильевич, пользуетесь после сидения?

— А у меня завсегда с собой на этот случай газетка «Русские ведомости». Очень мягкая, хорошая бумага.

— А я так травкой, лопушком. А ты, Ферапонт?

Купец тут же откликнулся: — А у меня сама откусыват…

135

Лев Абрамович Кассиль нередко рассказывал нам, его семинаристам в Доме Детской книги, различные истории из писательской жизни. Особенно интересными были его воспоминания о Маяковском.

С великим современником его счастливо свела жизнь в самом начале его литературных и журналистских опытов.

— Владимир Владимирович, — вспоминал Кассиль, — был очень требовательным к слову и терпеть не мог халтуры. Вот вам только один пример, подтверждающий мои слова.

Как-то раз ко мне обратился журнал типа «Овощи и фрукты» с предложением написать статейку по поводу сезонной распродажи зелени или еще какой-то сельхозпродукции, к тому же пообещали приличный гонорар. Я согласился.

Однако уже неся в редакцию свое нехитрое сочинение не знаю почему, но вдруг вспомнил про Маяковского. Сердце так и екнуло: а вдруг прочитает?! Но тут же возразил сам себе: будет тебе Маяковский читать какой-то журнал «Овощи и фрукты».

И тем не менее, — придя в редакцию, заменил подпись под статейкой. Вместо «Лев Кассиль» поставил инициалы «Л.К.»

Сдал материал и забыл о нем.

А далее случилось вот что.

Однажды на Таганской площади вдруг увидел Маяковского. Тот был чем-то очень взволнован. Похолодев, увидел у него в руках номер злополучного журнала. Мне захотелось скрыться. Но Маяковский меня заметил и поверх голов прохожих, прогремел его раскатистый голос:

— Стойте!..

Площадь буквально замерла.

Своими огромными шагами Маяковский пересек ее и остановился напротив прижавшегося к стенке Кассиля.

— Что же вы, голубчик, халтурой занялись? Овощехранилищным делом заинтересовались?! Так вы хотите в литературу войти?! И видишь ли, все же блестки совести в вас пробудились — постеснялись подписаться своим именем, заменили его какими-то «лыками».

Вокруг собралась толпа.

— Я делаю знаки Маяковскому: что не гоже публично выступать.

Но он вроде бы и не обращал внимания на окруживших нас людей.

Тогда я тихо произнес: «Неудобно же, Владимир

Владимирович. Люди».

Маяковский смолк и тут же обратился к толпе:

— Он стесняется! А когда халтуру писали, не стеснялись?!

Потом остановился, взял мою голову под мышку и уже спокойно произнес:

— Ну, пойдемте! Я из вас эти самые «лыка» повыдергаю…

136

Изрядно «начитанный» Ярослав Васильевич Смеляков, проходя мимо столиков в буфете ресторана Дома литераторов, увидел склоненную над столом голову молодого поэта Алексея Зауриха.

Он остановился и долго глядел на Алексея.

Тот, видимо, почувствовал тяжесть взгляда Смелякова, вскинулся и даже приподнялся, узнав мэтра. Пьяненьким голоском произнес:

— Здрасьте, Ярослав Васильевич!

И тут же упал на стул, не переставая глядеть на Смелякова. После долгой паузы Ярослав Васильевич мрачно произнес:

— Вот ты… Начинаешь с того, чем я заканчиваю…

И пошел к выходу.

137

Об известном тютчеведе, долгие годы возглавлявшем Музей Ф.И. Тютчева в Мураново, Кирилле Васильевиче Пигареве рассказывали следующую историю.

Он издал книгу об Александре Васильевиче Суворове.

И вот однажды ему позвонили по телефону и сообщили, что завтра его ждет к себе в Кремль товарищ Сталин.

Естественно, ночь прошла без сна.

Чуть забрезжил рассвет, он стал собираться на прием к вождю, не ведая, что побудило Сталина вызвать его к себе.

Наконец, его провели в кабинет вождя.

— С вниманием прочитал вашу книгу о Суворове. И вот теперь рад с вами познакомиться лично, отозвался Сталин на приветствие Пигарева.

Потом он усадил Кирилла Васильевича за стол.

Сам прохаживался, держа в руке погасшую трубку.

Интересовался, давно ли товарищ Пигарев занимается фигурой Суворова, насколько исчерпаны его познания этого удивительного полководца, думает ли он продолжать работу над книгой.

И надо же было сказать, что у него есть еще интересные материалы о Суворове: он отыскал несколько юношеских стихотворений Александра Васильевича.

А ведь и у говорившего с ним Генералиссимуса Сталина тоже в юности была склонность к стихам. Они даже публиковались в местных грузинских газетах. Среди них были и такие первые его строки, которые появились в газете «Иверия» за 14 июня 1895 года:

Когда луна своим сияньем
Вдруг озаряет мир земной
И мир ее над дальней гранью
Играет бледной синевой…

Стремится ввысь душа поэта
И сердце бьется неспроста:
Я знаю, что надежда эта
Благословенна и чиста.

Так вот, не подумав обо всем этом, Пигарев живо откликнулся на слова вождя о «новых материалах».

— Да, товарищ Сталин. Хочу написать еще одну главу «Генералиссимус Суворов — поэт».

Сталин остановился.

Последовала продолжительная пауза, после которой прозвучало:

— Будем считать, что наш разговор закончился…

138

О реакции литературной братии на текст Гимна Советского Союза Сергея Михалкова и Эль-Регистана ходило немало баек.

В частности, об ответе Михалкова на критику одного стихотворца, что де слаб текст и по содержанию, и по форме. В ответ якобы Михалков сказал:

— А все равно слушать будешь стоя!

Уже прославленными авторами канонического текста Михалков и Эль-Регистан вошли однажды в Дом литераторов. Увидев их, Михаил Светлов воскликнул:

— Гимнюки идут!..

139

Из рассказов Александра Львовича Дымшица запомнился и такой, в котором он вспоминал, как оказался вместе с Алексеем Николаевичем Толстым в Ленинградском отделении издательства «Художественная литература», что располагалось в Доме книги.

Он обратил внимание на сидевшего в коридоре продолговатого хлыща, которого тут знали как автора пошлых и по сути неряшливых по форме сочинений, с коими тот пытался пробиться в литературу.

Толстой выразил на лице брезгливость.

— Кто это? — спросил у Толстого Александр Львович.

— Брюммель.

— Что?

— Не что, а кто… Лорд Брюммель.

Дымшиц не понял:

— Почему Брюммель?

— Почему? А я откуда знаю!? Но уж больно похож на Брюммеля из книжки Барбье д\'Оревильи.

— Но ведь это же не лорд никакой, а по сути-то человек русский.

— Да какой он русский! — выдохнул Толстой. — Сердце пустое, башка пустая. Ну какая польза от такого России?!

Вспомнив эту историю, Александр Львович пояснил:

— А вообще-то лорд Брюммель — английский аристократ восемнадцатого века, обрел известность как рафинированный эстет. О нем Алексей Николаевич Толстой вспомнил в своих заметках «Задачи литературы», когда говорил, что он категоричный противник всяческого эстетизма в искусстве.

140

Рассказывают, что Сталин, рассматривая список кандидатов на соискание Сталинской премии за послевоенный год, спросил у Фадеева, возглавлявшего Комитет по премиям в области литературы и искусства:

— А почему в списке нет Твардовского с его «Василием Теркиным»?

— Поэма Твардовского, товарищ Сталин, публиковалась главами и члены Комитета посчитали, что она еще не окончена, — ответил Фадеев.

После продолжительной паузы Сталин сказал:

— Да, она печаталась главами в годы войны. Но Великая Отечественная война завершилась нашей Победой, и поэма Твардовского завершена.

После этих слов он самолично вписал «Книгу про бойца» в список соискателей премий первой степени.

141

Писательская молва подхватила рассказ, вышедший из недр редакции журнала «Молодая гвардия».

Якобы из Карельского обкома партии в редакцию пришло письмо с жалобой на поэта Анатолия Поперечного, известного своими песнями «Березовая роща», «Малиновка» и другими. В письме сообщалось, что поэт недостойно повел себя во время выступления на областном партхозактиве.

И далее излагалась суть дела.

Поэт Анатолий Поперечный был приглашен на выступление перед участниками партхозактива, посвященного итогам социалистического соревнования.

Но вначале он встретился со своими друзьями-литераторами в дружеском застолье, которое начали с утра. Пребывание в кругу друзей ему прялось прервать, поскольку за ним приехали товарищи из обкома. Уходя пообещал: «Это ненадолго. Минут десять. Выступлю и вернусь. Так что не прощаюсь».

Однако все оказалось далеко не так, как предполагал поэт.

Он попал в президиум актива. А тут начались речи, выступления, после которых стали вручать награды, грамоты, ценные подарки победителям соцсоревнования. Включены были мощные софиты для телесъемки. И Анатолия естественно «развезло». На какое-то время он выключился из действа.

Вдруг сквозь дрему услышал: «Анатолий Поперечный».

Он вскочил и бросился к трибуне. Но не рассчитал и вместе с трибуной рухнул в партхозактив.

Жалоба завершалась словами: «И к тому же разбил стоявший на трибуне графин…»

142

Леонид Максимович Леонов был в Болгарии.

В одной компании гурманов, готовивших национальные блюда, речь зашла о каком-то особом кушанье под названием «старец».

— Любопытно само название, — откликнулся Леонов и попросил поделиться с ним рецептом этого самого «старца».

— Очень просто, — сказал ему один из гурманов. — Берется бараний желудок, набивается кусками мяса, жира, всевозможными специями и опускается затем в соленую воду…

Леонид Максимович, не дослушав рецепта, вскинул руки:

— Что вы, что вы! Представьте себе, если бы животные слышали, что мы тут говорим про них, что бы они про нас подумали!..

143

Константин Михайлович Симонов рассказал однажды о своем посещении Бернарда Шоу, которое состоялось во время поездки в Англию делегации писателей во главе с Фадеевым.

Бернард Шоу жил за Лондоном в уютном доме.

Утро, когда наши писатели оказались возле ворот дома Шоу, было дождливым и прохладным. Но несмотря на непогоду ворота уже осаждали многочисленные корреспонденты. Их автомобили буквально загородили подъезд к дому. Поэтому пришлось выйти из машины раньше и идти, минуя направленные на тебя фотокамеры.

Когда подошли к воротам, калитка отворилась и к гостям из России — Фадееву, Бажану, Вургуну и Симонову — вышел маленький седенький старичок в коротких брючках.

Пожав руки гостям, он обратился к репортерам:

— Я принимаю своих друзей, но не своих врагов. Вы же мои враги!

И репортеры тут же бросились к своим машинам…

144

Писатель Адихан Измаилович Шадрин, долгие годы возглавлявший Астраханскую писательскую, говоря при этом: «У меня в организации тринадцать членов и пятнадцать группировок», познакомил меня с одним из егерей в угодьях устья Волги.

В доме егеря меня поразила обстановка: полированная мебель, сервант, забитый дорогим хрусталем, шикарные кресла, огромный телевизор. Когда я поинтересовался, откуда вся эта роскошь с налетом моды конца пятидесятых годов, он поведал мне такую историю.

Никита Сергеевич Хрущев был страстным охотником. И потому откликнулся на предложение первого секретаря обкома поохотиться в плавнях.

В канун прибытия высокого гостя к егерю нагрянули товарищи из обкома. На огромном крытом грузовике доставили мебель.

Старую, состоявшую из стола, лавки, табуретов и комода, выставили в сарай, а привезенную новую занесли в дом. Стены завесили дорогими коврами. Ковры были постелены и на пол. В доме появился телевизор с огромным экраном.

А вскоре в дом егеря пожаловал сам Никита Сергеевич. Вместе с ним был секретарь обкома, председатель облисполкома и другие товарищи.

Когда уже было собрались идти на охоту, раздался пронзительный телефонный звонок из Москвы. И высокому гостю пришлось немедленно уезжать.

Когда Хрущев выходил из дома, он остановился возле егеря и тихо сказал ему:

— Ни хрена не отдавай из всего этого, — и обвел рукой вокруг.

На том и попрощались…

А через некоторое время прибыла та же самая крытая машина, чтобы вывезти из дома егеря завезенную мебель, ковры, телевизор.

— Чего это вы, ребята? — наивно спросил егерь.

А когда услышал об их намерении, спокойно заметил:

— А Никита Сергеевич наказал, чтобы вы тут ничего не трогали. Он обещал вернуться.

Приехавшие переглянулись, о чем-то между собой посовещались, развернулись и уехали.

До сих пор не возвращаются…

145

Владимир Алексеевич Солоухин рассказывал, как они с женой Розой ездили в его родное Олепино. На свадьбу. Гостей полно. Яств самых разных на столе — в избытке. Но жена, придерживавшаяся строгой диеты, почти ни к чему не притронулась.

И тут Солоухин обратил внимание на жену знакомого односельчанина, что живет теперь во Владимире. Гена эта — гренадер в юбке: здорова, могуча. Пивом в городе торгует. Так вот она все время как-то жалостливо поглядывала на его Розу.

Когда они оказались рядом, она тихо спросила:

— Володя, а чего жена-то у тебя така худа? Жалко ее. Дай ты ее нам на месяц-другой, обещаю: в дверь не пролезет!..

146

С Арсением Александровичем Тарковским, известным поэтом и переводчиком, меня познакомил в Переделкино Владимир Федорович Пименов. Я приехал навестить ректора Литературного института имени А.М.Горького, который пребывал в Доме творчества, и застал его сидящим на скамейке перед корпусом с каким-то седовласым красивым человеком, опирающимся подбородком о палку. Это и был Арсений Александрович Тарковский, о котором я знал лишь по кратким биографическим сведениям. Среди них была знатная веха его работы в компании сотрудников четвертой полосы газеты «Гудок». Здесь работали Булгаков, Ильф, Петров, Олеша, Катаев. Тарковский печатался на этой самой четвертой полосе под псевдонимом Тараса Подковы.

Когда мы, раскланявшись с Арсением Александровичем, пошли прогуляться по территории Дома творчества, Владимир Федорович поведал мне какие-то штрихи из биографии поэта. И о его работе на радио, и о добровольческом подвиге ухода на фронт, о его ранении. И, наконец, о том, как трудно складывался его путь в литературу. Очень много сил и энергии отдал Тарковский переводческому делу. Но как переводчик с языков Кавказа был очень известен уже в довоенные и послевоенные годы. Именно с ним как с переводчиком и произошел жизненный казус.

Шел сорок девятый год. Приближалось знаменательное событие — юбилей товарища Сталина.

И вот в одну из сентябрьских ночей в квартиру Тарковских позвонили.

В дверях стояли люди форме НКВД.

— Вы поэт Тарковский? — спросил один из них.

— Да. А в чем дело?

— Что случилось? — всполошилась жена поэта.

— Собирайтесь. Поедете с нами, — не реагируя на тревожные вопросы, спокойно проговорил, видимо, старший.

— Да как же так?! — помогая мужу одеться, повторяла жена. — Что же это такое?..

Машина помчалась по ночной Москве. Стекла в ней были темными. Куда и зачем везли Тарковского, ему было неизвестно.

И вот машина остановилась.

Когда Тарковский вышел из машины, его тут же провели через массивную дверь в вестибюль, где стояла охрана. Старший что-то доложил по телефону.

Вскоре появился молодой человек в штатском и сказал:

— Следуйте за, мной, Арсений Александрович.

Они поднялись по ковровой дорожке на второй этаж здания и миновав еще одну охрану, пошли по долгому коридору. Наконец, молодой человек остановил жестом: Арсения Александровича и открыл перед ним дверь. Они оказались в просторной приемной.

Сидевший за столом дежурный или секретарь попросил их подождать, сам скрылся за массивной дубовой дверью.

Через некоторое время он появился и предложил товарищу Тарковскому пройти.

В кабинете, куда вошел Тарковский, оказались Маленков, Суслов, еще какие-то люди. Они приветствовали поэта и предложили ему подкрепиться.

Только теперь Арсений Александрович обратил внимание на стол. На нем стояли изысканного сорта коньяки, банки с икрой, рыба и прочие деликатесы. После того, как выпили по рюмочке коньяка, Суслов сказал, что рад приветствовать известного поэта и прекрасного переводчика, удостоенного Сталинской премии за перевод поэмы Расула Рза «Ленин». Поинтересовавшись творческими планами поэта, Михаил Андреевич Суслов сказал:

— У меня к вам большая просьба, Арсений Александрович…

Сделав паузу, продолжил:

— Вы знаете, что 21-декабря исполняется семьдесят лет товарищу Сталину. И мы, его соратники, хотели бы вручить ему помимо дорогих подарков, может быть, самый дорогой — сборник его юношеских стихов, которые никогда не выходили отдельной книгой и тем более на русском языке. Мы вот тут их все собрали, — Суслов подвинул к себе кожаную папку, — специально сделали подстрочные переводы каждого, представили фонетические варианты звучания стихов. Словом, просим вас отложить все дела и взяться за работу над переводом стихов вождя, написанных им в годы своей революционной молодости. Как вы, Арсений Александрович!?

— Если вы мне доверяете…

— Раз уж мы с вами тут сидим, значит, доверяем, — хихикнул Суслов и тут же спросил: — Сколько вам потребуется времени, чтобы перевести двадцать стихотворений?

— Примерно месяца три, — ответил Тарковский.

— У вас всего полтора… Если что потребуется, если вы в чем-то будете нуждаться, не стесняйтесь, звоните, мы вам поможем…

Потом ему вручили портфель из крокодиловой кожи, в который была вложена папка со стихами и всевозможными подстрочниками и толкованиями.

Через некоторое время он был уже дома. Радости не было конца. Обо всем подробно поведал, жене. Ночь почти не спали.

А уже с утра Арсений Александрович принялся за работу…

Прошла неделя.

И вдруг опять среди ночи повторилась та же картина. На сей раз Тарковские не так сильно были обескуражены появлением неожиданных гостей в форме НКВД.

Арсений Александрович взял с собой портфель из крокодиловой кожи, папку и первые наброски некоторых переводов.

Проделав по ночной Москве тот же самый путь, он вновь оказался в знакомом кабинете. Только уже не было ни Маленкова, ни Суслова, как не было на столе ни коньков, ни разносолов. Стояли бутылки с «Боржоми».

Теперь с ним беседовал какой-то симпатичный человек. Он попросил извинения у Тарковского за то, что отняли столько драгоценного времени у поэта. Но, к сожалению, работу придется прекратить, потому что товарищ Сталин высказался категорически против издания сборника его стихов.

Еще раз извинившись, симпатичный человек стал прощаться с Арсением Александровичем.

Когда Тарковский повернулся, чтобы выйти из кабинета, сказал:

— А вы, товарищ Тарковский, забыли свой портфель.

— Это не мой…

— Нет, ваш. Мы вам его дарим.

Тарковский взял портфель и поспешил покинуть кабинет. Только дома обратил внимание, что портфель несколько пополнел и потяжелел.

Вместе с женой открыли его и ахнули: в нем оказалось пятьдесят тысяч сторублевыми купюрами.

— Что же с ними делать-то будем? — тихо спросила жена.

Помолчали.

— А знаешь что, — предложил Тарковский. — Давай-ка устроим себе длительное путешествие по Кавказу, по Черному морю. Пока в Москве будут проходить торжества, мы с тобой будем дышать вольным воздухом. Как?

Так и решили.

Вернулись Тарковские в Москву только весной следующего года…

147

В семидесятые года в разных аудиториях можно было услышать ходившие в качестве афористических строк такие стихи: «Порой о женщине мы судим, как о печке, И говорим: „Неплохо сложена“, или: „Мы спорили о смысле красоты. И он сказал с наивностью младенца: „Я за искусство левое. А ты?“ „За левое, но не левее сердца“, или: «Сердца, не занятые нами, немедля занимает враг“.

Причем многие произносившие эти строки не знали имени их автора — Василия Дмитриевича Федорова. С ним я близко сошелся в то время, когда оказался в штате журнала «Молодая гвардия». Поэт был членом редколлегии журнала. К тому времени он написал такие знаковые поэмы как «Проданная Венера», «Березовая роща», роман в стихах «Седьмое небо».

Однажды Василий Дмитриевич собрал нас всех в кабинете главного редактора, чтобы отметить очередной день рождения. Обращаясь к товарищам, он сказал:

— Я собрал вас для того, чтобы сообщить прелюбопытнейший факт моего жизнепребывания на земле. Родился я в Кемерово в 1918 году не то 23 февраля, не то 7 марта. При получении паспорта я обратился с запросом в родной город и получил метрику с мартовской датой, а совсем недавно на мой московский адрес пришла еще одна метрика, где обозначена февральская дата. Это не чья-то шутка, а исторический казус. Дело в том, что календарная поправка была внесена в год моего рождения, когда в Сибири орудовали Колчак и генерал Гайда. Они, как вы понимаете, советских установлений не признавали. Отсюда вывод: впредь до выяснения истинного срока рождения имею два праздника и промежуток между ними…

148

В беседе с преподавателем литературы студент заявил:

— Знаете, профессор, как только закончу институт, тут же начну работать над диссертацией.

Похвально, — говорит профессор.

— И напишу я диссертацию, за которую мне присудят не кандидатскую, а докторскую степень.

— Позвольте полюбопытствовать, а какую тему вы выберете для такой работы?

— Называться она будет так: «Великий советский сатирик Семен Бабаевский».

— Но, позвольте, Бабаевский никогда сатирой не занимался. Напротив…

— А «Кавалер Золотой Звезды»? Страна задыхалась от послевоенной разрухи, голода, холода, а у него в романе станичники-колхозники кружками сметану едят, масло в накладку на пышные булки намазывают. Сталин прочитал и от смеха умер…

149

Вышедший в свет в 1954 году роман Леонида Леонова «Русский лес» далеко не однозначно был принят критикой. Наибольшую полемику вызывали образы двух ученых, занятых проблемами будущего русского леса — Ивана Вихрова и Грацианского.

Особой непримиримостью к леоновскому роману отличались писатели Злобин и Дик.

Знавший о таком их отношении к своему роману, Леонид Максимович цитировал Лермонотова:

Рвется Терек, Дик и Злобин…

150

Во время свадьбы дочери драматурга Николая Федоровича Погодина Тани Сергей Владимирович Михалков спросил у отца жениха:

— И кем же теперь приходится вам Николай Федорович?

Сам же и ответил:

— Собутыльником.

151

Александр Трифонович Твардовский во время одной из прогулок по вечернему Переделкину делился о Чуковским:

— Вы знаете, Корней Иванович, вообще по стихам можно сразу узнать человека.

Не встретив со стороны Чуковского возражения, продолжил: Как-то я заболел, вызвал врача. Тот пришел, констатировал растяжение связок, прописал лекарство, а потом и говорит: «Рад был с вами познакомиться. Я ведь тоже, товарищ Твардовский, пишу стихи».

И прочитал такую галиматью, что я ужаснулся: неужели такой идиот может лечить людей? Сразу увидел, что и врач-то он никудышный…

152

Во время одной из встреч с питерскими литераторами я услышал любопытную историю из жизни Михаила Михайловича Зощенко, которую, как мне кажется, он сам придумал.

В начале тридцатых годов у него был роман с одной дамой. Но роман был осложнен тем, что у дамы помимо мужа был еще любовник. И вот они условились летом оказаться на Черном море. Он — в Сухуми, она — в Одессе. Встречу они обговорят специальный письмом до востребования на имя Зощенко, которое он получит в Ялте. В письме как раз и будет обусловлено место и время встречи.

Но у Зощенко, по-видимому, было обострено чувство подозрительности. И он для проверки ялтинских работников почты на всякий случай послал на собственное имя письмо «до востребования», в конверт которого вложил простой клочок газеты с собственной подписью.

Когда он приехал в Ялту и обратился на почту, то письма от женщины не оказалось, а его личное выдали, но с какой-то странной заминкой.

Прошло более десяти лет.

У него уже была другая дама сердца.

Они были вдвоем у Зощенко, когда прозвенел телефонный звонок.

Сняв трубку, Михаил Михайлович услышал голос диктора Зеленого театра, который умолял его выступить перед огромной аудиторией. Зощенко, не желая расставаться с дамой, пытался правдами и неправдами отказаться от выступления.

Вдруг дама, слышавшая разговор, спросила:

— Почему ты отказываешься от славы? Ведь слава тебе милее всего на свете.

Зощенко удивился:

— А ты откуда знаешь?

— Ну как же. Ведь ты сам себе письма пишешь. Однажды написал в Ялту, чтобы все в городе узнали, что знаменитый Зощенко удостоил горожан своим посещением.

Не обращая внимания на изумление писателя, дама продолжала:

— Да еще в конверт сунул какой-то газетный клочок и вывел на нем крупно свое имя.

— Откуда это ты знаешь?

— А мой муж работал в ГПУ, и твое письмо доставило ему немало хлопот. Письмо перлюстрировали, сняли с него

фотокопию и долго изучали текст клочка газеты, пока не поняли, что ничего серьезного в письме нет. Просто Зощенко болен звездной болезнью…

153

Владимир Алексеевич Солоухин рассказал, как он «помог» однажды писательнице Наталье Иосифовне Ильиной в ее переводческой деятельности.

Встретив как-то Владимира Алексеевича, она попросила его составить ей протекцию в издательство, где он занимается переводами с национальных языков союзных республик. Попросила, чтобы с его подачи ей предложили какой-нибудь роман потолще: очень нужны деньги.

Пообещав, Владимир Солоухин позвонил в издательство и как бы от себя высказал все, о чем просила его Наталья Иосифовна.

Выполнил просьбу и естественно обо всем позабыл…

А когда примерно через полгода встретил Ильину, он как бы между делом спросил:

— А что, Наташа, дали вам тогда что-нибудь для перевода?

— Да, спасибо тебе, — замялась Ильина. — Они прислали мне подстрочник. Я прочитала.

— И что?

— Я прочитала и сказала себе: «Лучше смерть!..»

154

Однажды Маргарита Иосифовна Алигер, автор известной поэмы «Зоя», посвященной подвигу Зои Космодемьянской, выступала перед молодыми литераторами. И в своем выступлении вспомнила про Самуила Яковлевича Маршака, который считал одним из самых драгоценных качеств в человеке — талант.

— За это качество, — говорила Маргарита Иосифовна, — он мог простить человеку его прегрешения. Но именно таланту он предъявлял самые высокие требования. Талант, считал Маршак, не имеет права на болтовню, на развязанность и безответственность.

И в качестве примера привела такой случай.

— Как-то пришла к нему бандероль с книгой стихов молодой поэтессы. Маршак о ней уже слышал, а потому обрадовался подарку. Держа книжку в руках, он приговаривал: «Какая чудесная обложка! А какое симпатичное название! И лицо поэта хорошее! А послушайте, как музыкальны стихи! Смотрите, как умело она извлекает содержательность из междометий „ах“, „ох“, „о“…

Так празднично говорил он пока не дошел до стихотворного посвящения Пушкину. Стихотворение это страдало поверхностностью, развязанностью и словесной неряшливостью. Читая его вслух, Маршак мрачнел, сердился и, дочитав до конца, окончательно рассвирепел. В этом состоянии он вновь перелистал книжку в обратном порядке.

И теперь из его уст слышалось: «Какая же пустота! Да ведь ей решительно нечего сказать людям, кроме „ахов“ и „охов“. И потом — какое же невыразительное лицо! Какое манерное название! И вообще никчемная обложка!»

Теперь поэтессе уже ничто не могло помочь для восстановления собственной репутации в глазах Маршака.

155

Известно, что в начале 1920-х годов стали, как грибы, возникать литературные группировки. В их манифестах, декларациях, заявлениях очевидным было стремление не только к оригинальничанию, но и стремление перещеголять друг друга в представлении себя новым словом в революционном искусстве.

В каждом из подобных заявлений проступал прежде всего формализм.

Скажем, несколько «новаторов» в Ростове-на-Лону, образовав группу «ничевоков», на своем «знамени» начертали:

Ничего не пишите!

Ничего не читайте!

Ничего не говорите!

Ничего не печатайте!

Другая группировка, назвавшая себя «фуистами», проповедовала «мозговой разжиж».

«Биокосмисты» превращали землю в космический корабль, который будет управляться «умудренной волей биокосмиста».

Примерно в таком же ключе заявляли о себе «миминисты», «неоклассицисты» и др.

19 сентября 1922 года Валерий Яковлевич Брюсов выступал в Москве с лекцией о современной литературе.

Среди записок ему пришла и такая: «Что за течение „экстрактивизм“, представителям которого являются поэты Бур, Чарский и Орловский»?

В ответ Брюсов заявил о своем невежестве, ибо не только не знает поименованных товарищей, но и о самом понятии «экстрактивизм».

О тех годах Михаил Светлов в автобиографии писал: «Я с горестным удивлением вспоминаю тогдашнюю Москву. Чего только не было! Не говоря уже об имаженистах, были еще и „фуисты“, и „ничевоки“ и еще какие-то течения. У меня и сейчас сохранилась книжица „Родить мужчинам!“ Даже болея менингитом, нельзя написать такое…»

156

Одним из самых близких друзей А.С.Пушкина был Антон Антонович Дельвиг. Они вместе учились в Лицее, издавали «Литературную газету». В «Старой записной книжке» Петра Вяземского читаем: «Дельвига я знал мало. Более знал его по Пушкину, который очень нежно любил его и уважал. Едва ли не Дельвиг был, между приятелями, ближайшая и постояннейшая привязанность его».

Ранняя смерть унесла Антона Дельвига. И Пушкин был одним из инициаторов издания сборника воспоминаний о дорогом его сердцу товарище. Сборник не состоялся, но сохранились фрагменты воспоминаний Пушкина о нём.

Вот один из них.

Как-то у Александра Сергеевича собрались его близкие друзья и знакомые. Пили шампанское, вспоминали давние дни и, в частности, юношеские любовные похождения.

Когда речь зашла о таковых в жизни Пушкина, Дельвиг неожиданно заявил, что между Сашей и одной молодой графиней были интимные отношения. Хотя знал, что друг относился к ней всего лишь с уважением.

— Да, были отношения! — настаивал разгоряченный Дельвиг. — Вы же знаете, что мой девиз — резать правду!

Пушкин, выждав тихую минуту, спокойно произнес:

— Бедная, несчастная правда! Скоро совершенно ее не будет существовать, потому что ее окончательно зарежет Дельвиг.

157

Директор Дома литераторов Борис Михайлович Филиппов вспомнил, как он с друзьями оказался в театре «Аквариум», где давали пьесу-пародию «Ой, не ходи, Грицю — на заговор императрицы» в исполнении театра Сатиры. Это была пародия на пьесу Алексея Толстого и Павла Щеголева «Заговор императрицы».

Неожиданно для себя среди зрителей Борис Михайлович увидел авторов высмеиваемой пьесы.

— Мне, конечно, было интересно, как они реагируют на происходящее на сцене. И потому все время поглядывал на них. И как ни странно, они весело я громко смеялись, аплодировали наиболее удачным местам в пародии…

После спектакля я вместе с друзьями — Смирновым-Сокольским, Давидом Гутманом и другими оказался за кулисами, чтобы поблагодарить актеров за их талантливый «кураж». И опять же был удивлен, увидев среди актеров авторов пьесы «Заговор императрицы».

Помню, представляясь Толстому, Смирнов-Сокольский, которого все знали как заядлого собирателя книг, сказал Алексею Николаевичу, что очень бы хотел получить от знаменитого писателя книгу с автографом.

Толстой громогласно пообещал:

— Всенепременно! Когда вы купите на развале мою книгу «Князь Серебряный» я ее вам надпишу.

И заразительно захохотал.

Потом сказал растерявшемуся Николаю Павловичу Смирнову-Сокольскому:

— Не обижайтесь! Я ведь тоже мог бы обидеться на то, что весь вечер господа сатирики мерзавили. И кого? Автора «Царя Федора Иоанновича»!

Он назвал очередное произведение своего однофамильца и тезки Алексея Константиновича Толстого. И опять заразительно засмеялся.

158

Критик Вадим Дементьев как-то пожаловался, как непросто давалась ему работа с Леонидом Максимовичем Леоновым над последним романом писателя «Пирамида». Особо над монологом Сталина, к которому у автора романа было негативное отношение.

Уже были перепробованы несколько вариантов монолога, а Леонид Максимович по-прежнему был неудовлетворен. И эта неудовлетворенность стала казаться Вадиму как редактору нарочитым капризом старого человека.

В один из таких рабочих моментов их встречи, когда писатель забраковал очередной свой вариант монолога, Вадим не выдержал и сказал:

— Леонид Максимович, я вот шел к вам по улице Алексея Толстого, мимо музея Алексея Толстого, мимо памятника Алексею Толстому. Вы думаете, вашим именем тоже назовут улицу, создадут музей, поставят памятник?

Старик погладил усы, помолчал и сказал:

— Жена у него пробивная была…

159

Расул Гамзатович Гамзатов, находясь в Москве, ждал известия из родной Махачкалы, где его жена должна была родить третьего ребенка. Ждали известий и две его дочурки.

И вот раздался междугородний телефонный звонок: звонил первый секретарь Дагестанского обкома партии Дарьялов.

— Расул, дорогой, поздравляем тебя с успешными родами твоей Патимат, — послышался радостный голос секретаря.

— Абадурахман, кто у меня родился? — тут же спросил Расул.

— Жена чувствует себя хорошо. Роды прошли нормально.

— Так кто же родился? — с нетерпением вновь спрашивает Гамзатов.

— Мы тебя поздравляем. Все тебя любим и ждем скорейшего воз вращения в родную Махачкалу…

Такое «общение» продолжалось несколько минут.

И когда отступать уже было некуда, Дарьялов сообщил Расулу Гамзатову, что у них вновь родилась девочка.

После паузы Гамзатов произнес:

— Куда же смотрела областная парторганизация?!..

160

Курс лекций по русской литературе XX века у нас на литфаке в городском педагогическом институте имени В.П.Потемкина читал известный литературовед Евгений Борисович Тагер. Читал интересно, необычно, нередко сопровождая литературоведческий анализ не только исторической картиной нравов и среды, в которых действовали писатели, но и рассказывал какие-то интересные, почти анекдотические случаи из их жизни.

Помню, что кто-то из нас, студентов, спросил у Евгения Борисовича, правда ли, что Куприн обратился к царю с ультиматумом: он де создает Балаклавскую республику в Крыму и выходит из состава Российской Империи.

Евгений Борисович заметил, что факт общения Куприна с императором был, но, по свидетельству очевидцев, все выглядело совсем не так, как дорисовала народная молва. Словом, о создании республики и выходе из состава России и речи не было.

А что же было?

И он рассказал нам следующее.

Молодым, начинающим писателем Александр Иванович Куприн оказался в Крыму, где его пригласили на какой-то званый обед к местному художнику. И вот во время застолья Куприн попросил хозяина дома одолжить ему пятнадцать рублей. Получив эту сумму, он внезапно исчез. А вскоре появился вновь и продолжал участвовать в застольном веселье.

Уже стемнело, когда к дому художника подъехал какой-то полицейский чин и поинтересовался у хозяев, нет ли среди гостей господина Куприна. Услышав утвердительный ответ, чин заявил, что прибыл сюда с поручением царствующей особы, дабы передать Куприну наказ во время выпивки как можно лучше закусывать и впредь не делать глупостей.

За сим полицейский чин отбыл, хозяин вернулся к гостям и передал им свой разговор. Тут все стали просить Александра Ивановича рассказать, что же такое он совершил.

Куприн чистосердечно признался: ему в голову пришла фантастическая идея отправить на имя царя телеграмму, в которой просить его о даровании рыбачьему поселку Балаклава статуса вольного города.

— Но зачем вам нужно было делать это? — спросили развеселившиеся гости после сообщения писателя.

— Мне, — ответил Куприн, — захотелось узнать, как этот кромешный дурак отреагирует на мою кромешно глупую просьбу… Теперь-то вы видите, что ответ достоин настоящего

пьяницы!..

161

Василий Васильевич Шкваркин немало сделал для развития комедии на русской сцене в 1930-х годах. Наибольший успех выпал на его лирико-бытовую комедию «Чужой ребенок». В ней рассказывалось как начинающая актриса Маня осваивает роль матери незаконнорожденного ребенка. В эту интригу мистификации постепенно включаются окружающие, которым надлежало пройти испытания на человечность и благородство.

Василий Васильевич нередко привлекался к работе с молодыми драматургами. И вот во время подобных мастер-классов к нему назойливо стал обращаться начинающий автор, интересуясь отнюдь не секретами мастерства.

Когда Василий Васильевич прямо спросил о том, что же интересует молодого человека, тот также прямо задал Шкваркину вопрос:

— Василий Васильевич, а что вы думаете получить в следующем месяце?

Шкваркин резко ответил:

— Инфаркт… Так что можете мне не завидовать.

— Да, — сочувственно, откликнулся: начинающий драматург, — с ума можно сойти, как стало трудно писать комедии.

На это Шкваркин тоже сердито заметил:

— Сие вам не грозит… Для этого надо иметь, с чего сходить…

162

Поэт Борис Абрамович Слуцкий рассказал однажды про случай, происшедший осенью 1957 года в просторной горнице Союза писателей СССР.

Сидели они с Николаем Алексеевичем Заболоцким, первое знакомство с которым состоялось в тридцатых годах в Харькове, где жил тогда школьник Борис Слуцкий.

— Заболоцкий, — вспоминал Борис Абрамович, — впервые предстал передо мной цитатой из ругательной статьи о нем. А в России не следует ругать, цитируя, потому как традиционно люди начинают жалеть поруганного, оскорбленного.

Сам же Николай Алексеевич, как оказалось, к ругани относился иначе, что проявлялось так, как то проявилось в момент сидения в горнице в ожидании машины, чтобы ехать на вокзал. С вокзала им надлежало поездом отправиться в Италию, в Рим на европейское совещание писателей.

Николай Алексеевич томился еще и тем, что забыл папиросы.

Неожиданно в комнату вошел невысокий обезьяноподобный человек. Не вошел, а скорее сунулся в поисках кого-то.

Заболоцкий кинулся к нему и попросил папиросу.

Тот с радостной готовностью сказал:

— Пожалуйста, Николай Алексеевич.

И ушел.

Заболоцкий сел, затянулся раз, другой, а потом, блаженствуя, спросил:

— Интересно, а кто же это был с папиросами?

Слуцкий ответил:

— Ермилов.

Николай Алексеевич бросил папиросу на пол, растоптал и нахмурился. Ермилов как раз и был автором той ругательной статьи о стихах Заболоцкого, которую прочитал в Харькове Борис Слуцкий.

163

О своем приеме в Союз писателей Иван Фотиевич Стаднюк рассказывал так.

Он оказался участником Второго совещания молодых писателей, которое проходило в 1954 году. Ему повезло, как он считал, с семинаром. Руководителями были Валентин Петрович Катаев, Сергей Сергеевич Смирнов, Савва Кожевников и Софья Семеновна Виноградская. Естественно, Катаев был коренником.

Да и состав семинара ему пришелся по душе: люди способные, интересные, уже заявившие о себе в печати. Среди них Владимир Дудинцев, Владимир Тендряков, Александр Андреев, Владимир Монастырев, Василий Вишняков, Борис Бурлак.

Когда на занятиях стали критиковать уже матерых Тендрякова и Монастырева, Стаднюк понял, что за свою так называемую повесть «Следопыты» он получит сполна. Почему так называемую повесть? Да потому, объяснял Иван Фотиевич, что записана она по заказу Издательства ДОСАРМ /позднее ДОСААФ/ как пособие для будущих войсковых разведчиков. Представленная в разведуправление Генштаба на рецензирование, рукопись понравилась руководству и ее переслали в Воениздат. Для Издательства ШАРМ поручили написать брошюру о действиях войсковых разведчиков в различных видах боевой деятельности. И вышла она под названием «Разведчик».

А первоначальная рукопись стала именоваться приключенческой повестью, открывшей в Воениздате серию «Военные приключения».

Предчувствие серьезного критического разбора «Следопытов» не обмануло. Если Сергей Смирнов и Савва Кожевников пытались как-то смягчить разговор, доказывали, что Стаднюк в принципе перспективен для работы в литературе, Катаев был категоричен и неумолим. С заметной долей иронии он зачитал несколько отрывков из повести и заявил:

— Товарищ подполковник, литература — не ваше призвание. Пока не поздно — выбирайте себе для души профессию другую…

И самое главное: сам Стаднюк в основном был согласен с Катаевым в оценке «Следопытов». К сожалению, он представил к обсуждению только эту повесть. Но в портфеле оказались неопубликованные главы-рассказы из повести «Максим Перепелица».

После окончания очередного рабочего дня, печального для него, Стаднюк осмелился подойти к Софье Семеновне Виноградской и попросил ее почитать машинописные рассказы о

хлопце Максиме…

Увидев Стаднюка на следующем занятии, Катаев недоуменно пожал плечами и объявил, что на обсуждение выносится повесть Александра Андреева. Но тут слова попросила Софья Семеновна, пожелавшая кое-что почитать семинаристам. И она начала читать отрывки из «Максима Перепелицы». И все по достоинству оценили проделки веселого хлопца из села Яблонивка, копии того самого села Кордышивка, в котором родился писатель.

Как ни странно, но больше всех развеселился Валентин Петрович:

— Это же здорово! Я вижу живого человека, непутевого, но со смекалкой. Больше того, я уже полюбил этого парня. — И тут же спросил:

— А что это вы нам читаете, Софья Семеновна?

Виноградская указала на автора, который тут же Катаевым был восстановлен в правах молодого литератора…

164

В начале 1990-х годов я работал главным редактором издательства «Отечество», которое было создано на базе типографии МВД. И мы с директором Масюниным Андреем Александровичем решили издать несколько известных произведений о буднях милиции. Одной из таких книг была повесть Израиля Моисеевича Меттера о служебной собаке «Мухтар».

Пожилой писатель дал свое согласие на переиздание и поведал историю публикации повести в журнале «Новый мир». Правда, до того он предложил рукопись в журнал «Юность», но оттуда пришел ответ, что повесть больше подходит для журнала «Пионер», потому как она слишком детская…

Но он поступил по-своему.

Весной шестидесятого года Меттер оказался в Москве и предложил повесть в «Новый мир». Журнал этот был для него не чужим: до того он опубликовал в нем: несколько рассказов. Рукопись была прочитана и тут же отправлена в набор.

И в тот момент, когда уже верстался номер с повестью, Меттера неожиданно вызвали в Москву. Твардовского в Москве не было. А верстку, которую ему показали в отделе прозы, разукрасили всевозможными знаками вопросов, восклицаний, вычеркиваний. Некоторые места были самодельно переписаны.

— Кто это сделал? — спросил Меттер.

Ему назвали Дементьева Александра Григорьевича, который был заместителем Твардовского.

Все это вызвало возмущение автора, и он заявил, что отказывается подписывать верстку в печать.

— Я уже оплакивал горючими слезами своего пса и наладился домой в Питер, — вспоминал Израиль Моисеевич, — но в день моего отъезда мне позвонили из редакции отдела прозы, сообщив, что Твардовский вернулся в Москву, узнал о происшедшем с версткой и назавтра собирает всю редакцию для разрешения конфликта. На заседание пригласили и меня…

И вот когда Меттер появился в кабинете главного, все уже были в сборе. Твардовский сухо поздоровался с ним. Никаких вступительных слов. Сразу же поднялся Александр Григорьевич Дементьев и, держа верстку в руке, сперва стоя, а затем расхаживая по кабинету произнес не слишком длинную, но достаточно раздражительную речь. Смысл ее заключался в том, что главный герой повести младший лейтенант Глазычев — фигура мелкая и вряд ли автору следовало на нем заострять

внимание. Больше того, Дементьева занесло в негативных суждениях и он договорился до того, что повесть вообще не следовало публиковать.

И тут неожиданно прозвучал глуховатый голос Твардовского:

— Что значит — мелкая фигура?.. А как же тогда быть с капитаном Тушиным?..

Через паузу последовали слова:

— Я никоим образом не уравниваю автора с Толстым. Но деление литературных героев на мелких и крупных я не понимаю. Вся русская классическая литература протестует против подобного делания…

А затем Твардовский попросил изменить название повести. Увидев удивленное лицо автора, пояснил:

— В прошлом номере нашего журнала был напечатан рассказ Мухтара Ауэзова. Я не хотел бы, чтобы у Ауэзова возник хоть мелкий повод обидеться.

И Мухтар был переименован в Мурата в журнальном варианте повести…

165

С киноведом Ростиславом Николаевичем Юреневым я познакомился во время работы во ВГИКе. Запомнился его рассказ, связанный с кинофильмом «Поезд идет на восток».

Фильм Юлия Яковлевича Райзмана откровенно ему не понравился, и он, Юренев, поддавшись первому восприятию от просмотра, написал рецензию, которую предложил в газету «Советская культура».

Но главный редактор газеты заметил:

— Вряд ли мы будем ее публиковать. «Правда» и «Известия» вроде бы положительно оценили работу маститого режиссера. А вступать в полемику нам вроде бы ни к чему.

Ростислав Николаевич забрал свою рецензию, в сердцах бросил в какой-то ящик письменного стола и забыл про нее…

И вот однажды ночью раздался телефонный звонок.

Ростислав Николаевич взял трубку и услышал голос главного редактора «Советской культуры»:

— Срочно нужна в номер ваша рецензия. Машину за вами я уже послал. При встрече все объясню.

Одевшись, судорожно начал поиски рецензии. Наконец-то отыскал ее и вышел из дома. Возле парадного его ждала редакционная машина.

Вскоре Ростислав Николаевич вошел в кабинет редактора, который, буквально выхватив из его рук рукопись, начертал на ней: срочно в номер!», передал секретарше и только тогда предложил Юреневу кресло.

— Так что же случилось? — спросил Ростислав Николаевич.

— Ах, да! — всплеснул руками главный редактор. — Вчера фильм показывали в Кунцево. Присутствовал на просмотре и режиссер-постановщик. И вот во время просмотра, в том месте, где герои отстают от поезда, товарищ Сталин неожиданно спросил у Райзмана: «Скажите, что это за станция?» «Товарищ Сталин, это условная, символическая станция», — ответил режиссер. «Символическая? — переспросил Сталин. И добавил: — Ну я на ней и выйду».

И ушел из зала…

166

Есть у Михаила Михайловича Пришвина небольшой рассказ «Сочинитель». В рассказе воспроизведен разговор писателя с мальчишкой-подпаском о литературе. Знаменателен этот рассказ тем, что в нем предельно просто, ясно и без всяких «выводов» речь идет о простоте прозы. Думаю, что каждому интересующемуся проблемой художественного творчества не лишне будет еще и еще раз прочитать рассказ Пришвина.

Подпасок говорит писателю:

«— Если бы ты все по правде писал, а то ведь, наверно, все выдумал?

— Не все, — ответил я, — но есть немного.

— Вот я бы так написал!

— Все бы по правде?

— Все. Вот взял бы и про ночь написал, как ночь на болоте проходит.

— Ну, как же?

— А вот как! Ночь. Куст большой, большой у бочага. Я сижу под кустом, а утята свись, свись, свись.

Остановился. Я подумал — он ищет слов или дожидается образов. Вот очнулся, вынул жалейку и стал просверливать на ней седьмую дырочку.

— Ну, а дальше-то что? — спросил я. — Ты же по правде хотел ночь представить.

— Представил, — ответил он, — все по правде. Куст большой, большой! Я сижу под ним, а утята, всю ночь — свись, свись, свись.

— Очень уж коротко.

— Что ты, коротко, — удивился подпасок, — всю-то ночь напролет: свись, свись, свись.

Соображая этот рассказ, я сказал:

— Как хорошо!

— Нуж плохо, — ответил он».

167

В канун профессионального военного праздника 23 февраля 1972 года нас, писателей Ивана Фотиевича Стаднюка, Феликса Ивановича Чуева и меня, пригласил тогдашний командующий ракетными стратегическими войсками генерал армии Толубко Владимир Федорович. Пригласил в штаб вверенных ему войск, чтобы мы выступили перед офицерами штаба и членами их семей.

Встреча прошла очень тепло, хорошо.

Особенно много вопросов выпало на долю Ивана Стаднюка в связи с его романа «Война». Интересовалась читатели, когда выйдут последующие книги.

После выступления нас пригласили в уютный банкетный зал, чтобы еще раз поблагодарить за встречу и поприветствовать по случаю наступившего праздника.

Правда, Владимир Федорович Толубко извинился, что не сможет продолжить встречу с нами, поскольку вызван то ли в ЦК, то ли Минобороны. С нами остался за хозяина его заместитель генерал-лейтенант.

И вот когда компания была готова к первому тосту, Иван Фотиевич обратился ко мне:

— Давай, Борис. Ты у нас — мысль. Потому тебе первому слово приветствия в адрес гостеприимных хозяев.

Это было неожиданно, как, собственно и то, что вдруг во мне зазвучал «державный голос». И мне захотелось поделиться звучанием, именно им поздравить славных ракетчиков.

— Друзья! Я попробую поднять наше застолье на очень высокий уровень. Если получится, то вы поймете, о чем речь. А не получится — все равно скажу те добрые и серьезные слова, коих заслуживают военные люди, стоящие у грозного оружия во имя мира и счастья нашего Отечества.

И я начал имитировать Леонида Ильича.

— Дорогие товарищи!..

Тут же послышалось от сидевшего рядом со мной генерал-лейтенанта тихое, но строгое:

— Прекратите!

Значит, попал, угадал тональность. Как прекратить, если я уже в образе? После некоторого замешательства произнес:

— Я не привык, когда меня перебивают.

Обращаюсь к Стаднюку:

— Иван Фотиевич, кто меня перебил?

Покрасневший Стаднюк как-то неловко говорит:

— Генерал.

Я категорично заявляю:

— Будем считать, что этого генерала нет. А теперь о ракетных стратегических войсках и их значении в деле обороны страны и защиты мира на земле…

И я произнес державным голосом вдохновенное слово о славных наших ракетчиках, о достойных продолжателях традиций русских артиллеристов, воинов Великой Отечественной войны.

Словом, первое оцепенение присутствующих уступило место пониманию веселости момента и моего дебюта в роли генерального секретаря…

Потом я не раз и не два «делал» вождя в разных компаниях. И, видимо, не все воспринимали мою имитацию с должным в таком случае чувством юмора. Помню, как во время одного официального мероприятия работник ЦК комсомола спросил у меня:

— А ты не боишься, показывая свои возможности в имитации голоса генсека?

Ответом был вопрос:

— А чего бояться? Я же не представляю его в безобразном виде… И еще. Знаешь, что может быть самым жестким наказанием? Это когда меня пригласят лично к нему и он скажет: «Изобрази…»

Но тем не менее мой друг и давний товарищ Николай Иванович Никандров, в то время сотрудник Комитета госбезопасности, сказал как-то:

— Знаешь, Борис, на тебя в нашем ведомстве претолстенная папка с сигналами о твоих артистических издержках в адрес Леонида Ильича. Но у нас люди умные, а потому ни о каких санкциях в твой адрес речи не идет.

Эту информацию позднее подтвердил Александр Николаевич Карбаинов, с которым мне довелось год проработать вместе в Центре Общественных связей КГБ, когда с его подачи я был назначен на пост главного редактора журнала «Служба безопасности». Он кстати пообещал в скором времени «подарить» мне эту самую папку с сигналами, а точнее с доносами чрезвычайно бдительных моих товарищей.

Но думаю не только «умные люди» из КГБ не давали ход поступающим к ним сигналам на «самодеятельность» Леонова. Смею считать, что основанием такой лояльности послужил факт, о котором мне доверительно поведал Иван Фотиевич Стаднюк.

Он был включен в список лиц, которым позволялось охотиться и рыбачить в Завидовском заповеднике, где, как мы знаем, охотился герой моих реприз.

И вот однажды в домике охотника, где остановился Стаднюк и его товарищи, появился помощник генсека Голиков и пригласил Ивана Фотиевича от имени Леонида Ильича навестить того в его резиденции.

— Знаешь, что-то екнуло в сердце, — признавался Стаднюк. — И я в назначенный час появился в прихожей дома, где меня ждал сам Леонид Ильич. Он очень по-доброму оценил мой роман «Война», поинтересовался над чем я работаю. Потом пригласил за стол. Мы с ним чокнулись рюмками коньяка. И потом он неожиданно спросил: «А кто такой Борис Леонов?» Я тут же ответил, что ты мой друг, талантливый критик и хлопец во всех отношениях добрый. «Говорят, он меня делает?» — спросил Леонид Ильич. Я тут же подтвердил, добавив: да еще как делает, Леонид Ильич! Такие тексты даже помощники ваши не всегда могут подготовить. К тому же все остроумно и весело. «Но он не богохульничает?» — спросил Леонид Ильич. И тогда я категорически ответил, что этого нет. Леонид Ильич сказал: «Ну, пусть делает!»

Видимо, это державное добро и хранило меня от всевозможных «орг» и прочих выводов?!..

А после скончания Леонида Ильича «делать» вождя стало неинтересно, хотя… для многих все оказалось наоборот.

Правда, Феликс Иванович Чуев при встречах с ним всякий раз напоминал:

— Ты меня должен хранить и беречь как свидетеля твоего дебюта в роли имитатора Брежнева при живом Генеральном секретаре.

А. сам, к сожалению, двух дней не дожил до пятидесяти восьми лет, скончавшись в 1999 году.

168

— Однажды, — рассказывал Василий Петрович Росляков, — мы шли с Павлом Филипповичем Нилиным по Дому литераторов. Вижу у окна в фойе стоит Семен Шуртаков, с которым мы недавно ездили в Германию по приглашению тамошних писателей.

Спрашиваю Нилина, знаком ли он с Семеном Ивановичем Шуртаковым. Нет, отвечает, не знаком.

— Так давайте же я вас познакомлю.

Подвожу Нилина к Шуртакову и представляю:

— Вот познакомьтесь, Павел Филиппович, это Семен Иванович Шуртаков.

— Очень, ваще, рад. Сегодня, ваще, у меня именины сердца. Лично познакомился с самим Семеном Ивановичем Шуртаковым!..

У нас ведь в литературе нынче, ваще, как? Сартаков, Баруздин и сразу Шуртаков! Ваще очень, очень рад…

169

Поэт Владимир Кириллович Карпеко многожды рассказывал самые разные истории из своей литературной жизни. В частности, запомнился его рассказ о том, как Михаил Аркадьевич Светлов публично заявил, что о нем, о Владимире Карпеко, еще Александр Блок писал. Удивленной аудитории Светлов сказал:

— Ну, как же?! Неужели не помните:

Ночь, улица, фонарь, Карпеко.

Карпеко, улица, фонарь…

На сей раз Владимир Кириллович вспомнил про поэтический вечер в Твери, тогдашнем Калинине.

В одном из самых больших залов города собралась огромная толпа любителей поэзии.

Когда на сцену вышли приехавшие из Москвы поэты, и когда жаждущие с ними встречи молодые люди не узрели среди вышедших Евгения Евтушенко, заявленного в афише, они тут же стали скандировать: «Евтушенко давай!», «Евтушенко давай!»

Владимир Карпеко вышел из-за стола «президиума» к краю сцены и начал читать:

Обидели.
Беспомощно мне, стыдно.
Растерянность в душей моей
не злость.

Обидели усмешливо и сыто.
Задели за живое.
Удалось…

Но публика продолжала требовать: «Евтушенко давай!»

Тогда он вновь стал читать:

Я был жесток.
Я резко обличал,
о собственных ошибках не печалясь.

Казалось мне —
людей я обучал
как надо жить,
и люди обучались…

А голоса вновь: «Евтушенко давай!»
Владимир Карпеко выдержал паузу и сказал:
— Так это же все — Евтушенко!
И зал затих. Вечер поэзии начался…

170

Писатель-сатирик Владимир Поляков, автор сценариев известных кинокомедий «Мы с вами где-то встречались» и «Карнавальная ночь», вспомнил, как в детстве его родители мечтали сделать из него музыканта.

Когда ему было шесть лет, мама сказала:

— Володя, ты должен брать уроки музыки. С завтрашнего дня с тобой будет заниматься известный композитор Майкапар.

Ответные слезы не спасли Володю.

На следующий день в их доме появился пожилой дядя в пенсне, с узкой бородкой. Это и был известный композитор Майкапар.

Володю усадили на табуретку перед пианино.

Севший рядом с ним на стул композитор спросил:

— Ты любишь музыку?

— Люблю…

— А что ты любишь из музыки больше всего? — поинтересовался Майкапар.

— Я чистосердечно признался, — улыбнулся Владимир Поляков, — что люблю больше всего «По улицам ходила большая крокодила».

— Мда… — Композитор задумался. Потом произнес: — А теперь проверим твой слух.

Он стал ударять пальцем по клавишам, а от меня требовал, чтобы я голосом воспроизводил ему нужную ноту. Когда я это делал, композитора буквально передергивало.

Наконец, он спросил у мамы:

— А сколько лет вашему мальчику?

Мама тут же откликнулась:

— Шесть… В этом возрасте Моцарт уже сочинял прекрасную музыку.

— Учтите только, что это был Моцарт, — тактично уточнил Майкапар.

— Но дело же не в фамилии, — сказала мама.

Больше композитора Майкапара Владимир Поляков в жизни не встречал…

171

Сергей Владимирович Михалков вспоминал о том, как они, сотрудники редакции газеты Южного фронта «Во славу Родины» — Владимир Поляков, Илья Френкель и приехавший к ним из Москвы Борис Горбатов оказались в Одессе в гостинице «Лондонской». Тут они встретили знаменитого автора «Трех толстяков» Юрия Карловича Олешу, который сразу заявил им, что ему необходимо идти на фронт.

— Так вы уже на фронте, — сказал ему Борис Горбатов.

Кто-то предложил Олеше идти к ним в редакцию газеты.

— Я хочу написать о Буденном… Он ведь сейчас здесь, — предложил Олеша.

— Это здорово. Пишите срочно. Через день дадим в номер, — загорелся Борис Горбатов.

— А как тут жизнь, в гостинице? — поинтересовался Михалков.

— На весь коридор двое жильцов — Паустовский и я. Живем, как королевские особы, — ответил Олеша, запахивая легкое пальто. В нем было прохладно.

Товарищи достали ему настоящую армейскую шинель. Она ему была велика. Большеголовый, невысокий, в шинели он выглядел довольно странно. И, наверное, подозрительно. Потому как приметивший его на улице какой-то пацан закричал:

— Смотрите, шпион!

Олешу задержали.

И неизвестно, что бы произошло со «шпионом», если бы не сотрудники редакции, которые выручили Юрия Карловича.

В знак благодарности за «спасение» Олеша вскоре принес в редакцию обещанный очерк о Буденном…

172

Жил в Москве замечательный артист, знаток книги и писатель Николай Павлович Смирнов-Сокольский. Одной из самых его интересных книг были «Рассказы о книгах», куда он включил воспоминания о его собирательской деятельности, о его дружбе с великими и малыми людьми, страстью которых также была любовь к книге.

В студенческие годы я нередко бывал на его выступлениях и слушал не только его особые, неповторимые фельетоны, в основе которых опять же чувствовалась опора на великую литературу, но и его общение с ушедшими и живыми классиками.

Бот один из таких рассказов Николая Павловича, услышанных и записанных мною по памяти…

Он дружил с поэтом Демьяном Бедным — Ефимом Алексеевичем Придворовым, автором до сих пор известной песни «Проводы», написанной в 1919 году.

В основе их дружбы было служение сатирическому цеху в литературе и на эстраде. И, конечно же, любовь к книге. Демьян Бедный был исключительным знатоком старой книги, его библиотека считалась лучшей у самых избранных библиофилов.

Так вот однажды Николай Павлович пришел к Бедному посоветоваться, стоит ли ему покупать книгу Радищева «Житие Ушакова» в издания 1789 года.

После продолжительной паузы Бедный спросил:

— Где это тебе предлагают Радищева?

— В Лавке писателей, — ответил Николай Павлович. — Только вроде дороговато просят. Это же не «Путешествие из Петербурга в Москву»?!

Так как, — уточнил Смирнов-Сокольский, — стоит покупать или нет?

Ничего не ответил поэт…

Наутро Николай Павлович «созрел»-таки и решил купить книгу Радищева. В полдень он появился в Лавке, но был крайне удивлен: книгу уже продали.

— Кому? — поинтересовался он.

Оказалось, что с раннего утра возле Лавки писателей дежурил Демьян Бедный. И как только магазин открылся, он тут же купил «Житие Ушакова».

Спустя несколько часов Бедный выговаривал расстроенному Смирнову-Сокольскому:

— Может быть, я поступил нехорошо, не совсем этично. Но собиратель, который смеет советоваться, брать ему «Житие

Ушакова» Радищева или нет, не имеет права обладать этой книгой…

Прошло несколько лет.

Смирнов-Сокольский тоже стал известным книголюбом. И уже к нему стали обращаться за консультациями библиофилы. Среди них и Демьян Бедный.

Однажды тот позвонил и спросил, нет ли у Николая Павловича книжечки 1827 года «Фемиды», в которой были собраны судебные узаконения тех лет по женскому вопросу. Ему она понадобилась для работы над фельетоном, который заказала газета «Правда».

— Десять лет ищу эту книжку — не попадается. У тебя нет ли?

— У меня ее нет, Ефим Алексеевич. Но у одного знакомого моего собирателя она есть. Правда, собиратель-то какой-то чудной: насобирал гору книг и не знает, какие у него есть, а каких нет.

— Кто же это безграмотное чудовище?

— Да вы его знаете, Ефим Алексеевич! Это известный поэт Демьян Бедный. Книга эта стоит у него в четвертом шкафу на второй полке, а он, видите ли, ее десять лет разыскивает у своих знакомых…

Наградой за эту справку было «Житие Ушакова» с надписью:

«Уступаю Смирнову-Сокольскому с кровью сердца! Демьян Бедный».

173

Какой-то неведомый стихотворец встретил в Доме литераторов Михаила Аркадьевича Светлова и буквально заставил его выслушать свои новые стихи.

Закончив чтение, спросил:

— Ну, как?

— Вы великий человек, — сказал Светлов, и тут же добавил: — Торричелли!

— Не понимаю, — растерялся стихотворец.

Михаил Аркадьевич пояснил:

— Пустота…

174

Перу поэта Д\'Актиля Анатолия Адольфовича принадлежат не забытые до сих пор тексты песен «Мы конница Буденного», «Марш энтузиастов», «Пароход».

Так вот о нем рассказывали, что он страшно любил авторские авансы, которые он получал в редакциях и издательствах. Его даже в шутку звали «дедушка русского аванса».

Однажды, когда собирались открыть театр миниатюр в помещении бывшей католической церкви, он получил аванс в виде церковного шкафа.

Братья-поэты по этому случаю создали на маршаковский манер такие стихи:

Д'Актиль получил, как аванс,
Диван, самовар, чемодан-с,
Картину, корзину, картонку
И маленькую собачонку.

Собачонка эта исчезла при перевозке. И Д'Актиль якобы за это ругал шофера, а тот в ответ говорил:

«Не лезьте, пожалуйста, в драку.
В авансах вы съели собаку».

175

Известный сатирик Владимир Соломонович Поляков рассказал историю своего проникновения в МХАТ на премьеру «Анны Карениной». Жил он тогда в Ленинграде, а в дни премьеры «Анны Карениной» оказался в Москве и захотел во что бы то ни стало попасть на спектакль. Билетов в кассах уже не было. У перекупщиков они шли по баснословной цене.

Тогда отправился он к своему знакомцу — главному режиссеру цирка — Юрию Сергеевичу Юрскому в надежде на его помощь в приобретении билетов.

Как на грех, того на работе не оказалось. Поляков решил оставить ему записку, которую сочинил в своем «юморном» стиле. Когда заканчивал ее, появился Юрский. Нужда в записке отпала, и он сунул ее в карман.

Но оказалось, что и Юрский не может ему оказать содействие с билетами.

Тогда Владимир Соломонович решил обратиться к администратору МХАТа Михальскому. Тот лишь посочувствовал начинающему драматургу из города на Неве:

— Когда билетов нет, тогда их нет. К сожалению, ничем помочь не могу.

— А кто может?

— Только Владимир Иванович…

— Я понял, что речь идет о самом Немировиче-Данченко, — уточнил Владимир Поляков…

— Поблагодарив Федора Николаевича, я вышел из здания театра, зашел в Театральное кафе, сел за столик и на листке бумаги, вырванного из блокнота, написал уважительное и восторженное письмо великому современнику с единственной просьбой помочь попасть на премьеру «Анны Карениной».

Узнав в Мосгорсправке адрес Немировича-Данченко, я отправился к нему на дом. По пути купил конверт, сунул туда письмо и написал адрес «Народному артисту Советского Союза…»

И вот он перед дверью квартиры Владимира Ивановича.

Позвонил.

Дверь приоткрылась и, видимо, жена артиста на приветствие посетителя сухо сказала:

— Владимир Иванович отдыхает.

— Тогда передайте ему письмо, — попросил Поляков… Минуты три он ждал ответа. Вдруг дверь резко приоткрылась, жена бросила в щель конверт со словами:

— Владимир Иванович вас не знает и не желает знать…

Ничего не понимая, Поляков раскрыл конверт, адресованный народному артисту СССР, вынул вчетверо сложенный листок с письмом. И… О, ужас! Обнаружил в конверте записку к Юрию Сергеевичу Юрскому следующего содержания: «Здравствуй, старый черт! Если ты не достанешь мне одно место на премьеру „Анны Карениной“, я вырву тебе бороду. Твой Володя Поляков».

— Вы не можете себе представить, что я пережил в этот момент, признался Владимир Соломонович. — И все мои переживания вылились в безудержный смех. Потом спохватился: а вдруг я еще раз встречусь с Владимиром Ивановичем?! Надо же объяснить, что произошло. Я вырвал еще один лист из блокнота и написал, что случилась путаница: в конверт по рассеянности вложил записку другу-режиссеру Юрскому.

Тут же вложил в конверт письмо, предназначаемое уважаемому Владимиру Ивановичу. Вновь вызвал звонком жену, попросил передать в очередной раз письмо адресату и стал ждать…

И что же вы думаете?

Дверь отворилась и в ней стоял улыбающийся Владимир Иванович, произносящий:

— Проходите, дорогой мой!

А дальше был чай с клубничным вареньем, был вручен пропуск на два лица в МХАТ на премьеру. И были долгие шестьдесят минут, что я провел в обществе этого удивительного человека с великолепным чувством юмора. И потому я понял, почему все так и случилось, как случилось: впервые в жизни Немировича-Данченко назвали «старым чертом», но оказалось, что это была всего лишь досадная ошибка!..

176

Александр Михайлович Герасимов, известный своими картинами «Ленин на трибуне», «И.В.Сталин и К.Е.Ворошилов в Кремле», портрет О.В.Лепешинской и др. вспоминал, как будучи учеником Училища живописи оказался в гостях у Владимира Алексеевича Гиляровского. В Столешниковом переулке.

Ему было приятно, что в этой гостеприимной квартире «короля репортажей» бывали такие великие люди, как Лев Толстой, Антон Павлович Чехов, Глеб Иванович Успенский, Федор Иванович Шаляпин. И вот он тоже. Юношеское тщеславие от такого приобщения к знаменитостям трепетало в груди Александра Михайловича.

Он тихо продвигался по коридору и разглядывал вывешенные на стенах этюды, картины. Обнаружил несколько совершенно слабых работ.

И тут услышал голос Гиляровского, открывшего дверь кабинета:

— Смотришь?

На вопрос хозяина ответил вопросом:

— Кто же это, Владимир Алексеевич, дарит вам?

— Никто. Сам покупаю.

— Сами?!.. А зачем? Работы-то слабые.

— Садовая ты голова! — улыбнулся Гиляровский. — Хорошие-то всякий купит. А ты вот слабые купи.

Но Герасимов свое:

— А зачем они вам, слабые-то?

— А затем, что так денег дать вашему брату, художнику, нельзя. Обидится. А купить этюд — дело совершенно другое. И на хлеб есть, и дух поднят. Раз покупают, скажет он себе, значит, нравится, значит, умею я работать. Глядишь, больше стал трудиться, повеселел, и впрямь дело пошло лучше. Понял?!..

177

Писатель Георгий Николаевич Мунблит, написавший вместе с Евгением Петровым сценарии таких популярных в прошлом кинофильмов, как «Музыкальная история», «Антон Иванович сердится», вспоминал об одном из поэтических вечеров двадцатых годов, в котором ему довелось принимать участие. Вечер проходил в Большом зале консерватории.

И вот в самом начале вечера произошел какой-то сбой в отношении с публикой. Она стала агрессивно вести себя при объявлении каждого из выступающих. И не ведомо, чем бы закончилось это «великое противостояние», если бы не нашелся человек, которому удалось утихомирить разбушевавшийся зал.

Им оказался известный теоретик стиха, автор книги «Как писать стихи» Георгий Шенгели, который тоже нередко выступал с чтением собственных сочинений.

— Так вот он, — рассказывал Георгий Николаевич, — выйдя на эстраду, поднял руку, прося тишины и внимания. Но не тут-то было. В ответ послышался дружный гогот, хлопанье, топанье и чуть ли не улюлюканье.

А поскольку первым прогнали со сцены ведущего, то в зале не знали, кто перед ними просил слова. И тут какой-то юнец, перегнувшись через барьер амфитеатра, фальцетом крикнул: «Фамилию!», требуя тем самым выступающего назвать себя.

Этот клич понравился публике и из ее рядов послышались крики:

«Фамилию! Фамилию!»

Георгий Шенгели вновь поднял руку, потом вторую.

Зал неистовствовал в реве, шуме, смехе. И тогда, дождавшись краткого перерыва в этом гвалте, Шенгели зычным голосом гаркнул:

— Бетховен!

Публика оцепенела.

И в мгновенной, еще зыбкой тишине Шенгели начал читать свое произведение громким поставленным голосом. Это было длинное и далеко не совершенное стихотворение о Бетховене. Слушать его было бы трудно и в идеальных условиях. Но тут все шло по-другому. Когда публика опомнилась, было уже поздно.

Так вопреки всем законам, божеским и человеческим, Шенгели дочитал свое творение до конца, никто не прервал его ни возгласом, ни хлопком…

178

Рассказывают про один из вечеров Владимира Маяковского.

Оглядев собравшихся, поэт сказал:

— Вас пришло сюда много потому, что вы решили, что 150 000 000 это рубли. Нет, это не рубли. Я эту вещь отдал в Государственное издательство. А потом стал требовать назад. И все стали говорить, что Маяковский требует сто пятьдесят миллионов…

И еще «дело о миллионах».

Рассказывают, что хозяин дома, у которого наш великий баснописец Иван Андреевич Крылов нанимал квартиру, составил контракт о найме и принес его на подпись к квартиросъемщику. В контракте, между прочим, было написано, чтоб он, Крылов, был осторожен с огнем, а то, не дай Бог, если дом сгорит по его неосторожности, то он обязан тот час выплатить стоимость дома, оцениваемого в 60 000 ассигнациями.

Иван Андреевич, подписав контракт, к сумме 60 000 прибавил еще два нуля.

Возвращая хозяину документ, Крылов сказал:

— Я на все пункты согласен. Но, чтобы вы были совершенно, обеспечены, я вместо 60 000 рублей ассигнациями поставил шесть миллионов. Это для вас будет хорошо, а для меня все равно, потому что я не в состоянии заплатить вам ни той, ни другой суммы…

179

Александр Александрович Блок показал Горькому свою пьесу о фараонах «Рамзес».

Алексею Максимовичу пьеса понравилась.

— Только вот говорят они у вас уж очень по-русски, — заметил Горький. — А надо бы… каждую фразу поставить в профиль…

180

Корней Иванович Чуковский поведал о том, что классик русской литературы Леонид Николаевич Андреев, получив от издателя Цетлина аванс за собрание своих сочинений, купил себе осла.

Друзья спросили:

— А для чего тебе осел?

Леонид Николаевич ответил:

— Очень нужен. Он напоминает мне про Цетлина. Чуть забуду о своем счастье, осел закричит и я тут же вспомню…

181

Известный поэт Илья Львович Сельвинский, долгое время руководивший поэтическим семинаром в Литературном институте имени А.М.Горького, нередко рассказывал своим семинаристам разные истории из литературной жизни двадцатых годов. В частности, об Эдуарде Багрицком. Они вместе входили в группу конструктивистов, именовавшуюся как ЛЦК /левый центр конструктивистов/. Идеологом и теоретиком этой группы был Корнелий Зелинский. Теоретическая платформа их была изложена в двух сборниках — «Госплан литературы» и «Бизнес». В частности, утверждалось, что «конструктивисты стремятся овладеть поэтическим участком фронта культурничества, понимаемого как широкий конструктивизм рабочего класса в переходную эпоху борьбы за коммунизм». Главный тезис их был такой: «зодчий революции ищет свой стиль», и стиль этот должен складываться под влиянием быстрого развития техники, быть динамичным, экономичным и емким. И еще: задача художественной литературы в том, чтобы пропагандировать американское делячество, утверждать «социалистический бизнес». Коммунизм рождается из «всего духа технической эпохи». Отсюда принцип «грузификации культуры».

Эдуарду Георгиевичу Багрицкому надоело заниматься «грузификацией», и он покинул группу конструктивистов и вступил в РАПП, куда его давно и настойчиво приглашали. Пролетарским писателям он был нужен как знаменитый в литературе тех лет поэт-«попутчик». Обращение его в «свою веру» они считали важнейшей победой на литфронте.

— Но, — рассказывал Сельвинский, — никто из вождей Российской Ассоциации пролетарских писателей и не представлял того языческого лукавства, с каким новый рапповец относился к своему переходу в их организацию.

У себя в кабинете он нередко представлял в лицах тех, кто призывал покончить со всякими Львами Толстыми, если у них есть Юрий Либединский.

Вскоре до главы и теоретика РАППа Леопольда Авербаха стали доходить слухи, что их «новобранец», сидя по-турецки на своем топчане, позволяет себе высмеивать перед собирающимися его гостями священные заповеди их ассоциации.

В частности, он якобы так комментировал очередное выступление Авербаха по поводу призыва в литературу ударников производства: «Как вам нравится этот свистун?! В своем рапповском инкубаторе он вознамерен вырастить чистопородных

пролетарских писателей\ »

А посмотрите, какие характеристики известных писателей слетают с его уст. Маяковский у них отягощен темным футуристическим прошлым. Федин — всего лишь колеблющийся интеллигент. Бабель — певец стихийного бунта. И так далее. Авербаха буквально все не устраивает в достойных именах талантливых художников. Он убежден, или делает вид, что убежден, будто настоящий писатель родится только между молотом и наковальней, как говорят Ильф и Петров. И настоящий, по его мнению, будет писать исключительно про бруски, про горящие буксы, про ведущие оси и другие изделия индустриального мира. А то, что такой «мастер» пишет не пером, а наковальней, на которой родился, ему это не важно…

— Видимо, — итожил рассказ Илья Львович, — не сносить бы головы ернику и еретику Багрицкому, если бы в апреле 1932 года специальным постановлением ЦК партии РАПП не был ликвидирован…

182

Писатель Борис Авксентьевич Привалов, автор сатирического романа «Садовое кольцо», рассказал, как на одном из заседаний секции юмора и сатиры в Доме литераторов оказался Корней Иванович Чуковский.

Узнав, о чем ведут речь «великие юмористы», он охотно согласился принять участие в беседе и поведал следующую историю из своей биографии.

— В 1905 году, — начал Чуковский, — я редактировал сатирический журнал «Сигнал». И вот в номере четвертом были помещены карикатуры на самого царя. Дело приняло серьезный оборот. Против главного редактора возбудили уголовное дело. Мне грозило по меньшей мере год крепости.

И тогда я решился обратиться к знаменитому адвокату Грузенбергу Оскару Осиповичу.

Выслушав мою просьбу, Грузенберг согласился: «Попытаюсь. Авось удастся…»

И вот мы в суде.

Я — на скамье подсудимых.

Оскар Осипович, который выглядит необыкновенно внушительно и импозантно, на месте адвоката.

В зале — никого.

Кроме моей жены Марии Борисовны, которая специально приехала в Питер, чтобы быть рядом со мной в трудную минуту.

А вот за судейским столом народу было много. В основном вельможи, сенаторы, которых привлекла сюда прежде всего возможность узреть и услышать, как схватятся адвокат Грузенберг с прокурором Камышанским. Они понимали, что «дело» для адвоката безнадежное, а потому и интересное. И прежде всего тем, что адвокат будет отбиваться от смертельных ударов обвинения.

Прокурор Камышанский начал речь крикливо, яростно:

— В то время, как революционное брожение кончилось поражением, а бунтовщики потерпели позорный крах, среди оголтелых литераторов нашлись такие, кто в этот момент вновь поднял преступную руку на священную особу государя императора…

Гляжу на Оскара Осиповича.

Он кажется совершенно подавленным.

Сердце мое уходит в пятки.

Жду.

После окончания обличительной речи прокурора

поднимается Грузенберг и тихим, вкрадчивым тоном обращается к суду:

— Представьте себе, что я… на этой хотя бы стене. Рисую. Положим, осла. А проходивший мимо гражданин возьми и заяви: «Это прокурор Камышанский». /Тут зазвенел звонок председателя/. Так я вас спрашиваю: кто же оскорбляет прокурора? Я, рисующий осла, или прохожий, увидевший в нем сходство с… уважаемым блюстителем закона? Ответ однозначен, как, собственно, и в нашем деле.

Что делает мой подзащитный? Он рисует осла, дегенерата, идиота, а уважаемый прокурор Камышанский имеет смелость утверждать, что тут изображенасвященная особа здравствующего государя Николая Второго. И если он повторяет сие тут, мы можем привлечь его к ответственности и применить к нему грозную сто третью статью, сурово карающую за оскорбление его величества!..

И он обратил на растерянного прокурора град вопросов, последовательно обращаясь к помещенным в журнале карикатурам…

— Так меня оправдали, — завершил свое выступление Корней Иванович на секции сатириков и юмористов…

183

Мария Карловна Куприна-Иорданская вспоминала, как умели веселиться собиравшиеся на даче у ее приемной матери Давыдовой, издававшей журнал «Мир Божий», известные и молодые литераторы, среди которых были Горький, Бунин, Федоров, поэт В.Ладыженский. Трое последних особенно любили острить друг над другом, выдумывая при этом самые нелепые истории.

Особенно доставалось Владимиру Николаевичу Ладыженскому. Он будто бы приехал из своего пензенского имения в Ялту в третий раз свататься к сестре Чехова Марии Павловне. А посему стал ежедневно навещать Антона Павловича и жаловаться на судьбу.

— До того довел Чехова, — сочинял свою байку Бунин, — что вчера иду я мимо его дачи и слышу, как он говорит сестре: «Маша, посмотри, кто-то к нам идет. Если это ко мне Ладыженский, скажи, что я умер…»

184

Валентин Петрович Катаев зашел в парикмахерскую Дома литераторов.

Увидев писателя, парикмахер Моисей поинтересовался:

— Говорят, вы были в Ватикане… В соборе, где служил папа… И вам пришлось вставать на колени?

— Нет, я просто опустил — ответил Катаев.

— И что вам на это сказал папа? — любопытствовал Моисей.

— Он ничего не оказал. Он спросил.

— И о чем же он спросил?

— Он спросил: кто вас так плохо стриг?!..

185

Обращали ли вы внимание на то, что натура человека всегда так или иначе «рифмуется» с теми случаями из его жизни, в центре которых он оказывался не просто сам, но и те, с кем дружит или близко знаком. Во всяком случае это подтверждают те жизненные коллизии, о которых рассказывал Иван Фотиевич Стаднюк.

В частности, эпизод с розыгрышем самого Ивана Фотиевича, учиненный его друзьями по случаю якобы присуждения ему Нобелевской премии за роман «Люди не ангелы».

Напомню тем, кто читал роман, и сообщу тем, кто еще, может быть, прочтет его, что он был опубликован в декабрьской книжке журнала «Нева» за 1962 год. Его тут же перевели в ряде европейских стран, поскольку тамошних издателей привлекала в романе та жизненная и художественная правда, с какой впервые в отечественной литературе рассказывалось о жизни деревни тридцатых годов на примере украинского села Кохановки. Правдой этой были голод 1932 года, насильственная коллективизация, преступное раскулачивание крестьян-середняков и разгул своеволия начальства в ГУЛАГах, репрессии среди руководства металлургического комбината и его подневольных строителей…

Так вот этот роман и стал предметом розыгрыша. Начал его Михаил Николаевич Алексеев, работавший в журнале «Огонек» заместителем главного редактора.

Он позвонил Стаднюку и сообщил, что по «белому ТАССу» прошла информация из Швеции, что советскому писателю Ивану Ф.Стаднюку присуждена Нобелевская премия за роман «Святых людей нет».

Не поверил Стаднюк другу. Но в душе было посеяно сомнение. Смутило неточно переведенное название, да еще на английский манер имя автора — «Ивану Ф.Стаднюку».

Между тем Алексеев не успокаивался:

— Иван, что ты будешь делать с такой кучей денег?

— Отдам половину тебе.

— Да ты, чую, не веришь. Приезжай в «Огонек» и сам взгляни на сообщение, — предложил Алексеев.

— Если ты меня разыгрываешь, месть будет еще более жестокой…

И тут же Стаднюк сказал, что непременно приедет в редакцию.

— Но меня уже не будет: еду за Поповкиным. Будем обедать

либо в «Украине», либо в Доме литераторов. Захочешь — найдешь. А сообщение для тебя я оставлю у секретаря редакции Анны Алексеевны…

Каково же было удивление, когда он распечатал конверт и увидел на официальном тассовском бланке жирными буквами напечатанную информацию о присуждении ему Нобелевской премии…

И все же что-то мешало окончательно поверить в то, что видели глаза. А вдруг это не розыгрыш друга, а ошибка корреспондента английской газеты «Санди тайме»?! Тогда немедленно в ЦК, советоваться, как вести себя. В памяти была история с премией Борису Леонидовичу Пастернаку за роман «Доктор Живаго»…

Он взял такси и помчался в Дом литераторов.

Но там ни Поповкина, бывшего в то время главным редактором журнала «Москва», ни Алексеева. Встретил Сергея Сергеевича Смирнова и попросил взглянуть на содержимое конверта.

Прочитав тассовскую телеграмму, Смирнов просиял:

— Ай да, Ваня! Ну, поздравляю!

— Да ты всмотрись в бланк! Может подделка?! — попросил Иван Фотиевич своего старого фронтового товарища.

После внимательного «изучения» бланка Смирнов раздумчиво произнес:

— Вроде бы все по форме…

— Только ты, Сережа, никому об этом…

— Ну, о чем речь…

Стаднюк вспоминал:

— Не успел я, видимо, доехать до Украины, как Дом литераторов уже гудел, обсуждая неслыханную новость. За Смирновым подобные шутки водились…

Между тем Стаднюк увидел в ресторане Алексеева и Поповкина. Они о чем-то оживленно беседовали. Заметив Стаднюка, тут же принялись за еду. «Разыграли!» — подумал Иван Фотиевич. Подойдя к столу, нарочито снисходительно бросил им:

— С Нобелевским приветом! — И уже сев за стол: — А ведь за такие шутки, хлопцы, можно привлечь к суду.

— Ты лучше покажи Евгению Ефимовичу бланк с сообщением, — прервал его Михаил Алексеев.

Поповкин подержал в руках бланк и вернул:

— Все правильно. Без подвоха. Я видел такой же у Сергеева-Ценского, когда его выдвигали за «Севастопольскую страду». Но не дали старику. И тебе могут показать кукиш. С них станется!

Когда он в деталях описал муки старика Ценского, Иван Стаднюк вроде успокоился: «Не, так не разыгрывают».

И тут он вспомнил о своем товарище, общем знакомом — литературоведе Юрии Яковлевиче Барабаше, который к тому времени работал в ЦК КПСС заведующим сектором литературы. Уж кто-кто, а он-то должен все знать по правде.

Улучив момент, Стаднюк вышел в вестибюль и позвонил Барабашу по телефону.

— Да, мы все знаем, — спокойно ответил Юрий Яковлевич. — Только не знаем, что тебе на сей счет посоветовать. Пока поздравляю, а вечером я тебе непременно позвоню…

Прошла суббота. Воскресенье. В душе — переполох. Как-никак, а Нобелевский лауреат. А деньги — землякам, на нужды колхоза.

И вдруг вечером звонок. Бодрым голосом Барабаш интересуется:

— Ну как себя чувствуешь, Нобелевский лауреат?

— Привыкаю вроде бы…

И тут же отрезвляющий совет:

— Придется отвыкать.

— Почему?

— Да потому, Иван Фотиевич, что тебя разыграли… Подожди, подожди… Про ПК я тоже тебе врал, выручая Алексеева, который опередил тебя своим звонком…

— А тассовский бланк откуда?

— Опять же Алексеев через копирку допечатал на полупустом бланке.

И Иван Фотиевич решил отомстить.

Но это уже другая история…

186

Юрий Александрович Виноградов рассказал, как в самом начале своей писательской жизни замыслил написать книгу о прекрасном сапере, мастере своего дела — инженере-подполковнике Борисе Константиновиче Алексютовиче, на счету которого значилось обезвреженными 1696 мин.

Чтобы увидеть инженера-подполковника в деле, напросился с ним на очередное разминирование. Тот не хотел его брать, но Виноградову удалось настоять на своем.

И вот они на берегу моря.

На песке лежала мина, похожая на огромную чугунную плиту.

Подернута водорослевой краской.

— Там, наверное, часовой механизм? — спросил Виноградов.

— А ты послушай, — отозвался Борис Константинович.

Виноградов наклонился над миной, прислушался.

— Вроде бы ничего нет!

— Обними ее, как девку, — подсказал Борис Константинович.

— Я женат.

— Ну, тогда, как жену.

Прижавшись щекой к плите, Виноградов уловил ход часового механизма. Часы шли.

— Бежим? — вскочил он.

— Беги, — спокойно ответил Борис Константинович.

Потом он размеренно подошел к огромному чудовищу и начал свою работу.

И только закончив разминирование, поглядел на Виноградова. Что уж он прочитал на его лице, не ведомо, но сказал:

— Ты только дома не говори об этом…

Потом отвинтил крышку термоса и налил в нее чай. Протянул Виноградову. Тот отпил и скривился:

— Большей мерзости никогда не пивал.

— Так это же «Арарат».

— Что за арарат? — поинтересовался Виноградов.

— Ты что же, никогда коньяк «Арарат» не пробовал?

— Я вообще не пью, — ответил Виноградов…

А спустя несколько дней Виноградову позвонил Алексютович и сказал что предстоит новая работа. После паузы спросил:

— Пойдешь?

— Пойду! — тут же ответил Виноградов.

— Ну, ты молодец! — послышался голос Бориса Константиновича.

И уже после паузы с долей иронии тот добавил:
— Наверно, понравился мой «чай»?!..

187

Возглавив Новый Московский театр миниатюр, Владимир Соломонович Поляков активно начал собирать авторский актив. В частности, обратился он и к Юрию Карловичу Олеше.

Пришел к нему с двумя бутылками кефира.

— За кого вы меня принимаете? — удивился Юрий Карлович. — Я не пью кефир с семнадцатого года.

— А я, — сказал ему Поляков, — и не собираюсь напоминать вам о прошлом. Просто хочу обеспечить вас питательным напитком на срок, когда вы не будете выходить из дома.

— Вы что, арестовываете меня?

— Да, Юрий Карлович. Во имя наших добрых отношений прошу вас написать пьесу для нашего театра. Тем более вы обещали…

— Я не отрицаю, что обещал. Но не могу писать пьесу, когда ничего не имею в голове…

— Вашу голову, Юрий Карлович, я знаю. Вы просто на нее клевещете. Итак, прошу вас во имя нашей дружбы.

Олеша подозрительно глянул в глаза Полякову:

— Вы верите в дружбу?

Услышав утвердительный ответ, спросил:

— Может, тогда и написать пьесу о дружбе?

— Конечно!

— Вы думаете, что уже поймали меня. Ничего подобного. Не мучайте меня. Вы же видите, у меня над головой нимб, как у великомученика. Нимб!..

Он сделал паузу и уже другим тоном продолжил:

— Слушайте, Володя! Это уже интересно. Представляете: в ресторан входит старичок с нимбом. К нему подходит официантка и спрашивает: «Вам сколько граммов?» Он говорит: «Не больше двадцати пяти». Она удивлена: «Вы что, святой?» Он отвечает: «Да». И это правда. Он же Бог. Может, так и начать?!

188

Известно, каким выдумщиком на розыгрыши был в свое время Никита Владимирович Богословский, известный советский композитор, автор классических песен «Шаланды полные кефали», «Спят курганы темные». «Темная ночь», «Давно не бывал я в Донбассе».

Одни из разыгранных им товарищей относились к этому с юмором, с доброй иронией. Другие обижались, сердились, расстраивались. Об одном из таких розыгрышей композитора хочу рассказать.

Произошло это с писателем-сатириком Борисом Савельевичем Ласкиным, который вместе с Володей Поляковым написали сценарий фильма «Девушка с гитарой» а с Никитой Богословским песню «Спят курганы темные».

Однажды в «Вечерней Москве» было напечатано: «На загадку: что такое два конца, два кольца, посредине гвоздик, прислали правильный ответ /ножницы/ следующие товарищи: октябренок Семенов Т.П., пионерка Левушкина К.Т., домохозяйка Баш А.П., писатель Ласкин Б.С. Редакция поздравляет товарищей».

Возмущенный Борис Ласкин примчался в «Вечорку» и с порога кабинета редактора произнес, обращаясь к секретарю:

— К чему этот розыгрыш? Еще и напечатали «писатель»…

Секретарь редакции тихо произнес:

— Так вы же сами об этом попросили…

— Я? Попросил? С чего это вы взяли?

— А вот ваше письмо.

Ласкин выхватил листок и прочитал: «Ответ — ножницы. Очень прошу поместить в списке правильно ответивших мою фамилию, инициалы и то, что я писатель. Вам это ничего не стоит, а мне приятно».

— Смотрите, — показал секретарь, — это же ваша подпись, Борис Савельевич?

— Подделка… Никиты Богословского…

189

Василий Петрович Росляков однажды навестил в Переделкино Павла Филипповича Нилина. Его дача была рядом с дачей Петра Александровича Сажина, они считались старинными друзьями. Как правило, увидев где-нибудь в собрании Нилина можно было тут же отыскать и Петра Александровича…

— А тут вижу, что между ними вроде кошка пробежала, рассказывал Василий Петрович. — Сажин вдали на участке согнулся под кустом смородины. Даже не глядит в нашу сторону. Спрашиваю: «Павел Филиппович, вы что, поссорились с Петром Александровичем?» «Да нет… Правда, ваще, видишь ему гараж уже под крышу подвели, а мне только котлован вырыли…» «А чего тогда разбежались?» Нилин не ответил.

Тут Василий Петрович позвал Петра Александровича.

Тот подошел, поздоровался с Росляковым и снова склонился под каким-то кустом, как бы выщипывая траву из-под него.

— А вы что, не разговариваете, что ли? — спросил Росляков у Павла Филипповича.

— Да нет вроде, — ответил тот, — разговариваем… Правда, последнее время я все больше разговариваю с их собачкой Томкой. Намедни спрашиваю: «Ну, как, Томка, жизнь?» А собачка мне в ответ «Ваще, тяжко. Последнее время мы с хозяином, ваще, философский роман пишем… из жизни феллахов».

Тут Сажин не выдержал, распрямился:

— Вы все ерничаете, Павел Филиппович!? Я же вам много раз говорил, что вернулся из Севастополя, привез несколько ящиков документов, пишу «Севастопольскую хронику».

— Ваще, может ты и пишешь, — спокойно отреагировал Павел Филиппович, — а вот Томка, ваще, говорит — из жизни феллахов…

190

Владимир Алексеевич Солоухин записал свой разговор со старообрядцем.

— Павел Михайлович, а что же вы с церковью-то никак не поладите? Бог у вас один, Христос один…

— Нет, Лексеич, нам с ними никак нельзя.

— Почему же?

— Сам посуди: мы говорим и пишем Исус, а они уж Иисус… Так куды нам с ними!..

191

Писатель Дмитрий Валентинович Евдокимов рассказал, как однажды к нему в кабинет, а был он тогда главным редактором издательства «Московский рабочий», пришла главбух издательства и тихо проговорила:

— Дмитрий Валентинович, не слишком ли вы завышаете гонорар этому писателю?

Речь шла о каком-то периферийном авторе.

— А что вас смущает? — глянул на нее Евдокимов.

— Смущают расценки. Мы таких гонораров своим авторам не выплачивали.

— Но ведь речь-то идет не о служебной и не о специальной литературе, а о художественной.

— Тем более, — подхватила главный бухгалтер. — Что тут особенного? Автор что хочет, то и пишет.

Дмитрий Валентинович спокойно сказал:

— Печатный лист — это двадцать четыре машинописных страницы. Тридцать строк, в строке шестьдесят знаков. Вот вы попробуйте разлинуйте эти страницы и на каждой строке просто пишите какое-нибудь слово или набор из нескольких слов, типа «дурак, дурак, дурак», или «я тебя люблю». И так по тридцать строк на каждой странице из двадцати четырех. А ведь писатель помимо всего прочего не просто заполняет страницы, а еще и подолгу выискивает необходимые слова, изводит ради одной страницы десятки страниц.

Подумав, главный бухгалтер заметила: — Пожалуй, вы правы…

192

Иван Стаднюк не долго ждал возможности отомстить Михаилу Алексееву за розыгрыш с Нобелевским лауреатством.

Николай Матвеевич Грибачев, известный поэт, главный редактор журнала «Советский Союз» пригласил друзей на рыбалку на родную Брянщину. Согласились. Стаднюк поехал тут же с Грибачевым, а Алексеев обещал приехать вскорости, поскольку в Москве задерживали дела. Правда, попросил дать ему телеграмму, если рыбалка будет удачной.

В Брянске к Грибачеву и Стаднюку присоединился местный поэт Иван Швец.

И вот они в поселке Усух. Расположились в деревенской избе. Рыба ловилась плохо. Тем не менее Стаднюк пошел на почту и отправил Алексееву такую телеграмму: «Приезжай немедленно. Клев бешеный. Нет соли. Страдают местные рыбаки тоже. Привези как можно больше».

На другой день почтальон принес телеграмму из Москвы: «Приезжаем с Сережей Смирновым. Встречайте». Речь шла о поэте Сергее Васильевиче Смирнове — тоже заядлом рыболове.

Сказано — сделано.

В назначенное время на райкомовском газике они с Грибачевым приехали встречать друзей.

Поезд в Суземах стоит всего лишь две минуты.

И вот в дверях вагона появились Алексеев и Смирнов с двумя объемными чемоданами.

— Соль привезли? — первым делом опросил Стаднюк, когда поезд остановился.

— А как же, привезли, — из тамбура крикнул Алексеев.

— Будь она проклята! — в сердцах добавил Смирнов. — Надорвались пока втянули в вагон…

После устройства вновь прибывших в обжитой Грибачевым со товарищи избе все вместе отправились в сельпо.

Магазин разместился в бывшем амбаре. В нем ничего не было, кроме водки, черного хлеба и каких-то консервов. Но зато на полу, начиная от порога и до самого потолка, высилась гора соли. Алексеев не обратил внимания на гору и попросил отпустить ему водки и хлеба.

Подойдя к нему, Иван Стаднюк толкнул его на соль, он упал на эту гору. И оглядевшись, понял, что лежит на соли. А товарищи его хохотом от души даже испугали продавщицу: в своем ли уме эти здоровые дядьки…

193

Николай Иванович Никандров долгие годы был связан с Союзом писателей как куратор этой организации по линии Комитета госбезопасности. И потому не раз и не два делился интересными случаями, происходившими с ним при встречах с известными литераторами. Вот один из таких случаев.

В скором поезде Москва-Ташкент в вагоне-ресторане он сидел за столиком с Евгением Ароновичем Долматовским, которого мы знаем по песням «Любимый город», «Все стало вокруг голубым и зеленым», «Случайный вальс», «Сормовская лирическая» и многим другим. О своей комсомольской юности он рассказал в романе в стихах «Добровольцы». Он ведь тоже был среди добровольцев-комсомольцев, которые строили Московское метро.

Евгений Аронович рассказывал Никандрову про эпизод из жизни Константина Георгиевича Паустовского, который доживал последние дни на нашей грешной земле.

И вот умирающий Паустовский попросил домработницу вынуть из мешка непрочитанных писем, что лежит на антресолях, любое наудачу и подать ему.

Он распечатал конверт и стал читать: «Вы плохой писатель, не соответствуете в своем творчестве методу социалистического реализма. И вообще от вас толку нет — сплошная болтовня».

Константин Георгиевич смотрит на конверт: «Рязань, Солженицину» и горько вздыхает:

— И этот хлопочет о соцреализме… А ведь я за Солженицына заступался…

194

Во время встречи с молодыми литераторами в Дубултах Виктор Борисович Шкловский много говорил о роли книги в жизни писателя.

— Не верьте, — повторял он, — что занятие книжным чтением мешает писателю самовыражаться. Напротив, она, книга, создает прекрасный климат для самовыражения, для обогащения души и разума.

И в качестве примера привел историю из своего личного опыта, когда он осознал важность книги в жизни человека вообще…

Ему понадобились сведения о литературном окружении великого русского живописца Павла Андреевича Федотова, автора таких известных полотен, как «Сватовство майора», «Вдовушка», «Анкор, еще анкор» и других.

Он обращался ко многим известным искусствоведам, ученым мужам, но никто из них не мог удовлетворить просьбу Шкловского.

И тут он вспомнил об одном знакомом библиофиле, страстном любителе книг. Именно он и ответил Виктору Борисовичу на все интересовавшие того вопросы.

— Тогда я ему сказал, что звонил многим в Москве, но никто, кроме вас, не мог мне поведать о друзьях-товарищах Павла Андреевича. Теперь я вижу, что не только вы собирали книги, но и книги собирали вас…

195

Писательница и переводчица Татьяна Львовна Щепкина-Куперник вспоминала, что учась в киевской гимназии, очень любила слушать, как люди нецензурно выражают свои мысли и чувства.

Об этом узнал ее знакомый корнет, ухаживавший за юной гимназисткой. Однажды, гуляя, он сказал:

— Танечка! Вы знаете, есть на пристани один грузчик. Он так великолепно изъясняется бранными словами, что невозможно его не заслушаться. У него это выходит поэтически вдохновенно. Не хотите ли послушать?

Татьяна Львовна охотно согласилась.

И вот они спустились к пристани на Днепре.

Корнет отыскал среди обедающих рабочих «поэта», попросил его подойти к барышне и протянув ему целковый, сказал:

— Слушай, голубчик. Вот барышня желает удостовериться, как прекрасно ты умеешь выражаться. Покажи-ка, пожалуйста, на что ты способен.

Мужик почесал затылок. Повертел в руке целковый. Вновь почесал затылок. И, возвращая деньги корнету, сказал:

— Извините, барин. За деньги ругаться не могу…

196

Однажды на званом обеде у императрицы Марии Федоровны в Павловске Крылов Иван Андреевич оказался рядом с Василием Андреевичем Жуковским.

Крылов, любивший по обыкновению своему сытно поесть, не отказывался ни от одного блюда.

— Да откажись хоть раз, Иван Андреевич, — шепнул ему Жуковский.

— Зачем это?

— Дай императрице возможность попотчевать тебя.

— А ну как не попотчует! — ответил Крылов и с еще большим усердием взялся за еду…

Нередко после посещения таких обедов окружающие обращались к Ивану Андреевичу со словами зависти, что он побывал у знатных особ, попробовал всевозможных разносолов, которые готовили царские повара.

На это Иван Андреевич откликался довольно солидной тирадой:

— Что царские повара! С обедов этих никогда сытым не возвращался Я ведь тоже так думал: закормят во дворце. Первый раз поехал и не стал дома ужинать. А вышло что? Убранство, сервировка — это действительно красота. Сели за стол. Суп подают. А на донышке зелень какая-то, морковка и все на мели стоит, потому как супу-то самого только лужица. Ей Богу, пять ложек всего набрал. Сомнение взяло: может, нашего брата писателя лакеи обносят? Смотрю — нет, у всех такое же мелководье. А пирожки? Не больше грецкого ореха. Захватил я два, а камер-лакей уж удирать норовит. Попридержал я его за пуговицу и еще парочку снял. А потом дошли до рыбы. Рыба хорошая — форель. За рыбой пошли французские финтифлюшки. Как бы горошек опрокинутый, студнем облицованный, а внутри и зелень, и дичи кусочки, и трюфелей обрезочки — всякие остаточки. На вкус недурно. Хочу второй горшочек взять, а блюдо-то уже далеко. Что же это, думаю, такое? Здесь только пробовать дают? Добрались до индейки. Не плошай, Иван Андреевич, здесь мы отыграемся. Подносят. Хотите верьте или нет — только ножки и крылушки на маленькие кусочки обхромленные лежат, а самая-то птица под ними припрятана, и неразрезанная пребывает. Хороши молодчики! Взял я ножку, обглодал и положил на тарелку. Смотрю кругом. У всех по косточке на тарелке. Пустыня пустыней. Припомнился Пушкин покойный: «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?» И

стало мне грустно-грустно, что чуть слеза не прошибла… А тут вижу — царица-матушка печаль мою подметила и что-то главному лакею говорит и на меня указывает… И что же? Второй раз мне индейку принесли. Низкий поклон я царице отвесил — ведь жалованная. Хочу брать, а птица так нерезанная и лежит. Нет, брат, шалишь — меня не проведешь: вот так нарежь и сюда принеси, говорю камер-лакею. Так вот фунтик питательного и заполучал. А все кругом смотрят — завидуют. А индейка-то совсем захудалая, благородной дородности никакой, жарили спозаранку и к обеду, изверги, подогрели!

А сладкое? Стыдно сказать… Пол-апельсина! Нутро природное вынуто, а взамен желе с вареньем набито. Со злости с кожей я его и съел! Плохо царей наших кормят — надувательство кругом. А вина льют без конца. Только что выпьешь, — смотришь, опять рюмка стоит полная. А почему? Потому что придворная челядь потом их распивает.

Возвращаюсь домой голодный-преголодный. Как быть? Прислугу отпустил, ничего не припасено… Пришлось в ресторацию ехать. А теперь, когда там обедать приходится, ждет меня дома всегда ужин. Приедешь со званого обеда, выпьешь рюмочку водки, как будто вовсе и не обедал…

197

С Григорием Ивановичем Коноваловым мы встречались почти всегда, когда он приезжал из Саратова в Москву.

Так было и на сей раз. Он позвонил мне и сказал, что остановился в гостинице «Москва» в своем номере, куда приглашает меня.

Через час я был в гостинице.

Постучался в нужный номер.

Открылась дверь. В дверях Григорий Иванович. В трикотажном синем костюме, в клетчатых тапочках.

Улыбается:

— В избу-то проходи… Кофейку похлебаем.

— Все играешься, Григорий Иванович?

— Потому и живу…

И вот мы за столом.

Беседуем.

И неожиданно он говорит:

— А я ведь уже больше не секретарь.

— Это почему же?

Помолчав, Григорий Иванович в типичной для себя ироничной манере сказал:

— Да не так выступил. А надо было так.

— Где и как?

— Намедни у Прокушева в издательстве «Современник» было заседание редсовета. Был и я. Сидел, слушал. А тут Юрий Львович возьми и обратись ко мне: «Может, выступишь, Григорий Иванович?!» А я чего ж, и выступлю. Встал и говорю: «Народ пережил свое правительство». И все… Теперича я не секретарь. Не так, говорят, выступил. А надо было так…

198

Известный драматург Леонид Антонович Малюгин, автор пьесы «Старые друзья» и сценариев к кинофильмам «Поезд идет на восток», «Доброе утро», рассказывал, как во время войны он встретил Евгения Львовича Шварца в Москве и предложил тому вместе пойти в Комитет по делам искусств, чтобы узнать, почему задерживают разрешение на постановку пьесы Евгения Львовича «Одна ночь». Правда, не дожидаясь этого разрешения, пьесу уже репетировали в Ленинградском Большом драматическом театре им. А.М.Горького, где Малюгин работал заведующим литературной частью.

В комитете их принял театральный начальник и долго рассказывал о блокаде Ленинграда. Потом заявил, что пьеса о блокаде должна быть исполнена в жанре монументальной эпопеи, не так, как написана «Одна ночь». В ней, говорил он, нет героического начала, герои пьесы люди обычные, маленькие. Да и сам мир этих людей, как и «шутки в условиях осажденного города» товарища Шварца вряд ли кому интересны.

— Я возражал, — вспоминал Малюгин. — Но начальник не внял моим возражениям. Вернул пьесу Шварца. Мне же дал другую со словами: «Вот как надо писать», обязательно обратитесь к ней…

Когда вышли из Комитета, Леонид Антонович спросил: — А чего же вы молчали, Евгений Львович?

— Спорить с ним все равно, что с репродуктором. Сколько ему не говорите, он все равно будет продолжать свое. И обратите внимание, он нам рассказывал о Блокаде Ленинграда, словно мы ее не нюхали, а приехали из Калифорнии.

Потом неожиданно спросил:

— Леонид Антонович, если не секрет, что за пьесу он вам рекомендовал? Покажите-ка образец, по которому нам следует равняться?!

Пьеса называлась «Власть тьмы».

— Это что же, пьеса Льва Николаевича Толстого?

— Да нет. Автор другой.

Под одноименным названием скрывалась «поделка» ремесленника о захвате Ясной Поляны немцами. Открывалась пьеса списком «действующих лиц» и «действующих вещей», среди которых были халат Толстого, его же туфли и тому подобное.

— Это же находка! — улыбнулся Шварц. — А не написать ли мне пьесу об Иване Грозном под названием «Дядя Ваня»?!..

199

Почти два десятилетия просуществовал творческий семинар молодых армейских писателей в Дубултах, который был создан совместным решением Союза писателей России и Главным политическим управлением Советской Армии. Через него прошли десятки талантливых ребят в погонах, ставших позднее профессиональными писателями и поэтами. Руководили семинарами многие известные мастера, среди которых Павел Нилин и Егор Исаев, Ольга Кожухова и Михаил Годенко, Николай Евдокимов и Василий Росляков, Николай Кузьмин и Виктор Гончаров. Выпало и мне быть среди них.

В 1974 году я оказался в Дубултах и руководил семинаром молодых прозаиков вместе с Михаилом Макаровичем Колосовым. Он был известен как автор таких добрых и мужественных повестей «Карповы эпопеи», «Три круга войны», «Бахмутский шлях». К тому же был первым заместителем главного редактора «Литературной России». О многом услышали из его уст наши семинаристы. Что же касается нашего «педагогического» опыта, то каждый из нас, конечно же, по-своему оценивал обсуждаемую рукопись того или иного семинариста. Нередко мне казалось, что Михаил Макарович как-то уж больно по-доброму, даже снисходительно относился к тому или иному слабому сочинению.

Однажды все-таки не вытерпел и открыто сказал ему об этом:

— Ведь сам же понимаешь, что вещь не стоит поддержки.

Колосов поглядел на меня как-то пристально-внимательно и спокойно ответил:

— Ну отчего же. Там что-то все же есть. Разве плохо написано, как в печке потрескивали дрова?!..

Помолчал. Продолжил:

— Ты в самом деле уверен, что наши с тобой заключения что-либо решат в судьбе человека, взявшегося за перо?! Жизнь все расставит по своим местам. Обязательно. А сюда он приехал поучиться. Приглядеться, послушать. Зачем же его огорчать всем вместе?..

200

Критик Николай Михайлович Сергованцев рассказал, что в середине шестидесятых годов, когда он работал в редакции журнала «Октябрь», как-то вызвал его в кабинет главный редактор журнала Кочетов Всеволод Анисимович.

— Только я появился на пороге, Кочетов спросил: «Коля, а как ты относишься к онученосцам?» Я удивился: «А кто это такие?» «Как это кто? Алексеев с его „Вишневым омутом“ и Стаднюк со своими „Людьми“, которые „не ангелы“.

И тут же, не дожидаясь моего «отношения», предложил мне: «Напиши-ка о них статью».

Я знал, что Кочетов не очень-то по-доброму относился не только к крестьянам, хотя и начинал свой путь в большую литературу с романа «Товарищ агроном», поскольку сам был причастен к этой профессии и некоторое время работал агрономом. Не очень-то принимал он и сочинения своих собратьев по перу, в которых те «плакались» по деревне.

Долго мучился я. Понимал: если они — «онученосцы», то, стало быть, статья должна быть не просто критической, а в целом отрицательной в оценке нравившихся мне романов «Вишневый омут» Михаила Алексеева и «Люди не ангелы» Ивана Стаднюка. Нет, не по мне эта задача: лукавить не мог и не хотел.

А потому спустя некоторое время пришел к Кочетову и сказал:

— Извините, Всеволод Анисимович, но я не смогу написать про онученоспев.

Он глянул на меня и молча согласился: «Живи, мышь!»

201

Как-то в доме литераторов, в буфете появился Михаил Исаакович Рудерман, прославившийся песней про «Тачанку». Помните?

Эх, тачанка, ростовчанка,
Наша гордость и краса.
Конармейская тачанка,
Все четыре колеса.

Он медленно шел мимо столиков, за которыми бражничали братья-писатели.

Сидевший в компании молодых литераторов Михаил Аркадьевич Светлов обратил внимание на проходившего Рудермана:

— Вот идет совесть нашей литературы.

Удивленным товарищам пояснил:

— Другой бы на его месте на своей «Тачанке» далеко бы умчался, а он…

И не закончив, предложил тост за здоровье Михаила Рудермана…

202

В краткой автобиографии, предпосланной «Собранию сочинений в 6 томах» Корней Иванович Чуковский писал: «Я родился в Петербурге в 1882 году, после чего мой отец, петербургский студент, покинул мою мать, крестьянку Полтавской губернии; она с двумя детьми переехала на житье в Одессу».

Настоящая фамилия его была Корнейчуков Николай Васильевич. Проучившись пять лет в Одесской гимназии, он, исключенный из нее, вынужден был идти «в люди», то есть самостоятельно зарабатывать на жизнь, помогать матери.

Впервые выступил в печати в 1901 году в газете «Одесские новости» как ее собственный корреспондент в Лондоне.

Вернувшись в Россию, много сил отдает утверждению своего имени в литературе. Оказался в Петербурге, где вошел в круг известных литераторов. Его молодость не всем приходилась по душе. Иногда она служила поводом для дружеских шуток.

В частности, Александр Иванович Куприн говорил:

— Чуковский скоро празднует двадцатипятилетие своего семнадцатилетия.

203

Не помню кто из близких друзей Эммануила Генриховича Казакевича, автора негасимой «Звезды» в советской литературе, вспоминая о нем, сказал, что при всей своей внешней строгости это был веселый, а иногда и озорной человек, любивший розыгрыши и мистификации, писавший экспромтами эпиграммы и пародии.

Так вот однажды они с женой сидели в первых рядах Большого театра на балете с участием Галины Сергеевны Улановой. Естественно, что места рядом занимала изысканная публика.

После окончания спектакля долгими аплодисментами люди не отпускали великую балерину со сцены.

Улучив момент, когда аплодисменты стихли, чтобы вспыхнуть вновь, Эммануил Генрихович нарочито громко обратился к жене:

— Галя, а может останемся на второй сеанс?!..

Встретившись как-то с молодыми поэтами-земляками в Смоленске, Александр Трифонович Твардовский разоткровенничался:

— Вот многие из вас и сегодня думают поехать в Москву. Там де они, наконец-то, получат признание. Это тут их не понимают, а потому не очень-то печатают их нетленные строчки…

Примерно так думал и я, — продолжал Твардовский, — когда в 1929 году отправился в Москву за славой. Виноват был Михаил Светлов. Это он пробудил надежду на скорый успех и признание, напечатав в журнале «Октябрь», где он заведовал поэзией, несколько моих стихотворений.

А Москва-то не ждала неведомого ей Твардовского.

И начал он ходить по редакциям. И ночевать по разным углам.

Редакции отваживали его отказами.

— Случилось таи, что кое-кого из тех, кто отказывал, я запомнил, — говорил Александр Трифонович. — Помню пришел в «Московский комсомолец», в отдел литературы. А там невысокий, похожий на кузнечика своими тонкими ножками, Осип Мандельштам. Пробежал глазами по стихам и что-то начал возбужденно и жестикулируя, говорить мне. Не поняв его, я потихоньку забрал свою тетрадку и ушел.

Потом я оказался в журнале «Новый мир» и передал стих редактору Вячеславу Полонскому. Меня попросили прийти через несколько дней. Так и поступил. Но в редакцию не пустили: какая-то девица протянула мне мои стихи через окошко. Но я уже вроде бы осмелел от этих отказов. Говорю девице: «Мне надо к редактору». Девица пошла докладывать. Вернулась и сказала: «Пройдите».

Войдя в кабинет, увидел там седого-седого, носатого человека. Это и был Полонский. Что он ответил на мое приветствие, не помню, а вот другие его слова запомнил, потому что и самому сейчас приходится произносить, адресуя некоторым посетителям.

«Ну, как там у вас на Смоленщине? Интересуются литературой?»

И отпустил меня с Богом…

Вспомнил Александр Трифонович и своего будущего друга Вашенцева Сергея Ивановича, возглавлявшего в шестидесятые годы кафедру Творчества в Литературном институте имени А.М.Горького. А тогда, в двадцатые, Сергей Иванович был

ответственным секретарем в журнале «Прожектор». Он приветливо встречал Твардовского, хвалил его стихи, но ни одного не напечатал.

Позже, когда Твардовский вспоминал тому про такое к себе отношение, Вашенцев улыбался:

— Видишь, я был прав, что тебя выдерживал. Не хотел испортить. Знал, что из тебя непременно выйдет толк…

И все-таки в Москве нашелся добрый человек, который напечатал его стихи. Это был Ефим Зозуля в «Огоньке».

— Его теперь забыли, а ведь он всю жизнь писал книгу «1000 рассказов». Почему тысячу, а не девятьсот восемьдесят семь? Был он человеком с маленькой головкой и расширяющимся книзу туловищем.

Был с виду грозен, а на самом деле добр. На войну ушел добровольно, сражался в ополчении и погиб.

Так вот он, Ефим Зозуля, прочитал мои стихи и напечатал по одному в «Огоньке» и в «Прожекторе»…

Но дальше так утверждаться в Москве было невмоготу. И получилось, что за славой сюда я приехал слишком рано. Пришлось возвращаться в Смоленск.

Москва принимает тех, кто чего-то из себя представляет.

Мне надо было написать «Страну Муравию», чтобы она приняла меня..

205

С детским поэтом Валентином Дмитриевичем Берестовым мы оказались в Смоленске на семинаре молодых литераторов. Он рассказал мне, что во время эвакуации в Ташкенте познакомился подростком с Корнеем Ивановичем Чуковским, которому решился показать тетрадку со своими первыми стихотворными опытами. Чуковский в свою очередь познакомил талантливого подростка с С.Маршаком, А.Толотым, А.Ахматовой.

Воспользовавшись случаем, спросил у Валентина Дмитриевича о Корнее Ивановиче Чуковском, о котором рассказывали самые разные вещи и судили о нем — по-разному.

— Корней Иванович, — услышал я, — был далеко не душечка, как то можно услышать. Его вкрадчивый голос иногда отпускал довольно-таки жесткие высказывания в адрес тех, кто пытался вызвать его на снисхождение к созданному ими лишь на том основании, что Чуковский относился к ним дружески, по-доброму.

Я сам был свидетелем его встречи с одной писательницей, которая считала его милейшим человеком. Он сказал ей: «Прочел в газете ваш последний рассказ». «И как вы его нашли?» — напрашиваясь на комплимент, спросила писательница.

Своим вкрадчивым голосом Корней Иванович ответил: «Ну до чего замечательно! Ну просто неповторимо! И знаете, чтобы не портить такого впечатления, я решил больше никогда не читать ваших рассказов…»

206

Поэт Шестинский Олег Николаевич будучи в очередной раз на благословенной для него болгарской земле, где он учился, где у него было много друзей-поэтов, стихи которых он переводил, оказался среди приглашенных как секретарь Союза писателей СССР на торжественное заседание в столичном театре. На заседании присутствовали руководители республики, знаменитые гости. А буквально накануне самого мероприятия пришлось в компании друзей изрядно испробовать ракии.

Оказавшись в президиуме заседания, он умиротворенно расслабился. И в этот момент председательствовавший предоставил ему слово. Олег Николаевич неловко заспешил, запнулся и неожиданно для себя упал.

«Ну; все! Конец! Ведь поймут, что я перебрал! Сразу же сообщат. А выводы будут жесточайшие!» — нечто подобное, видимо, пронеслось в голове поэта — секретаря Союза писателей.

Мысли действовали буквально отрезвляюще. Мозг импульсивно искал выход из создавшегося положения. И нашел-таки искомое.

Олег Николаевич поднялся на колени и воздев руки, громко и торжественно произнес:

— Целую тебя, благословенная земля, за все, что ты сделала для меня, за верное славянское братство, за исконную дружбу с нашей великой Россией.

И вновь опустил голову на пол сцены, имитируя поцелуй.

Эффект оказался потрясающим.

Зал в едином порыве встал и приветствовал посланца братского народа за столь потрясающе-неожиданную и эмоционально-пронзительную здравицу…

207

Во время выездного Пленума Союза писателей СССР в Ленинграде, посвященного 70-летию Великого Октября, кто-то из ленинградских писателей вспомнил про Маяковского. И не по случаю юбилейного торжества, а при упоминании об обостренном чувстве справедливости у поэта.

— Вот тут, недалеко, — говорил пожилой писатель, — на Невском, в семнадцатом году произошел такой эпизод. На возвышении стоила дама и ораторствовала по поводу того, что большевики продают Россию, что Ленин — немецкий шпион, что надо обязательно бить немцев и воевать с Германией до победного конца.

Вдруг сквозь небольшую толпу слушателей пробрался высокий парень и раскатистым голосом заявил:

— А. ну-ка, дамочка, отдавайте мой кошелек!

— Какой кошелек? Вы с ума что ли сошли?

— Ничего не знаю. Только вы сперли у меня кошелек. Товарищи! Она украла у меня кошелек.

— Безобразие! Как вы смеете? Я вас вообще первый раз вижу. Какие у вас доказательства?

— А такие же, как и у вас в отношении Ленина и большевиков, которых вы тоже в глаза не видели.

Дамочка поспешила убраться, а в след ей слышался громкий хохот толпы…

208

Писатель Лев Владимирович Никулин, автор романов «России верные сыны», «Московские зори», рассказал, как однажды он встретился в Одессе с Юрием Карловичем Олешей.

— Ну, как вам наш город? — обратился к нему Олеша.

Он упорно отказывал Льву Владимировичу в праве называть себя одесситом, поскольку тот всего три школьных года прожил в Одессе.

— Не правда ли, странный это город? — продолжал Олеша. — Поезд сюда почему-то приходит в четыре тридцать утра. Зверски тянет в сон. Ни трамваев, ни такси. Кое-как доберешься до гостиницы «Лондонская».

Горит всего одна лампочка.

За конторкой старик-портье, с которым мы давно знакомы. Но он делает вид, что меня не знает.

Говорю ему:

— Номер с ванной.

Он спрашивает:

— Броня есть?

— Брони нет. Какая еще броня?

— А раз брони нет и номера нет. Что мы будем с вами устраивать оперу?

— Да у вас, — настаивает Олеша, — половина номеров пустует. Вон ключи на доске.

— А, может быть, гости ушли на прогулку.

— Это в пять утра? В феврале?

Портье не сдается:

— Вы их учить будете?!.. Ну, хорошо. Нате вам ключ, товарищ Олеша. Вы надолго? Или как в прошлом году?

— Давайте ключ. Какого черта вы со мной резонились?

Портье со вздохом:

— Боже мой! Надо же понимать. Пять утра. Скука. Хочется поговорить с человеком…

— Вот что такое Одесса…

Юрий Карлович замолкает и потом спрашивает:

— Разве подобное вы встретите в Москве или в Ленинграде? И сам же отвечает:

— Ни за что…

209

В редакции прозы издательства «Молодая гвардия» услышал из уст одной из сотрудниц историю о том, как она, учась в сороковых годах в Воронежском университете, была назначена ответственной по линии комсомола за организацию встречи с кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР Александром Трифоновичем Твардовским.

Актовый зал украшен. Он полон студентами и преподавателями. В президиуме уважаемые профессора. Все ждут прихода знаменитого поэта. Ждут десять, пятнадцать, двадцать минут…

Спустя сорок минут он появился на сцене. Но не пошел за стол президиума, а сразу направился к трибуне. Зал взорвался аплодисментами.

Твардовский встал в трибуну, взялся за края и пережидал аплодисменты. Когда они стихли, он сказал:

— Не буду произносить никаких речей… Лучше я вам почитаю стихи…

Возникла продолжительная пауза. И зазвучал его голос:

— Переправа, переправа…

И снова пауза, после которой вновь прозвучало:

— Переправа, переправа…

Из зала послышалось многоголосое:

— Берег левый, берег правый…

А еще через некоторое время Твардовский сказал: «Переправы не получилось». И оторвавшись от трибуны, отправился со сцены…

210

Поэты Владимир Фирсов и Геннадий Серебряков, бывшие в ту пору членами редколлегии журнала «Молодая гвардия», отправились к секретарю ЦК ВЛКСМ для «лакировки» того раздела в докладе первого секретаря на комсомольском пленуме, который посвящен был проблемам литературы и искусства.

Они работали с утра до двух часов дня.

Глянув на часы, секретарь ЦК Матвеев заметил:

— А сейчас пообедаем…

Ребята приободрились.

Но оказались глубоко разочарованными, когда услышали из уст у Леонида Ивановича:

— И встретимся у меня ровно в три…

— Ну надо же, жмот какой, — возмущенно говорил Фирсов, спускаясь с Серебряковым в лифте на первый этаж, где находился буфет. — Мы ему столько налудили, а он даже бутылки пива не поставил.

Они взяли какие-то салатики, сосиски с горошком, по чашке кофе.

— Я еще дайте нам бутылочку коньяка, — сказал Фирсов.

За столиком он разлил коньяк по стаканам, шпили, закусили.

После перекура поднялись на секретарский этаж.

— Наш умелец пришел? — спросил Фирсов у дежурного.

— Не понял.

— Матвеев вернулся с обеда?

— Да, Леонид Иванович у себя.

Ровно в три поэты вошли в кабинет.

Все уселись за стол, чтобы продолжить «лакировку» доклада.

Неожиданно Фирсов обратил внимание, что Матвеев вроде бы принюхивается к нему.

Он откинулся на спинку стула и заметил:

— А чего вы принюхиваетесь, Леонид Иванович?! Вчерашнее…

211

Мастер устных рассказов Ираклий Лаурсабович Андронников не раз воспроизводил эпизод своей поездки в составе туристской группы писателей в Италию в 1962 году на конгресс Европейского сообщества писателей.

Запомнилась ему эта поездка прежде всего потому, что именно во время ее ему по-настоящему раскрылся Эммануил Генрихович Казакевич, который не только прекрасно ориентировался на незнакомой местности как бывший фронтовой разведчик, но и как душа компании, выдумщик и шутник.

Дабы развлечь товарищей во время продолжительной поездки на автобусе из Флоренции в Рим, он предложил игру в слова.

Суть игры заключалась в том, что каждый должен назвать такое слово, из которого можно было бы составить имя и фамилию. Например, Веневитинов: Веня Витинов, пенициллин — Пеня Целин и так далее.

Все дружно загорелись идеей.

Стали поочередно предлагать свои варианты подобных имен и фамилий. И только у Ираклия Лаурсабовича ничего не получалось.

К нему подошел Казакевич и заговорщицки спросил:

— Неужто, так ничего и не придумали? А я вас считал умным человеком. Позор!

— Конечно, — это была его шутка, — признавался Ираклий Лаурсабович. — И тем не менее мне было очень неловко.

— Ну хотите я поделюсь с вами своим словом… Вы выдадите за свое… Скажем, велосипед — Василиса Пед…

В Риме они остановились в одном номере. Андронников предложил Казакевичу прогуляться по ночному городу. Сказавшись усталым, Эммануил Генрихович остался в гостинице. По городу пошли гулять втроем — Сергей Антонов, Даниил Гранин и Андронников. Бродили часа три. Долго стояли у знаменитого Колизея…

Когда Андронников вернулся в гостиницу, он тихо, чтобы не разбудить соседа, открыл дверь в номер и так же тихо прикрыл ее.

И тут услышал четкий вопрос:

— Чего это вы так долго?

Андронников объяснил, с какими чувствами они оглядывали ночной Рим и посетовал, что Эммануила Генриховича не было с ними.

— Вам кто-нибудь встретился по дороге? — неожиданно

спросил Казакевич.

— Да, — ответил Андронников.

— И кто же?

— Коля Зеев.

Казакевич открыл глаза и поднявшись спросил:

— Сами придумали?

— Конечно. Кто же еще?!

— Я проверю, — предупредил Казакевич.

Потом спросил:

— Он был один?

Андронников ответил:

— Нет. С ним была целая рота Зеев.

Казакевич выдохнул и упал навзничь:

— Вы не можете представить себе, как я рад за вас! Я ведь просто страдал оттого, что вы в нашей игре оказались такой бездарностью!..

212

В канун десятого Всемирного фестиваля демократической молодежи и студентов в Берлине мы в «Молодой гвардии» опубликовали на обложке первое издание песни с названием нашего журнала. Над нотными строками значилось: «Перевод с немецкого А.Безыменского».

А вскоре стало известно, что Александр Ильич был очень огорчен этой публикацией, так как она напоминала о несправедливости первого издания. Не переводом с немецкого были слова песни, а оригинальным сочинением известного поэта.

И Александр Ильич сказал, что подобное переживание в жизни он испытал в Политехническом музее, где в очередной раз выступал Владимир Владимирович Маяковский.

Кто-то из публики прислал ему записку, которую, как и другие, Маяковский зачитал вслух: «Как вы относитесь к Безыменскому?»

— Очень хорошо, — ответил Маяковский. — Только недавно он огорчил меня плохим стихотворением. Особенно рифмой «свисток — серп и молоток».

Увидев в зале Александра Безыменского, он обратился к нему:

— Безыменский, а ну-ка прочитайте это стихотворение.

Пришлось Александру Ильичу встать и прочитать упомянутое стихотворение.

— Ну вот, видите! — сказал Маяковский. — Разве так пишут? А если у вас рифмовалась бы «пушка»? Выходило бы «серп и молотушко…»

213

Известный футболист Андрей Петрович Старостин, с которым меня по-соседски познакомил спортивный комментатор Николай Николаевич Озеров /Мы жили с Озеровыми в одном подъезде/ рассказал, как оказался за одним ресторанным столиком с Олешей и Шкваркиным.

Юрий Карлович не без иронии в свой адрес вспоминал, как в очередной раз «впав в нищету», послал телеграмму в Одессу, куда после успеха очередного спектакля по его пьесе отправился Василий Васильевич Шкваркин.

Нет, это, видимо, надо себе представить Василия Васильевича, который читает только что полученную телеграмму: «Поздравляю успехом вышли тысячу».

Юрий Карлович, отсмеявшись, подытожил:

— И что же думаете? На следующий день получаю ответную: «Спасибо выслал Шкваркин»…

214

Борис Михайлович Филиппов вспомнил как-то про остроту Николая Павловича Смирнова-Сокольского.

Во время челюскинской эпопеи, когда наши летчики спасали членов полярной экспедиции, встретились двое чиновников.

— Вы слыхали? — спросил один у другого.

— О чем?

— Шмидта сняли с льдины.

— Что вы говорите! И кого же назначили?..

215

Поэт Лев Адольфович Озеров вспоминал, как оказался со Светловым на поэтическом семинаре, работавшем в рамках Декады башкирской литературы в Москве.

Приступая к занятиям, Михаил Аркадьевич сказал:

— Мне предложили высказаться по поводу поэтического качества нескольких сборников стихов молодых авторов. Вот эти сборники передо мной. Охотно выполню предложение. Но прежде хочу спросить у вас: как будем разговаривать? По-декадному или по-деловому? Если по-декадному, то все вы гении и пойдемте в буфет, потому как здесь кроме минеральной воды нам ничего не подадут…

Переждав оживление аудитории, Светлов продолжил:

Ну, а если по-деловому, то речь пойдет всерьез и без скидок на молодость.

Семинар принял деловой характер обсуждения…

Известно, что первым, кто в Москве назвал Твардовского, уже автора «Страны Муравии», большим поэтом был Самуил Яковлевич Маршак. Это случилось в доме Союзов у вешалки.

Кто-то окликнул Твардовского.

Оглянувшись, Александр Трифонович увидел незнакомого человека в шубе и меховой шапке.

Тот подошел и спросил:

— Неужели вы тот самый большой поэт Твардовский?!

Молодой поэт смутился после такого обозначения своей персоны, и тем не менее подтвердил, что он и есть Твардовский.

Тогда Маршак, представившись в свою очередь, заключил молодого человека в объятья. И этого жеста Твардовский никогда не забывал, оставаясь до конца дней Маршака верным его другом.

Но при этом он не отказывал себе в возможности поерничать над Самуилом Яковлевичем, имитируя того перед товарищами в редакции «Нового мира».

Работавший в те годы в «Новом мире» Владимир Яковлевич Лакшин вспоминал об этих ярких сценах представления.

Вот Твардовский изображает Маршака, собирающегося в Дом творчества в Ялту: «Знаешь, Саша, я в Ялту еду. А там никого из знакомых… Пустыня. Не с кем будет словом обмолвиться. Приезжай. Вот ведь к Чехову в Ялту весь Художественный театр ездил».

На что Александр Трифонович отвечал:

— Да ведь я не Художественный театр.

Или Твардовские советует Лакшину:

— Уговорите его дать нам в журнал статью о молодых поэтах… Правда, натерпитесь с ним, хотя лучше его никто вам такой статьи не напишет. По поводу каждой запятой будет раз по шесть на дню звонить и все же заставит сделать по-своему. Да еще скажет: «А почему каждая главка не с новой страницы? Вам что, для меня бумаги жалко? На мне экономите для собрания сочинений своих знакомых? И почему так некультурно обращаетесь со шрифтовым набором Шекспир набран крупно, а внизу таким петитом, что и прочитать трудно „В переводах Маршака“. Передайте своему малограмотному техреду, что испокон века печатается вверху страницы крупно: Маршак, а внизу помельче „Переводы из Шекспира“.

И завершал Твардовский одну из своих добродушных пародий на Маршака так:

— Он решил, что в «Новом мире» мы должны печатать его,

как в Детгизе… Что ни строчка, то целая страница с картинкой. Печатают, например, под рисунком: «Дуйте, дуйте» /и уже надо листать страницу/ «Ветры в поле» /еще страница/, «Чтобы мельницы» /опять страница/, «Мололи…» /снова страница/.

А он еще недоволен: «Отчего так тесно? Дайте больше воздуха под рисунком: „Дуй-“ /страница/, „-те“ /страница/, „Дуй-“ /страница/, „-те“ /страница/…

217

Писателя Сергея Венедиктовича Сартакова в писательской среде называли «счетоводом». Таковым он был когда-то в юности, работая в леспромхозе в Сибири. Говорят, что в его секретарском кабинете на диване всегда лежали счеты как непременный атрибут его бывшего профессионального прошлого.

Вообще его книги, а написано им было немало, включая трехтомный роман «Хребты Саянские» и «Барбинские повести», такие, как «Горный ветер», «Не отдавай королеву» и «Козья морда», которая затем была переименована в «Медленный гавот», не очень-то пользовались успехом у читателей, но регулярно переиздавались, поскольку автор от союза писателей СССР курировал издательскую деятельность в Комитете по печати.

Оценку его деятельности в недоброй эпиграмме дал поэт Алексей Марков:

Плохой писатель Сартаков.

Но что поделать: сорт таков.

Так вот от Сергея Венедиктовича Сартакова я узнал, как во время Недели русской литературы в Белоруссии он вместе с товарищами оказался в районном городке Глубокое.

Писательскую бригаду их, в которую помимо Сартакова входили Николай Рыленков. Михаил Светлов, Пимен Панченко, Павел Костров, Михаил Лужанин и Яков Хелемский, возглавлял Петрусь Бровка.

Конечно же, первым номером во время выступлений бригады перед жителями республики проходил Михаил Светлов. Он умел устанавливать контакт с любой аудиторией, вносил в зал неподдельный юмор. А в Глубоком решил взять тайм-аут: заморился.

Зал местного клуба не вместил всех желающих повстречаться с известными писателями. Сам же зал был украшен цветами, гирляндами, плакатами, обращенными к дорогим гостям. Подстать залу были и люди, приехавшие даже из дальних деревень района. Все они празднично нарядились.

И вот в момент выхода на сцену к Петрусю Бровке подошел Светлов и попросил его как ведущего вечера не вызывать его, потому как устал и чувствовал себя неважно. Да и неудивительно: ведь в этот день у них на счету было три выступления.

Петрусь естественно огорчился:

— Ну, что поделаешь. Думаю, люди поймут тебя.

И вот начался вечер.

Атмосфера радушия и доброжелательности как бы сняла

усталость с Михаила Аркадьевича. Почувствовав это, Бровка представил ему слово, и Светлов не отказался. Напротив, признался, что рад выступлению.

Больше того, у него такое ощущение, что он уже бывал в этом клубе и в этом зале. Почему? Да потому, что так выглядел комсомольский клуб девятнадцатого года, с трибуны которого он впервые читал свои юношеские стихи.

— Я волновался, — вспоминал Светлов, — Шутка ли: стою перед сотням товарищей. Стою, молчу и думаю, что бы прочитать друзьям, которым меня представили как комсомольского поэта. Я даже думаю, не там ли родилось это определение, которое в конце двадцатых во всю употреблялось критикой в отношении Александра Жарова, Иосифа Уткина, Николая Дементьева и других?!

— Между тем, — продолжал Светлов, — молчание мое затянулось.

И тогда поднялся какой-то парень и спросил: «Мишка, а ты с ходу можешь сочинить стихи на заданную тему?» «Не знаю, — ответил я ему. — Давай, попробую».

И тут же с разных сторон мне начали заказывать различные темы, даже высказывались слова, к которым надо было подобрать рифму. Записав все это, попросил у ребят несколько минут, чтобы сочинить стихи «по заявкам трудящихся». И что же вы думаете? Написал. Вышел на сцену, а из зала кричат: «Мишка, давай!»

Светлов сделал паузу и хитро улыбнулся:

— А может и нам устроить нечто подобное?

Зал одобрительно загудел, раздались аплодисменты.

В этот момент поднялась симпатичная девочка и попросила написать стихи об их районном центре, о Глубоком. Все присутствовавшие поддержали ее.

— Ну, что ж, попробую, — сказал Светлов.

Взяв из рук девочки тетрадку, попросил:

— Сейчас продолжат выступать мои товарищи. Я уйду за сцену, буду выполнять ваш заказ. А когда выйду, вы обязательно кричите: «Мишка, давай!» Тем самым вы как бы вернете меня хоть на какое-то время в молодость. Условились?

Зал дружно согласился с поэтом.

Светлов повернулся к Бровке:

— Я не нарушаю регламента? Не самовольничаю при ведущем?

— Мишка, давай! — улыбнулся в ответ Петрусь Бровка…

К когда через несколько минут Светлов вновь оказался на сцене, зал дружно начал скандировать:

— Миш-ка, да-вай!

Продолжалось это скандирование до тех пор, пока улыбавшийся все это время Светлов не раскрыл тетрадь.

И в притихшем зале зазвучали слова признания в любви собравшимся в зале.

— К сожалению, признался Сартаков, — самого стихотворения я не запомнил.

Я же пытался найти это стихотворение, потому как считал, что рассказ Сергея Сартакова композиционно не будет завершен.

Пришел на помощь приятель, подсказавший:

— А ты возьми сборник воспоминаний о Светлове. Кажется, там кто-то из друзей поэта вспоминал об этом вечере в Глубоком и приводил по памяти стихотворение, написанное по просьбе девочки и прочитанное под клич: «Мишка, давай!»

И верно. В своих воспоминаниях Яков Айзикович Хелемский так воспроизвел это стихотворение Светлова.

Я в Глубоком сроду не был,
Этим шляхом не шагал.
Белорусским этим небом
Я впервые задышал.

Я клянусь при этих звездах
Вам в кругу моих родных —
Будет в легких биться воздух
Комсомольских лет моих.

Я себя в пути далеком
Буду чувствовать легко,
На любой горе высокой
И в Глубоком глубоко.

Что я вижу в человеке?
Он мне близок, он родня.
Я поэт! Я ваш навеки!
Обнимите же меня.

218

Выступая на I Всесоюзном съезде советских писателей 21 августа 1934 года, Илья Григорьевич Эренбург, в частности, говорил: «Нельзя подходить к работе писателя с меркой строительных темпов. Я вовсе не о себе хлопочу. Я лично плодовит, как крольчиха, но я отстаиваю право слонихи быть беременной дольше, нежели крольчиха.

Когда я слышу разговоры — почему Бабель пишет так мало, почему Олеша не написал в течение стольких-то лет нового романа, почему нет новой книги Пастернака и т. д., — когда я слышу это, я чувствую, что не все у нас понимают существо художественной работы. Есть писатели, которые видят медленно, есть другие, которые пишут медленно. Это не достоинство и не порок — это свойство, и нелепо трактовать таких писателей как лодырей или как художников, уже опустошенных».

В справедливости слов Ильи Оренбурга убеждает диалог, который произошел однажды между молодым преуспевающим беллетристом и Юрием Карловичем Олешей.

— Мало вы пишете, Юрий Карлович, — сказал плодовитый молодой литератор Олеше. — Все, что вы написали, я могу прочитать за одну ночь.

Олеша тут же отпарировал:

— А я за одну ночь могу написать все, что вы написали…

Запомнился еще один рассказ Льва Абрамовича Кассиля о Маяковском. Речь велась о воспитании литературного вкуса, какой старался привить своему юному другу Владимир Владимирович.

Как-то Маяковский услышал чтение Кассиля вслух. Тот читал «Контрабандистов» Эдуарда Багрицкого. Читал с вдохновением, потому что стихи этого поэта ему очень нравились. Помните: «Ай, Черное море — вор на воре…»

Кассиль читал:

Вот так бы и мне
В налетающей тьме
Усы раздувать на корме,
Да видеть звезду
Над бугшпритом[1] склоненным,
Да голос ломать
Черноморским жаргоном,
Да слушать сквозь ветер,
Холодный и горький
Мотора дозорного
Скороговорки!..

— Нравится? — спросил Владимир Владимирович. — Очень, — ответил я.

— Гимназист, — небрежно вымолвил Маяковский. И уже с пафосом: — Боже мой! Какой же вы еще гимназист, Кассильчик!

— Это почему же гимназист? — обиделся я. — Разве только гимназистам нравится Багрицкий?

— Да поймите же… — Маяковский говорит уже спокойно. — Гимназистам всегда нравились всякие эти флибустьеры, кондотьеры, вся эта завозная романтика на фейерверочном пшике. А между тем все это уже до одури описано. И немного даже лучше, как, например, у Гумилева. Что же выходит? Не свое это все у поэта. Не свой дом, не своя мебель, а какая-то взятая напрокат. Неинтересно все. И зря вам это все нравится. Словом, стихи для гимназистов…

И тут же цитирует:

Вот так бы и мне
В налетающей тьме

Усы раздувать,
Развалясь на корме…

— Это так сказать, мечта поэта, — иронично произносит Маяковский и читает дальше:

Иль правильней, может,
Сжимая наган, За вором следить,
Уходящим в туман..!

— Ну, как? Недурненькое сочиненьице для советского поэта: даже не знает, с кем ему быть, с контрабандистами на шаланде или с пограничниками на дозорном катере. И вы верите ему? Думаете, что Багрицкому не ясно, с кем ему быть? У него же друзья чекисты! Это у него поза от «ХЛАМа». Было у них на «Юго-западе» такое заведение, вроде балагана или театрика: Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты — ХЛАМ. Вот этот «хлам» он никак не может вымести из своих стихов. Интересничает! А ведь очень талантлив! Может же писать! Помните, как у него здорово в «Думе про Опанаса»?!

И он с ощущением серьезности прочитал:

Жеребец поднимет ногу,
Опустит другую,
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.

— Это то, что гимназистам не нравится, — сказал Владимир Владимирович, — а вам пусть нравится именно этот Багрицкий…

220

В одном из сельских клубов, где последние годы чаще всего выступал поэт Николай Иванович Тряпкин, проходила его встреча с местными жителями. И он читал свои стихи, среди которых прозвучало и это:

А жизнь прошла. Закончены ристанья.
Исправим печь. И встретим холода.
И только смутный гул воспоминанья
Проходит вдруг по жилам иногда.

Он пронесется там, как в шахтах воды.
Промчится гул и снова забытье.
И перед давним сумраком природы
Горит свеча — окошечко мое.

И тут из зала ему пришла записка: «Почему вы все на что-то намекаете, но не отвечаете на все вопросы, какие ставит жизнь перед людьми?».

Прочитав записку, Николай Иванович улыбнулся:

— Милый автор этого послания, если бы я мог ответить на все вопросы, то я бы не читал вам стихи и не находился бы в этом зале.

221

Михаил Семенович Бубеннов пришел на встречу с читателями в один из московских клубов.

У дверей его встретила одна из читательниц и сказала:

— А вы знаете, я вас где-то видела!

Михаил Семенович тут же отозвался:

— Очень даже может быть. Я ведь там часто бываю…

222

Помню лекции Сергея Федоровича Елеонского по русской литературе ХУШ века. Нередко профессор обращался к забавным случаям в жизни писателей того далекого времени. Некоторые из них записывал со слов профессора.

Вот, скажем, история с переводчиком «Илиады» Гомера стихотворцем Ермолом Ивановичем Костровым.

Прочитав его перевод, Екатерина II попросила И.И.Шувалова пригласить к ней автора, чтобы лично выразить ему благодарность за труд.

Шувалов знал за Костровым слабость — любил тот пображничать. И потому заранее пригласил его к себе и сказал:

— Уж будь любезен, голубчик, в день нашей поездки к государыне не принимай спиртного.

— Обещаю, сказал Костров.

Но в назначенный час он не явился на встречу с Шуваловым. Как ни искали его, найти не могли.

Пришлось Шувалову объяснять императрице, что с Костровым приключилась внезапная болезнь, и он искренне сожалеет что не может воспользоваться милостью ее светлости.

Екатерина II посочувствовала стихотворцу и попросила Шувалова передать от ее имени тысячу рублей Кострову.

Недели через две Костров сам явился к Шувалову.

Тот стал выговаривать:

— В не стыдно ли тебе, Ермил Иванович, что променял дворец на кабак?!

На это смиренный Костров заметил:

— А побывай-ка ты, Иван Иванович, в кабаке. Ну, право слово, никогда его не променяешь ни на какой дворец…

223

И еще про того же Кострова Ермила Ивановича.

Как-то в очередной раз он захворал.

Пришедшему его навестить Николаю Михайловичу Карамзину пожаловался:

— Вы послушайте, какое странное дело. Все время пил горячее, а умираю от озноба…

224

Павел Филиппович Нилин рассказал о том, как познакомился на съемках фильма «Большая жизнь» по его сценарию с прекрасными актерами и товарищами по жизни Борисом Федоровичем Андреевым и Петром Мартыновичем Алейниковым.

Были они людьми неординарными, заводными и потому нередко у них случались встречи с блюстителями порядка.

Однажды они оказались в какой-то шумной компании. Дело было позднее. Жильца дома, возмущенные шумом во дворе, позвонили в милицию. Вскоре появились двое в милицейской форме.

Компания быстро рассосалась, а Андреев и Алейников оказались лицом к лицу с блюстителями порядка.

— Кто такие? — спросил один из милиционеров. — Почему нарушаете правила общежития?

И обращаясь в Андрееву, поинтересовался:

— Ваша фамилия?

— Андреев.

— Строков, запишите, — сказал он своему напарнику.

— А вы кто такой? — в свою очередь спросил Андреев.

— Вы что, допрашивать меня будете? — возмутился страж порядка.

— Да нет. Просто интересуюсь, с кем имею дело.

— Лейтенант Нестеренко.

Андреев повернулся к Петру Мартыновичу.:

— Алейников, запишите!..

225

Писатель Николай Павлович Задорнов, которого знали по его самому известному роману «Амур-батюшка», удостоенному Сталинской премии в 1952 году, был автором и других романов, таких, как «Капитан Невельской», «Война за океан», «Золотая лихорадка».

Но мало кто знает, что в двадцатые годы он работал актером и режиссером в провинциальных театрах Сибири и Урала. Затем решительно порвал с миром театра и занялся журналистикой.

А в 1937 году он оказался среди строителей города Комсомольска-на-Амуре. И тут соединяет две свои страсти — театральную и журналистскую: работает заведующим литературной частью в городском драматическом театре и одновременно сотрудничает в местной газете, выступает на радио.

Обо всем этом Николай Павлович рассказывал в доме творчества Коктебель, где мы провели с ним тринедели.

Там случился с ним казус, о котором он, смеясь, рассказал на пляже.

Рано утром обнаружил в своем номере воришку. Тот перелез через балкон, открыл холодильник, видимо, в поисках съестного. Поиски его Николай Павлович услышал, бреясь в душевой.

— Вы зря тратите время, уважаемый, громко сказал писатель. — Я уже вчера вечером в своем холодильнике ничего не обнаружил…

226

Со слов поэта Вадима Кузнецова, заведующего редакцией поэзии в издательстве «Молодая гвардия», ходила среди писательского люда такая байка об их поездке с Геннадием Серебряковым на писательский съезд в Кара-Калпакию.

Они прилетели в Нукус, а там в Союзе писателей им сказали:

— Съезд уплыл.

— Как это уплыл?

— А так. Зафрахтовали теплоход и поплыли по Аму-Дарье.

— Что же нам делать?! — растерянно спросили посланцы столичной писательской организации.

— Берите машину и догоняйте съезд… Через два часа вы будете в том самом месте, куда причалит теплоход…

Так и поступили.

Через несколько часов Кузнецов и Серебряков были среди делегатов съезда каракалпакских писателей, встретили знакомых и включились в работу творческого собрания.

А работа проходила так.

Утром после завтрака продолжались прения по докладу секретариата. Прения шли на родном каракалпакском. Гости, естественно, выступали на русском.

Время незаметно подходило к обеду. Теплоход причаливал к какой-нибудь пристани. Председательствующий на русском языке объявлял:

— А сейчас, товарищи, перерыв.

Это уже чувствовалось: над палубой плыли ароматные запахи шашлыка, плова, дыни. Начинался обед, плавно переходящий в ужин…

И так продолжалось пять дней.

Отчет о проведенном съезде завершался словами: «В целом съезд продемонстрировал… Несомненно скажется на повышении творческого потенциала… В прениях приняли участие…

И только два писателя утонули».

227

Поэт Николай Константинович Доризо рассказывал, как однажды во время очередной встречи руководителей партии и правительства с писателями, проводившихся Хрущевым в загородной резиденции, с ним произошел такой эпизод.

Перед началом заседания он решил пройтись по симпатичной аллейке парка. Неожиданно из-за поворота вышел очень знакомый человек в сопровождении нескольких не то охранников, не то советников. Да, это был Леонид Ильич Брежнев, в ту пору Председатель Президиума Верховного Совета.

— Не доходя нескольких шагов до меня, — говорил Доризо, — он вдруг вырвался мне навстречу. Протянул руки и сказал: «Как давно я вас не видел, Николай Константинович».

Тут же начал расспрашивать, над чем я работаю, что в замыслах. Потом опять посетовал: «Как давно мы с вами не виделись, Доризо».

— Да я и сам, — ответил ему, — тоже удивлен этим обстоятельством. Вроде живем недалеко друг от друга, а не видимся…

228

Профессор Леонид Петрович Гроссман читал у нас в пединституте курс русской литературы XIX века. Будучи знатоком жизни и творчества Пушкина, нередко сообщал нам какие-то интересные подробности биографии Александра Сергеевича.

Помню его рассказ, как Пушкин спросил одного своего приятеля по лицею об их однокласснике Яковлеве, который отличался артистизмом мима:

— А что Яковлев, по-прежнему лицедействует и кого-то все представляет?

— Теперь, — ответил ему приятель, — Яковлев представляет Петербургское наводнение.

— И что же?

— Знаешь, довольно-таки похоже…

Или еще рассказал про одну встречу Пушкина с Орловым Михаилом Федоровичем в Киеве.

— Как ты здесь? — спросил Орлов, встретив Пушкина в городе.

— Язык до Киева доведет, — ответил Пушкин.

— Ох, Пушкин! Смотри, как бы тебя не услали за Дунай.

— А, может, еще и за Прут!?..

229

На протяжении пяти лет — с 1960 по 1965 год — журнал «Новый мир» публиковал мемуары Ильи Григорьевича Эренбурга, которые далеко не однозначно принимались читателями и официальной критикой. Между тем сам писатель считал, что это его «последнее задание жизни». Желая донести до современников пережитое, он иногда шел на уступки цензуры, изымая из текста дорогие себе страницы.

В мемуарах он говорил о себе, признавался, что в жизни «много плутал»: был большевиком и сочувствовал белым, увлекался католичеством, служил Советской власти. Но в одном был постоянен — был неизменно предан культуре. Со страниц его мемуаров явились нам в прочтении Эренбурга огромное количество мастеров слова и живописи, музыки и кино.

Нередко мемуары его становились предметом споров на встречах редакции журнала в самых разных аудиториях. На одном из обсуждений присутствовал и главный редактор журнала Александр Трифонович Твардовский.

Услышав неодобрительный отзыв выступающего в адрес редакции, которая де некритически подошла к публикации этих очень субъективных, выдержанных далеко не в марксистском духе воспоминаний, Твардовский заметил:

— Нам тоже не все нравится в книге Ильи Григорьевича. Но мы думаем, что правильно поступаем, печатая его мемуары. Никто из сверстников Эренбурга не решился запечатлеть на большом историческом фоне свою жизнь, свой опыт в эпохе, а вот Илья Григорьевич решился на это и осуществил замысленное.

Что до упреков в субъективности, то, право же, мы не можем требовать от старого писателя, чтобы он забыл о том, о чем он хочет помнить, и помнил то, о чем бы хотел забыть.

Зал аплодисментами оценил сказанное Твардовским.

230

Профессор Гроссман Л.П. в одной из лекций рассказывал о жизни и творчестве Владимира Александровича Сологуба, автора многих произведений в разных жанрах и прежде всего повести «Тарантас».

Так вот этот писатель девятнадцатого века знал немало забавных историй из жизни друзей, приятелей. А некоторые из историй, видимо, и сам сочинял неплохо. В частности, не исключено его авторство и про случай с обер-гофмаршалом Нарышкиным, директором императорских театров…

Однажды якобы император прислал Нарышкину не то альбом; не то книгу, в которую вплетены были сто тысяч рублей ассигнациями.

Нарышкин тут же поспешил передать императору, что выражает его величеству свою глубочайшую признательность за доставленное ему удовольствие от чтения книги, и еще просил передать, что доставленное ему сочинение удивительно занимательно. Поэтому хотелось бы незамедлительно получить продолжение…

Говорят, что император по-достоинству оценил «ход» Нарышкина. Он прислал ему такую же книгу с вплетенными в нее ста тысячами, но повелел прибавить, что «издание закончено».

231

Имя графа Хвостова Дмитрия Ивановича в шуточной и эпиграммической литературе начала XIX века было едва ли не самым популярным. И виной тому были его стихотворные упражнения, полные невероятных ляпсусов. Помимо откровенной графомании граф отличался страстью публичного чтения своих стихов. П.А.Вяземский даже придумал термин «хвостовщина» и сочинил такие строки:

Но сердцу моему твердятся завсегда
Досадные упреки.
Как безумолчный крик сороки,
Которая одно заладит и кричит
Им как трезвон стихов, какими граф жестокий
По имени Хвостов, а ремеслом пиит
Нас душит, давит, жжет, морозит и морит.

В письме А.И.Тургеневу в 1826 году он же, Вяземский, писал: «Иван Иванович Дмитриев на получаемые от Хвостова стихи при письмах говорит, что ему совестно называть их по имени и потому отвечал: „Благодарю за письмо и за приложение“.

Известно, что Александр Васильевич Суворов, который сам не лишен был поэтического дарования, тоже всячески пытался унять поэтическую страсть своего зятя графа Дмитрия Ивановича Хвостова. Уже лежа на смертном одре, Суворов давал предсмертные наставления близким и родным, которые поодиночке входили к нему и в присутствии духовника и знаменитого камердинера Прошки выслушивали своего великого родича.

Когда к умирающему вошел Хвостов, а было ему в ту пору сорок лет, и был он уже сенатором, Суворов тронул его, ставшего на колени, своей холодеющей рукой и сказал:

— Любезный Митя. Ты ведь добрый человек. Заклинаю тебя всем, что есть у тебя святого, брось свое виршеслагательство. Уж если не можешь одолеть страсти к писанию, пиши стишонки для себя, но не печатайся. Помилуй Бог! Это к добру не приведет. Ты сделаешься посмешищем всех порядочных людей…

Хвостов заплакал.

Вышел из залы.

К нему подошли знакомые и родные с расспросами о состоянии здоровья Суворова.

— Увы! — отвечал им Хвостов, вытирая слезы. — Правда, еще говорит, но без сознания. Бредит!..

Мать умерла,
Отец ушел на фронт.
Соседка злая
Не дает проходу.

Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скудную природу, —

писал Николай Рубцов в стихотворении «Детство».

Потеряв шести лет мать, а до этого отца на фронте, он воспитывался в различных детских домах. Потом учился, закончил лесотехнический техникум, служил на Северном флоте. Прошел тяжкую школу жизни. Но в душе жили стихи. Не случайно в 1962 году он поступил в Литературный институт имени А.М.Горького.

Среди студентов пользовался авторитетом. Не только сам безгранично был влюблен в творчество Ф.И.Тютчева, но и всячески пытался обратить в тютчевскую веру своих однокашников! В частности, говорил им:

— Вот бы учить историю России по Тютчеву!.. Мы бы все были знатоками отечественной истории. Просто, понятно, а главное — сильно действует.

— И что же Тютчев отмечал такое действенное в нашей истории? — поинтересовался кто-то из студентов.

— Федор Иванович так формулировал суть предмета: «Русская империя до Петра Великого сплошная панихида, а после Петра Великого — одно уголовное дело.

233

Поэт Давид Самойлов рассказывал, как у него дома где-то в пятидесятых годах случайно встретились академик Ландау и поэт Николай Глазков.

В литературных кругах Николая Глазкова воспринимали поразному: кто как шута, гаера, кто — всерьез и глубоко. Но не было равнодушных. Да он и не позволял своим поведением и своими экспромтами так относиться к себе. Где Глазков, там уже что-то происходило. И люди выносили с собой, скажем, такие строки:

С чудным именем Глазкова
Я родился в пьянваре,
Нету месяца такого
Ни в каком календаре.

Или же:

Люблю грозу в конце июня,
Когда идет физкультпарад.
И мрачно мокнет на трибуне
Правительственный аппарат.

Или, наконец:

Веду я жизнь анахарета.
А на хер это?

Мало кто знает, но он снимался и в кино. Прячем у знаменитых режиссеров — в фильме А.Тарковского «Андрей Рублев» и А.Кончаловского «Романс о влюбленных»…

Ну так вот. Встретились на квартире у Самойлова Николай Глазков и академик Ландау, который привычно представился:

— Дау.

На что от Глазкова последовало:

— Г.Г.

И он тут же пояснил:

— Гений Глазков.

Ландау никак не отреагировал на такое откровение.

Тогда Глазков заметил:

— А вы знаете, я был на могиле художника Доу.

— Доу — это не я, — сказал Ландау.

— А вы знаете, что я самый сильный из интеллигентов, — продолжал представлять себя Глазков.

— Самый сильный из интеллигентов профессор Виноградов, — серьезно возразил Ландау. — Он может сломать толстую палку.

— А я могу переломить полено, — не сдавался Глазков. — Жаль, что у Самойлова нет полена…

234

Писатель Константин Александрович Федин, автор романов «Города и годы», «Первые радости», «Необыкновенное лето» и других, вспоминал о Михаиле Михайловиче Зощенко — своем товарище по литературному объединению «Серапионовы братья».

В числе основателей этого объединения как раз и были сам Федин и Вениамин Каверин /тогда Веня Зильбер/, которого сегодня помнят по роману «Два капитана».

История этого объединения интересна уже хотя бы тем, что почти все члены его стали известными писателями. Для справки: первое организационное собрание «Серапионов» состоялось в феврале 1921 года в Доме искусств в комнате Михаила Слонимского. Членами братства были признаны Илья Груздев, Михаил Зощенко, Лев Лунц, Николай Никитин, Константин Федин, Вениамин Каверин, Михаил Слонимский, Елизавета Полонская, Виктор Шкловский и Владимир Познер. Название «Серапионовы братья» предложил Вениамин Каверин, страстный поклонник Гофмана.

Тут же решили каждому брату дать прозвище, которые ныне забыты.

На заседаниях царило полное равенство. Каждый волен бил вести себя по-своему. Любопытным было то, что в Серапионах были только братья. И потому Елизавету Полонскую тоже зачислили в братья по прозвищу «Елисавет Воробей».

Комната Михаила Слонимского была своеобразным штабом братства.

Потом Горький познакомил Серапионов с еще одним братом, которым стал Всеволод Иванов.

Последним в братство был принят Николай Семенович Тихонов.

Они исповедовали принцип: «ничего друг другу не навязывать».

Лев Лунц, признанный теоретиком, формулировал: «Слишком долго и мучительно правила русской литературой общественность. Мы не хотим утилитаризма. Мы пишем не для пропаганды. Искусство реально, как и сама жизнь, и, как сама жизнь, она без цели и без смысла, существует потому, что не может не существовать». Иными словами, они не принимали традиций русской классики.

Но это было декларацией.

Многие же из серапионов достигли высот в литературе именно благодаря опоры на эти самые традиции.

Здоровались они так: «Здравствуй, брат. А писать трудно».

О своем братстве и своих братьях они оставили немало воспоминаний. Одно из них и принадлежит Константину Федину.

— Однажды, — вспоминал он, — шли мы с Зощенко по Литейному проспекту в Ленинграде.

Михаил Михайлович о чем-то оживленно говорил. Но вдруг прервал себя, когда мы оказались на Сергеевской улице возле его дома.

— Послушай, — сказал он мне. — Живу я в своей квартире. И вдруг приходит ко мне управдом и заявляет, что меня надо уплотнить и подселить ко мне новых жильцов. Говорили, что это его родственники. А мне что до его родственников?! Я заявил, что никого к себе не впущу. Управдом в крик: «Ах, не впустите?! Тогда мы вас к суду привлечем. Что ж другим людям под небом жить?! Не выйдет!»

Истали буквально ежедневно меня атаковывать, работать не дают.

Тут я а решил пожаловаться Горькому. Ведь наш ЖАКТ был его имени. Отправил ему письмо в Италию, на Капри. А между тем управдом не дремал. Всунул-таки мне жильцов. И началась моя жизнь в коммунальной квартире.

Проходит какое-то время.

И вдруг из Италии пришло письмо Горького в ЖАКТ, в котором он сообщал, что ему приятно было узнать о присвоении ЖАКТу его имени. Он обещал по приезде в Ленинград непременно посетить ЖАКТ, прийти в красный уголок, попить чайку. И далее, понимаешь ли, он пишет: у вас в доме живет замечательный писатель Михаил Михайлович Зощенко. Так я очень вас прошу не притесняйте его и все такое…

Зощенко сделал паузу:

— Ты даже представить себе не можешь, что после всего этого тут началось! Управдом с письмом Горького прибежал и, трепеща, извинился за доставленные хлопоты, за неприятности. На жильцов топал ногами и немедленно требовал уматывать из квартиры. И никакие они ему не родственники, как оказалось. Весь дом в полном смятении. И полы моют, и парадное проветривают. Даже заседание ЖАКТа назначается.

И уже под конец Зощенко улыбнулся:

— Может, на заседании обсуждали вопрос, не присвоить ли ЖАКТу имя Зощенко вместо Горького… Но этого я не знаю!..

235

Венеамин Александрович Каверин вспомнил смешной эпизод, происшедший на заседании «Серапионовых братьев».

Обсуждали стихи Елизаветы Григорьевны Полонской, именуемой в братстве Елисабет Воробей.

И вот в стихотворении, которое она читала, прозвучала строка:

Мне пресно сладкое, я горького хочу…

Николай Семенович Тихонов тут же заметил:

— Я бы, Лиза, на вашем месте эту мысль изложил так: «Мне пресно сладкое, я горечи хочу». А то Алексей Максимович может принять сказанное вами на свой счет… Хотя, без сомнения, будет польщен.

236

На восьмом съезде писателей выступал Евгений Александрович Евтушенко. Как всегда в экзальтированной, даже истеричной манере, сопровождаемой всякий раз конвульсивными жестами. Он вещал залу, как из переделкинского дома Пастернака пьяные рабочие вышвырнули рояль поэта, он хряснул и раскололся.

Потом он категорически потребовал создать в доме Пастернака музей поэта.

Сидевший рядом со мной поэт из Архангельска Николай Журавлев спокойно произнес:

— Съезд должен принять резолюцию о создании в Переделкино музея Пастернака имени Евгения Евтушенко…

237

Во время редакционных совещаний в издательстве «Всемирной литературы при Коммиссариате Народного Просвещения», созданного Горьким и чаще всего проходивших под его председательством, Алексей Максимович поражал всех своими сведениями о мировой литературе. В своих выступлениях он называл имена второстепенных писателей, о которых не слышали даже профессора. Они, как не выучившие урока школьники, опускали глаза, а Горький им говорил:

— У этого автора есть такие-то и такие-то вещи… Эта вещь слабоватая, а эта — превосходная, ее-то и следует издать…

Однажды после заседания Алексей Максимович попросил остаться Корнея Ивановича и вместе с ним позавтракать. После этого завтрака Корней Чуковский записал в своем дневнике 18 апреля 1919 года:

«Во время беседы с Горьким я заметил его особенность: он отлично помнит сотни имен, отчеств, фамилий, названий городов, заглавий книг. Ему необходимо рассказывать так: это было при губернаторе Леониде Евгеньевиче фон Краузе, а митрополитом был тогда Амвросий, в это время на фабрике у братьев Кудашиных — Степана Степановича и Михаила Степановича был бухгалтер Коренев, Александр Иванович. У него-то я и увидел книгу Михайловского „О Щедрине“ издания 1889 года. Думаю, что вся его огромная и потрясающая эрудиция сводится именно к этому — к номенклатуре. Он верит в названия, в собственные имена, в заглавия, в реестр и каталог» /курсив автора — БД./.

238

Жил в конце XVIII — начале XIX века литератор Алексей Данилович Копьев, перу которого принадлежит несколько комедий. Одна из них, опубликованных в 1794 году, называлась «Что наше, тово нам и не нада». В ней он попытался графически передать фонетические особенности разговорной речи, типа: «што йта за дьявальске навадениё». И в таком духе написана вся пьеса.

Естественно, подобные «художественные» откровения не минуют внимания охотников на меткое словцо. А посему о Копьеве существовало немало баек в литературной среде. В частности, в книге «Записки о моей жизни» Николая Ивановича Греча, ученого-лингвиста и главного редактора журнала «Сына Отечества» рассказывается о таком эпизоде.

Когда Павел I вступил на престол, он ввел безобразную форму мундиров. Ее обязаны были носить военные чины. А Копьев — бывший адъютант князя Зубова, фаворита Екатерины II, очень болезненно воспринял необходимость своей поездки в Москву с какими-то приказаниями.

И он решил посмеяться над новой формой: сшил себе перед отъездом мундир с длинными широкими полами, привязал шпагу к поясу сзади, подвязал косу до колен, взбил себе преогромные букли, надел уродливую треугольную шляпу с широким золотым галуном и перчатки с крагами, доходившими до локтя. В этом костюме он явился в Москву и уверял всех, что такова, действительно, новая форма.

Об этом узнал Павел и велел привезти Копьева в Петербург, а по прибытии представить к нему в кабинет.

Увидев шутовской наряд, Павел произнес:

— Хорош! мил! — и добавил: — В солдаты его!

Приказание было исполнено.

Копьеву в тот же день забрили лоб и зачислили в один из армейских полков в Петербурге. И надобно же было случиться, что оказался он под началом некоего Чулкова, который прежде стоял у него в передней.:

Естественно, Чулков не преминул потешиться над бывшим своим начальником. Призвал его к себе, осыпал ругательствами и насмешками, а потом спросил:

— Да говорят, братец, что ты пишешь стихи?

— Так точно, писывал в былое время, ваше высокородие…

— Так напиши мне теперь похвальную оду, слышишь ли! Вот перо и бумага!

— Слушаю, ваше высокородие! — ответил Копьев, подошел к

столу и написал: «Отец твой чулок, мать твоя тряпица, а ты сам что за птица!»..

239

Поэт Владимир Александрович Лифшиц, автор сатирических стихов, дружеских шаржей, вспомнил про случай, происшедший во время войны в Алма-Атинском военном госпитале. Там состоялось выступление Михаила Михайловича Зощенко. В одном из коридоров госпиталя собралось немало ходячих раненых, чтобы послушать рассказ любимого писателя. Михаил Зощенко читал им свои ранние рассказы «Аристократка», «Баня», «Нервные люди» и другие. Смех в коридоре не замолкал ни на минуту.

Неожиданно в проходе появился начальник госпиталя и, извинившись, что прервал выступление Зощенко, обратился к раненым с вопросом:

— Челюстники есть?

И когда последовал утвердительный ответ, приказал:

— Челюстникам в палаты!

Неохотно поднялись люди с забинтованными лицами и разошлись по палатам.

— У них ранения в челюсти. Им вредно смеяться, — объяснил начальник и, еще раз извинившись, попросил писателя продолжать выступление…

240

На кафедре творчества в Литературном институте имени Горького в семидесятых годах нередко возникали «творческие» паузы, во время которых мастера делились своими воспоминаниями об ушедших из жизни друзьях, о забавных случаях и значимых эпизодах в биографиях известных поэтов и писателей.

Во время одной из таких пауз вспоминали Бориса Леонидовича Пастернака, который одно время вел поэтическую мастерскую в стенах Литературного института.

Так вот Борис Леонидович поведал своим товарищам, как он оказался на каком-то праздничном приеме в Кремле. Было это перед войной.

К их столу подошел Сталин с бокалом в руках. Видимо, хотел выпить шампанского с именитыми гостями.

И тут артист МХАТ Борис Ливанов бросился к нему, но тут же был остановлен охранником.

Сталин отреагировал немедленно:

— Почему не пускаете ко мне Ливанова, когда он хочет пагаварить?!

А Ливанов, который собирался играть в МХАТе Гамлета, возьми и спроси:

— Иосиф Виссарионович, хочу спросить вас: будь вы актером, как бы вы стали играть Гамлета?

Видимо, он хотел услышать из уст вождя какую-нибудь шутку на сей счет, что позволит ему играть Гамлета так, как ему хочется.

А Сталин возьми и спроси в свою очередь:

— А кто у вас руководитель?

— Немирович-Данченко.

— Это опытный режиссер. Он вам, товарищ Ливанов, и объяснит, как надо играть Гамлета.

После короткой паузы Сталин продолжил:

— Но если хотите знать мое личное мнение, то я бы вообще не стал ставить «Гамлета».

— Почему? — вместе Ливановым обратились все участники происходящего за столом разговора.

Сталин ответил:

— Пьеса упадочная, психологическая…

Так и не был поставлен в МХАТе «Гамлет», и Ливанову не удалось сыграть роль принца Датского…

241

Ректор Литературного института Владимир Федорович Пименов часто вспоминал свою деятельность на ниве театрального искусства.

Однажды он вспомнил про своего давнего друга писателя Леонида Николаевича Рахманова, который написал немало рассказов и повестей, выходивших в сборниках «Очень разные повести», «Люди — народ интересный» и др.

Но подлинный успех принес ему сценарий фильма «Депутат Балтики», в основу которого была положена его пьеса «Беспокойная старость».

Фильм, действительно, имел огромный успех. Но критика, высоко оценивая фильм, почему-то обошла вниманием его литературную основу. Это всерьез огорчило и возмутило Леонида Николаевича.

Свои чувства на сей счет он выразил в статье «Дневник сумасшедшего», которую опубликовал в журнале «Звезда».

В ней он пунктуально цитировал газетные статьи, посвященные фильму, и комментировал их.

В частности, приводил следующую цитату из газеты «Литературный Ленинград»: «Герой фильма профессор Полежаев встал в один ряд с Чапаевым и Максимом, артист Черкасов встал в один ряд с Бабочкиным и Чирковым, режиссеры Зархи и Хейфиц встали в один ряд с Козинцевым и Траубергом…»

Комментарий Леонида Рахманова звучал так: «Словом, все встали в ряд. А куда же прикажете встать сценаристу?..»

242

Автор исследования «Подвиг поэта», посвященного Александру Блоку, критик и литературовед Борис Иванович Соловьев поделился воспоминанием об одном эпизоде, свидетелем которого он стал в довоенном Коктебеле.

На пляже Дома творчества недалеко от него на солнышке грелись Борис Андреевич Лавренев и Михаил Михайлович Зощенко.

Они о чем-то говорили.

И вдруг до Соловьева долетела фраза, сказанная Лавреневым:

— А знаешь, на сей счет товарищ Сталин думает по-другому.

Зощенко тут же ответил:

— У товарища Сталина свое мнение, а у меня свое…

— И тут, — заключил свой рассказ Борис Иванович, — смотрю, Лавренев стал потихонечку отползать от Зощенко…

243

Однажды Анатолий Владимирович Софронов, главный редактор журнала «Огонек», спросил:

— Ты бывал в кабинетах членов Политбюро?

— Бывал. А что?

— Обратил внимание на шкафы с собраниями сочинений классиков марксизма-ленинизма?

— Знаешь, как я их называю?

— Недвижимое имущество. Ведь хозяева кабинетов ни разу не открывали эти шкафы и ни разу в руки не брали стоящие в них тома. Даже не передвигали их с места на место. Словом, это их недвижимость…

244

Поэт Владимир Дмитриевич Цыбин, который сразу же обратил на себя внимание первыми сборниками стихов «Родительница-степь», «Медовуха», вспомнил о своей реплике в адрес Евгения Евтушенко, с которым он в начале пятидесятых годов поступил в Литературный институт.

— Женя, — сказал он ему, — ты похож на силомер. Знаешь, в Парке культуры такой стоит. По нему ударяют молотом. Так вот. Когда ударяют по нему мощно, и планка долетает до упора вверху, глядят именно на звенящую планку. А когда бьют по силомеру слабо и планка застревает где-то посреди штатива, все глядят не на планку, а на автора этого удара…

245

Писатель Николай Корнеевич Чуковский, глядя на собаку Томку, что носилась по Дому творчества, заметил:

— А ведь она замечает в тысячу раз больше, чем мы. Но она не делает выводов. Не обобщает…

246

Жил в Москве в начале XIX века Неелов Сергей Алексеевич, пользовавшийся славой отчаянного кутилы, присяжного остряка и говоруна московских гостиных.

Он дорожил своими связями с поэтами И.И.Дмитриевым, В.Л.Пушкиным, П.А.Вяземским. Сам творил вирши, наспех и мимоходом. Шуточные и сатирические стихи его были почти всегда неправильны, но всегда забавны и метки. Писал он и безграмотно, не ладил с размерами и рифмами. И это между прочим придавало им оригинальность. Образчики его стихов приводил Вяземский в своей «Старой записной книжке».

Вот, что писал; в частности, Неелов своей родственнице, у которой намеревался остановиться по приезде своем:

Племянница моя, княгиня Горчакова,
Которая была всегда страх бестолкова,
Пожалуйста, пойми меня ты в первый раз
И на стихи мои ты вытаращи глаз.

Приеду я один, без моего семейства,
Квартира мне нужна не как адмиралтейство,
Но комната одна, аршина три длины,
Где б мог я ночью спать, не корчивши спины.

А вот и любовные его стихи:

Если Лёля взглянет,
Из жилета тянет
Мое сердце вон.

Сергей Алексеевич уже в старости оставил нам стихотворный итог своей независимой жизни барина и литературного дилетанта.

Я семь андреевских в родстве своем имел,
И всякий был из них правителем начальства,
Чрез них, как и другой, я мог бы быть в чинах
В крестах,
В местах,
Но не хотел

Из моего оригинальства.

Я независимость раненько полюбил
И не служил.
К тому же я в душе поэт,
Всегда свободой восхищался,
И до семидесяти лет
Корнетом гвардии, не сетуя, остался.

Именно эти поэтические «перлы» позволяли А.С.Пушкину в письме П.А.Вяземскому в 1825 году шутливо написать: «Стихи Неелова прелесть, недаром я назвал его некогда… певец. (Это между нами и потомством буди сказано)».

247

Михаилу Семеновичу Бубеннову в юности пришлось какое-то время работать учителем в сельской школе. Было это в те самые двадцатые годы, когда новаторы-педологи внедряли в школьную программу свои установки по воспитанию в подрастающем поколении Страны Советов новой классовой морали, рабоче-крестьянской нравственности.

— В частности, — говорил Бубеннов, — в детских садах и в школах отменили табуретки. На том, видишь ли, основании, что они приучают ребенка к индивидуализму. А вот на общих скамейках, которые внедряли в классах, будет рождаться коллективизм, чувство локтя, пролетарской солидарности.

Потом объявили крестовый поход на кукол. Они де уродуют материнское чувство, привносят в него излишнюю сентиментальность, слезливость. Вместо них детям нужно давать фигурки, изображающие толстопузых попов, буржуев, мироедов. Это, по мысли новаторов, будет возбуждать воинственное неприятие классового врага, которое в конечном счете перерастет в чувство классовой ненависти к эксплуататорам и империалистам.

— И что же? — спросили у писателя.

— А то, что дети оставались детьми. Они этих попов и буржуев укачивали, кормили, мыли в ванночках, пели им песни, потому как неистребим оказался в девочках материнский инстинкт…

248

Писателя Геннадия Александровича Семенихина, автора известной в свое время дилогии «Космонавты живут на земле» и «Лунный вариант», долгие годы связывала дружба с Сергеем Павловичем Королевым и отрядом космонавтов.

Однажды услышал от него рассказ, который служит мне подспорьем в отстаивании точки зрения, что литература все-таки оказывает воздействие на человека, воспитывает в нем чувства добрые.

Вот этот рассказ Семенихина…

Игорь Васильевич Курчатов, собирая команду «атомщиков», вспомнил про Королева и вытребовал его из Колымской каторги.

В страшную зимнюю стужу в лагерь, где отбывал срок Сергей Павлович, которого зэки звали «академиком», пришла полуторка. Она подрулила к зданию конторы и из кабины выскочил молоденький лейтенант. Он скрылся в конторе, оставив за собой клуб пара.

А через некоторое время из конторы появился вестовой и побежал на поиски «академика». В бараке тотчас послышалось: «Академик, тебя в контору кличут. За тобой вроде приехали…»

Вместе с Королевым к конторе вышло несколько зэков.

Сергей Павлович прошел в контору, где ему велели расписаться в книге «отпускников», ознакомили с предписанием прибыть в Магадан. После всех процедур они с лейтенантом вышли на улицу. Лейтенант — в кабину, а Королев в кузов.

Он попрощался с бывшими соседями по бараку.

— Ты погляди на себя, академик, — вдруг обратился к нему один из зэков. — Ведь в таком наряде дуба дашь.

И действительно, на нем была телогрейка, ватные штаны, полусырые валенки да шапчонка на одно ухо.

— На, держи, — сказал зэк, снял с плеча полушубок, и кинул его в кузов Королеву.

Сергей Павлович всю жизнь себя корил за то, что не узнал имени того, кто, вероятно, спас его от гибели в кузове.

При чем здесь воспитательная роль литературы?

А вот как мне это видится.

Когда-то, может быть, в детстве, в школьные годы, этот самый зэк либо сам читал, либо кто-то ему читал главу из «Капитанской дочки» Пушкина — «Заячий тулупчик». Ведь тогда Петр Андреевич Гринев, несмотря на брюзжание Савельича, дал вожатому, коим, как мы знаем, оказался Пугачев, свой заячий тулупчик, чтобы тот не околел в буранной морозной ночи.

Тронувший сердце мальчика поступок героя не улетучился с годами, а замер там и ждал своего часа, чтобы неожиданно и во время сработать в человеке. Это-то и можно считать результатом воспитательного воздействия литературы. По-моему…

249

Однажды Алексей Николаевич Толстой, оказавшийся в Тбилиси, был приглашен на какие-то семейные торжества.

Его очень радушно встретили. Усадили на почетное место за столом. И в его честь хозяин дома произнес тост, в котором были и такие слова:

— Мы от души приветствуем на нашей земле и в нашем доме классика русской литературы. Особенно мы любим ваш роман «Война и мир».

Тут Алексей Николаевич громко произнес:

— А я еще и «Мертвые души» написал.

— Вот этого я еще не прочитал, — стеснительно произнес хозяин застолья…

250

Сейчас мало кто помнит поэта Сергея Яковлевича Надсона. А в 80-е годы XIX века им зачитывались. Знали его стихи наизусть. Однако вскоре его популярность исчезла, а имя почти забылось. И в доказательство этого Константин Георгиевич Паустовский поведал о случае, происшедшем в чайной на Греческом базаре в Одессе, где он оказался с Эдуардом Багрицким. Там их застал старый нищий, которого многие знали, потому что просил он милостыню не так, как другие. И только в чайных. Появляясь в дверях, он тут же слал проклятия посетителям:

— Где же ваша совесть, если вы люди?! Сами сидите, жуете хлеб с жирной брынзой и делаете вид, что не замечаете голодного человека. Узнала бы ваша мама, на что вы стали похожи! Она бы со стыда сгорела от такого нахальства. А вы чего отворачиваетесь от меня, товарищ? Вы же не глухой? Успокойте свою черную совесть и помогите старику…

Говорили еще, что этот старик так много зарабатывает на милостыне, что на выручку ведет свой бизнес…

Услышав крики старика, Багрицкий встрепенулся:

— Вот, наконец-то, он мне попался. Подойдет, ему будет плохо.

— А что будет? — спросил Паустовский.

— Увидишь! Только бы подошел к нашему столику.

Между тем старик надвигался на них неумолимо.

— Когда же проснется совесть у этих молодых людей?! — закричал он. — Это же посмотреть со стороны: сами едят и не дают старику!

И тут встал Багрицкий и со слезами в голосе проникновенно начал читать: «Друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат, Кто б ты ни был не падай душой…»

Старик осекся и уставился на Багрицкого. Глаза его побелели. Потом он начал отступать. А при словах: «Верь, настанет пора и погибнет Ваал», повернулся и, опрокинув стул, побежал к выходу из чайной.

— Вот видите, — лицо Багрицкого стало серьезно, — даже одесские нищие не выдерживают Надсона!

Чайная ответила ему громким хохотом…

251

С поэтом Владимиром Семеновичем Жуковым я познакомился на совещании молодых литераторов, проходившем на гостеприимной Костромской земле. Он руководил поэтическим семинаром.

Скромный, спокойный человек. Но в нем ощущалась внутренняя сила. Завязанные в узлы скулы, крутой подбородок и стальной блеск в серых глазах. Истоком этой силы была, как мне представляется, суровая школа войны, которую он прошел по полной программе. Сначала воевал на Карельском перешейке во время финской кампании. Затем всю Великую Отечественную был пулеметчиком. Он хорошо представлял себе эту опасную военную профессию:

С железной рукояткой пулемета
он не снимал ладоней в дни войны…
Опасная и страшная работа.
Не вздумайте взглянуть со стороны.

Эхо войны звучит и в его первых сборниках «У меня на родине», «Сквозь радугу», «На уровне сердца»…

И вот, спустя несколько лет, я встретил Владимира Семеновича в книжной лавке писателей на Кузнецком мосту.

Он стоял, держа в руках книгу писателя, известного тем, что тот возглавлял одно из московских книжных издательств. И пользуясь этим, издавал ежегодно по одной, две книги в других издательствах.

К Жукову подошел, видимо, его знакомец, взглянул на книгу, которую просматривал Владимир Семенович, и сказал:

— Смотри, а этот-то очередной том выпустил в свет!

Закрыв книгу, Жуков спокойно ответил:

— Не в свет выпустил, а пустил по миру…

Поэта Виктора Аркадьевича Урина я видел дважды.

Один раз в издательстве «Молодая гвардия», когда он выступил перед коллективом с предложением создать всемирный журнал «Глобус», в котором должны были, по его представлениям, печататься поэты всех стран мира и редактором которого будет он.

И второй раз в ЦДЛ, когда на одном из собраний он гневно обвинял коллег в том, что они терпят «ильилинчевание» себя в стенах Правления Московской писательской организации. При этом он имелв виду секретаря по оргвопросам В.Н.Ильина, в прошлом генерала-лейтенанта КГБ.

Об этом эпизоде я рассказал Владимиру Кирилловичу Карпеко, которого многие знали по песням к кинофильмам, особенно по песне «Я сказал тебе не все слова». Кстати, о поэте Карпеко я не раз писал в периодике. Утверждал, что его поэзия взросла как-бы на биографии его души. А душа вобрала опыт фронтового разведчика, не раз и не два раненого. Как этот опыт можно ощутить в ткани стихов? Вот, скажем, одно из лучших его стихотворений:

Осенний лес накрыт тяжелой тучей.
Осинок тонкоствольных голытьба
окружена шиповником колючим,
как чья-то позабытая судьба.

И редко-редко, как надежды промельк,
два-три листочка желтых ловит взгляд.
Они, случайно задержавшись в кроне,
как солнечные зайчики висят.

Рябины на ветру пылают ярко.
Огнем их перекрыты все пути.
И хочется из этого пожара
кого-то безымянного спасти.

Вот в этих аккордных строках и выявляется душевный опыт человека, прошедшего через огонь Великой Отечественной…

Так вот Владимиру Кирилловичу я и поведал о Викторе Урине. Карпеко улыбнулся:

Ну я-то знаю неуемную энергию и немного скандальную

натуру Виктора. Причем у него столько энергии, что его вполне можно подключать к единой энергосистеме страны. Ты знаешь ведь, что он проехал по всей стране на своей машине — не то на «Москвиче», не то на газике и регулярно помещал репортажи с трассы путешествия в периодике. Кроме того собрался совершить авиаперелет над страной на персональном вертолете.

Да, да. Почему я об этом знаю? Да нам в секции поэзии пришлось заниматься проблемой уринского вертолета. Возглавлял тогда секцию Ярослав Васильевич Смеляков.

— А почему это вы занимались вертолетом? — подивился я.

— А ты что ж не знаешь, что любой бумаге, написанной на верх, у нас дают зеленый путь по инстанции вниз. Он обратился в Совмин, на имя Алексея Николаевича Косыгина. Из канцелярий Председателя Совмина бумагу переслали в какое-то управление Министерства авиапромышленности. Там глянули: откуда письмо? Из Союза писателей? И отправили его в Союз, чтобы в самой творческой организации разобрались с просьбой их члена. Ну, а Секретариат Союза направил письмо Урина в Московскую писательскую организацию. А стало быть, в секцию поэзии.

— И чем же закончилось ваше заседание по существу запроса поэта Виктора Аркадьевича Урина?

— Предложением Ярослава Васильевича. Он сформулировал его так: пусть Урин вставит себе пропеллер в жопу и изображает из себя летающий вертолет…

253

Среди посетителей сатирического журнала «Бегемот», в котором работал Михаил Михайлович Зощенко, было немало и представительниц прекрасного пола. Влекло их не только желание напечататься, но и возможность увидеть, что называется живьем, классика смешного жанра.

— Однажды, — рассказывал Владимир Поляков, — в редакцию пришла девушка лет семнадцати, очень похожая на гимназистку. Так описал ее сам Михаил Михайлович. Стесняясь, она спросила: «Михаил Михайлович, можно я оставлю вам рассказ. Почитайте. А дня через три я приду за ответом».

Так и случилось.

При встрече с девушкой Зощенко спросил:

— Скажите, вы раньше сочиняли что-нибудь сатирическое?

— Сочиняла.

— И много у вас сочинено?

— Немного. Рассказов штук сорок.

— Вот как. И что же вы с ними делали? — продолжал спрашивать Зощенко.

— Читала родным и знакомым.

— Что же они говорили?

— Разное, — ответила девушка. — Один дядя посоветовал прекратить это пустячное дело, а другие советовали обратиться к врачу, желательно по нервным болезням.

— И вы знаете, — закончил свой рассказ об этом свидании Михаил Михайлович, — я чуть было с ней не зарегистрировался, но время вспомнил что к тому времени уже был женат…

254

Ребята в журнале «Сельская молодежь», который возглавлял Олег Максимович Попцов, рассказывали про своего шефа, что он пришел в журнал из ЦК комсомола, где был одним из руководителей отдела агитации и пропаганды.

А до этого Попцов возглавлял Ленинградский сельский обком ВЛКСМ.

И отличался как руководитель тем, что очень любил выступать перед самыми разными аудиториями. Он много ездил по области. И когда в том или ином колхозе узнавали, что приедет Попцов, местные начальники тут же собирали сельский сход.

Тогда-то, видимо, и родилась эта эпиграмма на комсомольского вожака:

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
— Тятя, тятя… В сельсовете
Выступление Попца…

255

Из рассказов Василия Петровича Рослякова.

Главные редакторы столичных журналов «Москвы» Евгений Поповкин, автор известного в свое время романа «Семья Рубанюк», и «Огонька»— Анатолий Софронов решили взять с собой в Ростов-на-Дону на встречу с первым секретарем обкома партии поэта Александра Яшина, который в годы хрущевской «оттепели» неожиданно прогремел в читающей публике своими «Рычагами». В рассказе вскрывалась двойная мораль сельских коммунистов. Одна — для личных разговоров по существу жизни, другая — для трибуны, с которой о тех же проблемах говорилось в строгом соответствии с вышестоящими установками…

И вот они в обкоме, в отдельном уютном кабинете. Стол уставлен самыми изысканными яствами.

Секретарь обкома на правах хозяина душевно приветствовал гостей, предложив первый тост за их здоровье.

Ему отвечали такими же добрыми словами.

Прошло какое-то время и вдруг в кабинете послышался яшинский голос:

— Наворовал, помашь. Что он из свово кармана что ли такой-то стол накрыл?! А рыбка-то, а?! Таку и не видывал. Хоть детишкам показать…

И стал брать со стола копченую и вяленую рыбу и рассовывать по карманам.

На урезонивание товарищей продолжал настаивать:

— А что?! — Неправду что ли говорю?! Наворовал, конечно… Тогда к нему подсели два умельца в штатском, под руки вывели из кабинета, усадили в машину и отправили автора «Рычагов» очередным рейсом аэрофлота в столицу…

256

Среди писателей, отдыхавших и работавших в Доме творчества в Дубултах долгое время ходил такой рассказ.

Якобы однажды в лифте между пятым и шестым этажами застрял Александр Борисович Чаковский, бывший в то время главным редактором «Литературной газеты».

Услышав его призывы о помощи: «Вытащите меня отсюда!», «Позовите немедленно монтера!», «Какое безобразие!», поэт Григорий Михайлович Поженян срочно спустился на первый этаж и встал возле дверей лифта.

Вскоре призывы Чаковского о помощи были услышаны в администрации. На выручку главного редактора «Литературки» пришел рабочий-электромонтер.

Поженян подозвал его к себе и, протянув ему десять рублей, сказал:

— Иди и выпей за наше с тобой здоровье. А дядя, что кричит сверху, пусть еще посидит. Я за ним послежу, не волнуйся! Он многих заставлял сидеть в приемной. Пусть сам узнает, что значит заставлять людей ждать приема. Причем им даже голоса подать было нельзя. Сидели и ждали молча. Иди, иди, а он пусть покричит. Это ему полезно.

Монтер ушел…

Лишь через часа полтора Чаковский добрался до нужного ему седьмого этажа и оказался в своем номере…

257

В 1831 году в противовес появившемуся роману М.Н.Загоскина «Рославлев, или русские в 1812 году», окрашенному в тона «официальной народности», А.С.Пушкин начинает писать на тот же сюжет одноименный роман «Рославлев», в котором на фоне Отечественной войны 1812 года резко ставит проблему истинного патриотизма.

Перед нами типичные представители допожарной Москвы, ближайшие родственники Фамусова и его окружения. В обществе заезжей иностранной знаменитости, «сочинительницы Коринны» — мадам де Сталь — они теряют всякое чувство национального и личного достоинства. Но как только получили известие о вторжении Наполеона, опасаясь угрозы своему личному достоянию, все внезапно оказались ярыми «патриотами». Пушкин саркастически представляет нам этот «патриотизм».

«Кто высыпал из табакерки французский табак, и стал нюхать русский; кто сжег десяток французских брошюрок; кто отказался от лафита и принялся за кислые щи. Все заклялись говорить по-французски; все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни».

Любопытным представляется упоминание о кислых щах. И прежде всего вот почему.

«Кислые щи» — название особого рода, особого сорта шипучего кваса, очень популярного в старину у москвичей. Отсюда берет свое начало выражение «квасной» патриотизм. Этому «квасному» патриотизму дворянской верхушки общества — тех, кто, призывая к народной войне, спешил скрыться от французов в своих дальних имениях, Пушкин противопоставил подлинный героизм русского народа, не останавливающегося ни перед чем во имя спасения Родины.

О «квасном» патриотизме читаем и в записках П.А.Вяземского: «В этом патриотизме нет большой беды. Но есть и сивушный патриотизм; этот пагубен: упаси Боже от него! Он помрачает рассудок, ожесточает сердце, ведет к запою, а запой ведет к белой горячке. Есть сивуха политическая и литературная, есть и белая горячка политическая и литературная»…

258

О Николае Глазкове вспоминал поэт Николай Константинович Старшинов.

— Однажды, — рассказывал он, — в «Литературной газете» я встретил Николая Глазкова, который немедленно сообщил: «Вычитывал гранки моего перевода Гоголя с хинди».

На недоуменный взгляд Старшинова отреагировал так:

— А ты знаешь, что на днях будет его юбилей? И вот я перевел стихи о Гоголе с хинди.

— Откуда ты знаешь, что стихи, о которых ты говоришь, написаны на хинди?

— Откуда?! Недавно шел по Москве и встретил знакомого индуса, который учится в университете. Я тут же его спросил: «Скажи, Нанк, ты написал стихи к юбилею Гоголя?» Тот ответил: «Нет. И вообще в жизни я стихов не писал и не пишу». «Тогда иди за бутылкой вина, а я тем временем займусь переводом твоих стихов». Нанк пошел в магазин, а я стал его «переводить».

— Николай говорил об этом настолько серьезно, — продолжал Старшинов, — что если бы не ситуация, обрисованная им, можно было бы и не понять его шутки.

— Ну и что, в «Литературке» опубликовали стихи Нанка в переводе Николая Глазкова? — спросил я у Старшинова.

Николай Константинович улыбнулся:

— К счастью, нет. Текст у меня был, но где-то затерялся. Помню только начало. Как там? Ага, вот:

Николай Васильевич Гоголь
За хребтами Гиндукуш
В наше время очень много
Расплодилось мертвых душ…

259

В Доме творчества Коктебель для малышей была организована игровая площадка «Ромашка», куда молодые родители приводили своих чад. Тут с ними занимались, их развлекали. А вот ребята постарше оставались без присмотра.

И тут нашелся человек, который во время своего пребывания в доме творчества объединил мальчишек интересной игрой. Этим человеком был поэт Аршак Тер-Маркарьян. Вместе со своим сыном Егоркой он с утра собирал на пляже «наличный состав» ребятни, строил их и объявлял:

— Сегодня начинаются большие маневры: военные учения. В них примет участие и наша Отдельная Дальневосточная десантно-пулеметная гвардейская орденов Суворова и Кутузова бригада. Вы составляете ее главное ядро и являетесь ротой разведчиков. Противник еще на подходе. А наша с вами задача обнаружить не территории Дома творчества особо захламленные места, обозначить их и доложить уборщицам территории. Мусор — это место сосредоточения сил противника. Засекая такие места, мы узнаем, где противник готовится нанести нам удар. Когда мусор будет убран, противник лишается опознавательных знаков для своего сосредоточения.

После непродолжительной паузы Аршак Арсенович продолжал: — А поскольку разведчикам надо быть быстрыми и ловкими, они должны хорошо бегать, прыгать и плавать… Дальше начиналась спортивная подготовка.

Мальчишки с удовольствием прыгали, бегали, ныряли, играли в воде в мяч.

А с берега доносился голос поэта Тер-Маркарьяна:

— Молодцы, десантники-пулеметчики, орденоносцы дальневосточники! Враг будет разбит! Победа будет за нами!..

А вскоре к писательским мальчишкам стали присоединяться и местные. Задания усложнялись. Игры становились двусторонними. По утрам, после завтрака, на берегу торжественно происходило награждение особо отличившихся разведчиков-гвардейцев символическими орденами и медалями. Ритуал этот вызывал интерес не только у самих ребят, но и у их родителей…

Вскоре слух об учениях или маневрах Отдельной дальневосточной десантно-пулеметной гвардейской дивизии был разнесен местными мальчишками по поселку. Почему я об этом говорю? А вот почему.

Однажды на рынке подслушал разговор двух местных

старушек.

— Ты знаешь, была такая хорошая зеленая полянка, куда я водила свою козочку пастись. А тут привела… Господи! Словно табун прошел… Все вытоптано, помято.

На жалобу старушки вторая спокойно сказала:

— А чему ты удивляешься?! Небось, маневры прошли?

— Что еще за маневры?

— А ты что ж, не слыхала? Какая-то пулеметно-диверсантная бригада проводит учения. С утра до вечера. Мой внучок цельными днями на них пропадает.

— Вон оно как, — вздохнула старушка. — Война она и была-то всегда бедой…

Я не стал рассказывать Аршаку Арсеновичу подслушанный разговор. Зачем было нарушать очередной торжественный ритуал награждения особо отличившихся десантников, гвардейцев, пулеметчиков…

260

Поэт Николай Егорович Агеев, автор прекрасной поэмы «Огни на Чусовой», рассказывал о том, как они, группа сотрудников и авторов журнала «Октябрь», побывали в Краснодарском крае во время предподписной кампании. Вместе с ними в поездке был и член редколлегии журнала известный писатель Семен Петрович Бабаевский. Известность ему принесли его романы «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей», написанные по законам соцреализма и отмеченные Сталинскими премиями 1-й и 2-й степени. Позже о них говорили как о классических образцах «лакировки действительности» и теории бесконфликтности.

Ко времени поездки, о которой рассказывал Николай Агеев, у Бабаевского было немало произведений, в которых он откликался на происходящие в обществе процессы критики культа личности, выступления против волюнтаризма и пр. Именно этих проблем касался Бабаевский в романах «Сыновий бунт», «Родимый край», «Белый свет».

На Кубани его хорошо знали. И поэтому решили, что его присутствие в бригаде журнала «Октябрь» позволит увеличить число подписчиков издания на следующий год…

Разместившись в номерах гостиницы, в назначенное время спустились в вестибюль, чтобы вместе пойти поужинать в ресторане.

Выбрали удобный стол, расселись.

И тут Семен Петрович предложил:

— Заказывайте, ребята, все, что каждому из вас хочется!

Его слова восприняли с энтузиазмом. Решили, что классик угощает их в своем родном городе.

Вскоре подошла официантка и едва успевала записывать заказы.

Очередь дошла до Семена Петровича.

— А мне, пожалуйста, манной кашки, стакан теплого молока и бутылочку «Боржоми».

Ребята поначалу как-то скисли, услышав заказ мэтра, но не расстроились: мало ли что человек ест на ужин!

Разлили по рюмкам лучший из имевшихся в ресторане коньяк, провозгласили тост за Семена Петровича, за его Кубанскую Музу, за его родную и щедрую землю.

Он был растроган. Поблагодарил «октябрят».

Вскоре он завершил трапезу и подозвал официантку:

— Посчитайте мне, пожалуйста.

— За все? — спросила она.

— Нет. С меня за кашу, за молоко и бутылочку «Боржоми», которую я возьму с собой в номер.

Стол затих. Ребята онемели. То ли от удивления, то ли…

— С вас два рубля восемьдесят копеек, — оказала официантка и подала счет.

Семен Петрович вытащил из кармана трешник и положил на стол.

Официантка взяла три рубля и сдала Семену Петровичу двадцать копеек.

— Нет, это возьмите себе, — щедро отодвинул двугривенный Семен Петрович.

— Нет уж, возьмите, — официантка была непреклонной.

Пожелав всем приятного застолья, «виновник» столь щедрого на угощения ужина удалился с бутылкой «Боржоми».

Как только Бабаевский скрылся, за столом зазвучали бунтарские мотивы: «Подсадил же нас старик!», «Ну и жмот! Заказывайте себе все, что хотите! Я плачу!», «Плачу не было», «Но подразумевалось!» «Не надо было его отпускать!»…

В общем ребята оставили за ужин почти все наличные, которые были получены по командировочному предписанию.

— Обидно было… Особенно под градусом! — признавался Николай Егорович. — Варианты мести мелькали в моем воспаленном мозгу. И тут на глаза мне попалась двадцатикопеечная монета, ставшая свидетельницей происшедшего.

Я взял двугривенный, спросил у ребят, в каком номере остановился Семен Петрович и во втором часу ночи направился к нему.

Номер оказался закрытым изнутри.

Осторожно постучался.

Никакого ответа.

Стал стучать посильнее.

Наконец, послышался испуганный голос:

— Кто там? В чем дело?

— Семен Петрович, на минутку вас можно?

— А кто это?

— Агеев.

Дверь открылась. Появилось заспанное лицо Бабаевского.

Вот официантка велела вам передать сдачу, протянул я ему двугривенный.

Взяв его, Семен Петрович сердито заметил:

— Что уж до утра нельзя было подождать?!..

261

Николай Глазков учился в семинаре Ильи Львовича Сельвинского.

И вот однажды руководитель семинара, оставшись наедине с учеником, со вздохом сказал ему:

— Счастливый вы, Коля!

— Чем же я счастливый, если живу не за счет литературного труда, а пилкой и колкой дров?

После паузы Сельвинский ответил:

— А тем, Коля, вы счастливый, что можете писать все, что хотите!..

262

Алексей Максимович Горький вспоминал, как застал однажды у Чехова молодого учителя.

Сначала гость говорил шибко умными словами. Но постепенно, общаясь с Чеховым, «оттаял» и признался:

— Шел я к вам, будто к начальству — с робостью и дрожью, надулся, как индийский петух, хотел показать вам, что, мол, и я не лыком шит… А ухожу вот — как от хорошего, близкого человека, который все понимает. Великое это дело — все понимать! Спасибо вам! Иду. Уношу с собой хорошую, добрую мысль: крупные-то люди проще и понятливее, и ближе душой к нашему брату, чем вое эти мизеры, среди которых мы живем. Прощайте! Никогда я не забуду вас…

Нос у него дрогнул, губы сложились в добрую улыбку, и он неожиданно добавил:

— А собственно говоря, и подлецы — тоже несчастные люди, — черт их возьми!

Когда он ушел. Антон Павлович посмотрел вслед ему, усмехнулся и оказал:

— Хороший парень. Недолго проучит…

— Почему?

— Затравят… Прогонят… Подумав, он добавил негромко и мягко:

— В России честный человек — что-то вроде трубочиста, которым няньки пугают маленьких детей…

263

Рассказывали о скандале, который произошел в Доме литераторов при обсуждении романов Николая Шпанова «Заговорщики» и «Поджигатели». Обсуждение проходило вяло, неинтересно.

В зале были учителя, библиотекари, старшеклассники.

И тут неожиданно в зале появилась писательница Александра Яковлевна Бруштейн, известная своими пьесами для детей — «Голубое и розовое», «День живых», «Так было». Но наибольшую известность принесли ей три повести «Дорога уходит вдаль», «В рассветный час», «Весна». Основаны они были на впечатлениях детства героини Сашеньки Яновской, которой много «подарено» было из жизни самой Александры Яковлевны.

Была Александра Яковлевна женщиной экспрессивной, «заводной», умевшей расшевелить любую аудиторию.

Увидев ее в зале, организаторы обсуждения романов Шпанова тут же бросились к ней: выручайте, выступите от имени писателей.

— Ну, от имени писателей я выступать не собираюсь, — тут же заявила Александра Яковлевна. — А потом… Учтите, я ведь всегда могу наговорить чего-нибудь такого…

— Вот этого-то как раз и нужно для остроты разговора..

И не ведали организаторы мероприятия на что они подвигнули Бруштейн, которая согласилась выручить их в создавшейся ситуации.

Выйдя на сцену, она сказала:

— Уважаемые товарищи. Я родилась в Вильно, в Литве. И там в годы моей юности бытовал такой анекдот. По дороге шел ксендз. Он увидел, что крестьянские дети старательно лепят из навоза нечто, похожее на костел. Это тронуло его до глубины души. Не выдержал он, остановился и сказал: «Какие же вы замечательные и набожные дети. И костел у вас такой замечательный получается! А вот будет ли в костеле ксендз?»

Дети хором ему ответили: «Если говна хватит, то и ксендз будет».

Так вот у Шпанова в «Заговорщиках» и «Поджигателях» говна на все хватило…

Павел Ильич Лавут, известный антрепренер, организатор выступлений Маяковского, о чем написал книгу «Марковский едет по Союзу», обратился к Михаилу Михайловичу Зощенко с предложением организовать и его поездки по стране с вечерами встреч с читателями.

Маршак и Чуковский, с которыми он поделился своим решением, в один голос заявили, что у него ничего не выйдет из задуманной затеи, потому как Михаил Михайлович даже в Ленинграде-то практически не выступает.

Тем не менее Лавут не отступил от своего решения.

Приехав в город на Неве, он тут же помчался к Зощенко.

После приветствий сразу же выложил Михаилу Михайловичу свой грандиозный замысел.

Выслушав гостя, Зощенко заметил:

— Цели-то благие, но не для меня. У вас мерило — Маяковский, трибун, оратор. А я со своим тихим голосом совсем не гожусь для такого дела. Да еще с афишами! Нет, нет!

Тогда Лавут начал рассказывать о Маяковском, который очень любил творчество Зощенко, даже рекомендовал больше печатать его, в частности, в «Огоньке», чтобы повысить тираж издания.

Прервавшись, Лавут спросил:

— Михаил Михайлович, вы помните стихи Маяковского «Фабриканты оптимистов»?

— Еще бы! Ведь я там упоминаюсь.

Действительно, там были такие строки:

> И рисуется ее глазам уж,
> что она
> за Зощенку
> выходит замуж.

— А знакомо ли вам другое название этого стихотворения?

— Почему другое? — спросил Михаил Михайлович.

— Афишное. В духе Маяковского. Он ведь особо формулировал свои афиши. Так вот на афише значилось: «Замуж за Зощенку!»

Видимо, этот пассаж возымел свое действие.

— Вы меня почти уговорили, — сказал Зощенко. — Меня смущают, по правде говоря, мой неровный характер и мои

хворобы. Боюсь вас подвести… Но была не была — согласен! Только в случае аварии пеняйте на себя!..

265

Писатель Лев Владимирович Никулин вспомнил эпизод из жизни Александра Ивановича Куприна, который лучше всяких слов характеризовал душу этого удивительно одаренного художника слова.

Александр Иванович как-то был приглашен в гости к своим давним знакомым.

В прихожей его встретила девочка лет шести или семи в пышном платье, с бантом на головке и с собачкой на поводке. Она сделала книксен и сказала:

— Александр Иванович, у меня есть альбом, в котором я собираю автографы знаменитых людей. Будьте любезны, оставьте и вы мне свой автограф.

— Непременно оставлю. Разве я могу отказать просьбе столь очаровательного создания. Только нам надо уединиться.

— А пойдемте ко мне в детскую.

Оказавшись в детской, Куприн уселся в предложенное ему кресло, взял из рук девочки альбом и, немного подумав, начертал: «Девочка и собачка». Внизу вывел: «Драма. В одном действии, в одном явлении, в одной картине…»

Еще ниже вывел:

«Действующие лица:

девочка

собачка.

Действие первое и последнее.

Явление первое и последнее.

Картина первая и последняя.

Девочка: Собачка, собачка, куда ты бежишь?

Собачка: Куда я бежу, никому не скажу…»

266

В семидесятых и восьмидесятых годах минувшего века проходило немало выездных мероприятий Союза писателей СССР, посвященных то ли юбилею революции, то ли годовщине какого-либо классика национальной литературы.

Как правило, на эти совещания приезжало немало известных писателей, завязывались новые знакомства, устанавливались творческие контакты.

Заседания, как правило, проходили при полупустых залах.

Но с утра все считали своим долгом засвидетельствовать свое наличие среди участников. Приходили нередко невыспавшимися после ночных бдений в дружеских компаниях. Или же изрядно посиневшие от излишнего приятия спиртного. Обменивались рукопожатиями и нередко сопровождали этот ритуал какими-то каламбурами на счет проведенного застолья или же демонстрировали собственные сочинения на сей счет.

В частности, запомнил слова поэта Владимира Барсова:

Здоровья нет
Здоровье только снится!
Пора, мой друг, пора
Опохмелиться!..

В ответ кто-то из товарищей по поэтическому цеху поддержал творческий вызов Фирсова и с пафосом прочитал:

И жизнь покажется широкой,
Дорога дальняя легка,
Когда запьешь томатным соком
Грамм полтораста коньяка…

267

Василий Петрович Росляков рассказал о происшедшим с ним во время поездки в Ленинград.

Он сел в спальный вагон.

Вскоре в купе вошел его сосед — вице-адмирал.

Познакомились.

Когда поезд тронулся, они заказали ужин. Выпили на ночь доброго вина. Пожелали друг другу спокойной ночи.

Укладываясь, вице-адмирал заметил:

— Василий Петрович, вы извините, но иногда во время сна я позволяю себе похрапывать. Так вы не церемоньтесь. Можете толкнуть или попросить не храпеть. И я тут же прекращу.

— Да ничего, — отозвался Василий Петрович и тут же уснул…

После паузы Росляков продолжил рассказ:

— Уж не знаю почему я проснулся, но мне показалось, что кто-то пристально на меня смотрит.

Действительно. На коленях передо мной стоит вице-адмирал, скрестив руки на груди, и жалобно повторяет: «Василий Петрович, Василий Петрович, умоляю — не храпите!»..

268

Был такой известный дагестанский писатель Гафур Гулям. Это на него, говорят знающие люди, нередко ссылался Расул Гамзатов, когда говорил в своей знаменитой книге «Мой Дагестан» — «Абуталиб сказал».

Так вот однажды Гафур Гулям обратился к группе столичных литераторов:

— Вы люди умные и поможете мне, старику, разобраться в одном важном деле… Разрешите мое недоразумение…

Понимаете. У меня есть сын. Хулиган, конечно. Украл у меня орден Ленина и пропил его. Мне все говорят: «Плохо ты его воспитал». А вот дочь у меня замечательный человек. Труженица. За ударную работу наградили ее орденом Трудового Красного Знамени. Говорят: «Партия воспитала». Не пойму, почему так говорят, объясните мне, старику…

269

Лев Андреевич Ющенко, автор известного рассказа «Неподсуден», по которому режиссеры В.Усков и В.Краснопольский сняли одноименный фильм, в начале 1950-х годов работал в «литературной газете».

Однажды он находился в кабинете главного редактора, а им в то время был Константин Михайлович Симонов, и стал свидетелем его знаменитого разговора по вертушке с Михаилом Андреевичем Сусловым. Вертушка усиливает звук и по голосу он узнал знаменитое «оканье». В трубке зазвучал вопрос:

— Кто автор передовой статьи в «Литературной газете», где говорится, что вся наша литература отныне должна быть посвящена Сталину и задача писателей создать полнокровный образ вождя?

Симонов ответил, что это он сам автор статьи.

— Я так и подумал, — заметила трубка и замолчала…

А вскоре Константин Михайлович был снят с должности и отправлен в Ташкент специальным корреспондентом «Правда». Уезжал он, конечно же, с осознанием того, что так ответили вышестоящие товарищи за его вольность в определении текущего момента в жизни страны и отечественной литературы.

Доброхоты говорили, что Симонов уехал с уверенностью, что он вернется в столицу на белом коне и главой Союза писателей СССР. Даже ходили такие строки:

Жди меня
И я вернусь
Снова в литвожди…

В Ташкенте вокруг Симонова образовалась группа писателей, недовольных тем\ , что Союз писателей Узбекистана возглавляет функционер Шараф Рашидов, посредственный стихотворец. Последнее время с помощью нанятых литературных работников он «пек» романы. В частности, роман «Сильнее бури», в котором была выведена юная активистка, поднявшая колхозников против старых порядков.

Говорили, что Симонов в срочном порядке создает «перевод» повести Абдаллы Каххара «Птичка-невеличка», в которой как бы повторяются все коллизии рашидовского сюжета. В «Новом мире» срочно сверстали повесть А.Каххара, что должно было свидетельствовать о «первородстве» повести по отношению к

роману…

И вот на очередном Пленуме большого Союза Константин Михайлович спокойно, но твердо критикует с трибуны деятельность Рашидова как первого секретаря узбекских писателей, находит слова критики в адрес «орнаментального» стиля его произведений, которые питаются теми находками, что принадлежат его коллегам, и в частности он назвал повесть А.Каххара, показав участникам Пленума верстку «Нового мира».

В это время по залу в президиум Пленума пошла по рядам записка. Она оказалась в руках Алексея Суркова, председательствовавшего на заседании. Прочитав ее, он тут же передал записку Симонову. Глянув в нее, Симонов продолжил выступление:

— И вот я говорю, что узбекские писатели совместными усилиями и опираясь на опыт других литератур страны, прежде всего на опыт русской литературы, преодолевают многословность, орнаментальность, что подтверждает не только повесть, о которой я вам только что говорил, но и роман Шарафа Рашидовича Рашидова «Сильнее бури».

— Многие тогда переглянулись, — завершил свой рассказ Лев Андреевич Ющенко, — переглянулись, не поверив в услышанное. А между тем все объяснялось содержанием записки. Она содержала такую информацию: «Зачем же вы критикуете прозу человека, который сегодня избран первым секретарем Узбекской коммунистической партии?»..

270

Однажды в отдел поэзии журнала «Молодая гвардия» зашел известный поэт-песенник Сергей Григорьевич Островой и предложил заведующему отделом Геннадию Серебрякову папку с новыми стихами.

— Давно у вас не печатался. Чувствую себя в неоплатном долгу, — сказал он при этом.

Серебряков тут же начал листать стихи, собранные в папке.

Прошло некоторое время.

Закончив просмотр, Серебряков сказал:

— Вы не обижайтесь, Сергей Григорьевич, но это не лучшие ваши стихи.

— Что значит не лучшие? Например…

— Ну вот хотя бы это:

Весенний гром
Бежал с ведром
И вдруг растаял
За бугром.

Прочитав эти строки Острового, Серебряков продолжил:

— Простите, Сергей Григорьевич, но право же, такие стихи можно писать и писать сколько угодно.

— Ну, попробуй.

— Только, опять же прошу, не обижайтесь. Вот нечто в таком роде:

Бежал с баулом
Островой.
И вдруг исчез.
Пророс травой…

Шум долго еще слышался в коридоре, по которому шел Островой жаловаться главному редактору Анатолию Степановичу Иванову на заведующего отделом поэзии.

Рассказывал Михаил Семенович Бубеннов.

— Когда умер Сталин, мне позвонил главный редактор «Правда» и пригласил в редакцию газеты к таким-то часам.

Приехал.

А в редакции уже собралось немало московских писателей.

В конференц-зале перед нами выступил Суслов, сообщивший о смерти вождя. И я уловил в его интонации некую радость. Я отчетливо помню, что именно с этой интонацией он говорил о народной скорби, о том, что нам, писателям, надо найти нужные слова прощания с вождем и слова душевной поддержки народа в эту горестную минуту.

Потом он повелел правдистам развести нас по кабинетам, чтобы каждый из нас написал свое слово прощания и свое обращение к согражданам.

Сел я в каком-то кабинете, а ни о чем думать не могу — пустота. А в душе звучит сообщение о смерти Сталина, сделанное с радостной интонацией Сусловым.

Встал. Прошелся по коридору. Заглядывал в приоткрытые двери кабинетов. Все согбенно сидят за столами и строчат.

Увидев Аркадия Первенцева, зашел к нему.

— Ты что, уже написал? — спросил он меня.

Поведал ему в двух словах о своих ощущениях.

— А давай вместе. Я пишу, а ты меня редактируй и поправляй.

«Грамотей»-то он был известный.

Так мы и написали полторы странички прощания…

Собрали наши «сочинения», но они так и не увидели света.

В «Правде» была опубликована лишь телеграмма Михаила Шолохова «Прощай, отец»…

272

Заведующий отделом «Двенадцать стульев» в «Литературной газете» Виктор Васильевич Веселовский как-то спросил меня:

— А ты знаешь, как у нас в отделе зовут твоего приятеля критика Михаила Хананович Синельникова?

— Откуда же мне знать?!

— Его зовут «еврей Пржевальского»…

27 3

Василий Петрович Росляков предложил однажды Борису Андреевичу Можаеву:

— Давай я тебя познакомлю с Петром Федоровичем Юшиным. Прекрасный человек. Профессор в университете. Всерьез занимается Есениным. Во время войны был комиссаром.

— Отчего же не познакомиться, — согласился Можаев…

Когда я слушал этот рассказ из уст Рослякова, то был уже знаком с Борисом Андреевичем Можаевым. Мы жили по соседству и нередко встречались с ним. Он иногда делился своими воспоминаниями о предках-рязанцах, среди которых были и герои Бородинского сражения, за которое и были удостоены столь значимой фамилии.

После школы Борис Андреевич служил в армии на Дальнем Востоке, а в 1943 году его направили на учебу в Ленинградское высшее военно-техническое училище, находившееся в это время в Ярославле. Когда он кончал училище, оно уже было возвращено в Ленинград, ему предложили военно-инженерную должность на Дальнем Востоке, то есть в тех местах, где он проходил срочную службу. Можаев согласился.

Там он начал писать и публиковать первые свои сочинения в самых разных жанрах.

В 1954 году уволился из рядов армии и всерьез занялся журналистикой. Еще через несколько лет перешел на профессиональную работу писателя. У него вышло несколько сборников рассказов и очерков. Но они не очень-то были замечены текущей критикой. А вот когда в 1966 году в «Новом мире» была опубликована его повесть «Из жизни Федора Кузькина» Можаев стал всесоюзно известным писателем…

В этот-то момент и предложил ему Росляков поехать на Ленинские горы, где в одной из жилых зон высотного здания Университета находилась квартира Петра Федоровича Юшина.

Первые рукопожатия.

Приглашение к столу.

Первые тосты за знакомство.

— А сам-то откуда? — поинтересовался Юшин у Можаева.

— Из рязанских мест, — ответил тот и назвал село.

— Так я тоже из тех мест, но в вашем селе жили немцы… Никаких русских там не было. Мы так и говорили — немецкое… И ты выходит немец. Как это почему? Да потому, что так показать русского человека Федора Кузькина мог только немец.

— Да как же я его показал не так? — возмутился Можаев.

— А так… Ты только говно не заставил его жрать, — гремел Петр Федорович…

Возникла тяжелая пауза.

— Вася, так как же мне поступить в таком случае? — спросил Борис Андреевич у Рослякова.

— Да что вы, мужики, в самом деле, — встрепенулся Василий Петрович. — Не затем мы сюда пришли, чтобы ссориться. Давайте песни петь.

И он запел про горе-горькое, что по свету шлялося…

Его вскоре поддержали новые знакомцы.

И вечер знакомства прошел тепло и непринужденно…

А вот эпизод из жизни театра Сатиры, где была поставлена пьеса Сергея Владимировича Михалкова «Пена». Поставил ее дебютировавший в театре режиссер.

Во время премьеры после первого действия в антракте по фойе прогуливались Михалков и режиссер.

И тут мимо них публика буквально повалила в гардероб.

Режиссеру было стыдно наблюдать сцену массового ухода зрителей со спектакля.

Словно почувствовав его состояние, Михалков так отреагировал на происходящее:

— Смотри-ка… п-п— проняло!..

275

В практике аппаратных работников ЦК комсомола был распространен метод привлечения писательских кадров к написанию выступлений и докладов секретарей на пленумах и съездах.

— Однажды, — рассказывал Станислав Тимофеевич Романовский, заместитель главного редактора журнала «Сельская жизнь», — меня пригласили в сельхозотдел ЦК и попросили написать выступление для секретаря, ведавшего сельскими проблемами. Естественно, коротко изложили основные моменты, которые необходимо было затронуть в тексте.

После того, как он выполнил задание и отнес текст в ЦК, прошло два дня. И вот раздался телефонный звонок из отдела и просьба зайти к ним.

Романовский так ипоступил.

Помощник секретаря поблагодарил его за оперативную хорошую работу и попросил внести кое-какие уточнения и дополнения в текст выступления, с которым уже ознакомился секретарь и который в целом его одобрил.

Когда Романовский вернулся в свой кабинет и начал просматривать замечания по тексту, его больше всего привлекла одна пометка на полях. Предложение в тексте было подчеркнуто волнистой чертой, а на полях было начертано: «Эту мою мысль развить!»

276

Поэт Василий Шабанов, безвременно погибший от бандитских пуль под Ашхабадом, куда он ездил в составе многочисленной делегации, а потом, поддавшись на уговоры местных товарищей поехать на шашлык в горы, где и была расстреляна их машина неизвестными, работал инструктором отдела агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ.

Однажды он смеясь поделился:

— Знаешь, я в комсомоле научился новому спряжению глагола «писать».

— Любопытно. И как же оно звучит?

— А вот так: я пишу, ты пишешь, он /она/ пишет, мы пишем, вы пишете, они… выступают…

277

В конце 1960-х годов я близко сошелся с Вадимом Михайловичем Кожевниковым, который был главным редактором журнала «Знамя». Его книги давно вошли в обойму известных, а в эти самые 60-е все говорили о его новом романе «Щит и меч», и, кстати, по-разному оценивали это произведение.

Нередко я бывал у него в гостях: то в редакции, то в Переделкино на даче. Эти встречи наши были не случайны. Дело в том, что в издательстве «Советский писатель» мне заказали книгу о его жизни и творчестве.

Естественно, меня интересовали какие-то эпизоды из раннего творчества, интересным были его первые шаги в литературе. И он делился своими воспоминаниями…

Особо дорожил Вадим Михайлович тем, что в начале его пути ему встретился Александр Александрович Фадеев. С ним он познакомился в журнале «Красная новь», где Фадеев был главным редактором. Он увидел в молодом энергичном журналисте творческую жилку и всячески поддерживал его в творческих начинаниях. Иногда тактично критиковал за промахи.

— Прочитав мои «сочинения», Фадеев не правил их, а только спрашивал, указывая на какие-нибудь подчеркнутые им места: «Настаиваете?» И когда я спешно «не настаивал», а соглашался с редактором, Фадеев огорченно говорил: «Как же так, сразу?» И продолжал: «Ты же пишешь для того, чтобы в чем-то убедить, а сам не убежден в том, что написал. Если не убежден твердо, то зачем же тогда писать?»

Он посылал меня часто в командировки. Когда я вернулся из очередной со строительства Орско-Халиловокого комбината и привез очерк с пристрастным описанием всех производственных процессов, Фадеев, прочитав, угрюмо осведомился: «А кто это комбинат у тебя строит?» Иронически посоветовал: «Ну тогда хоть напиши в сноске — люди». Добавил грустно: «Что это ты? Был, а человека не приметил».

В то время в ходу были так называемые «чисто производственные» очерки, где восхищение техникой главенствовало в повествовании над всем другим.

В «Красной нови» уже был опубликован точно такой же мой очерк о строительстве первой чугуннозаливочной машины. Я тут же напомнил об этом Фадееву.

Он расхохотался и сказал: «Поймал!»

Но тут же посоветовал: «Ты такую бесчеловечину больше не пиши. Печатать хоть и будут, но это стрельба холостым

патроном».

Борис Андреевич Можаев имел обыкновение отрываться от занятий со своей «Волгой» ради беседы с подходившими к нему соседям. Во всяком случае я нередко имел такую возможность пообщаться со своим полным тезкой.

Во время таких бесед затрагивались самые разные вопросы. То речь шла о новой постановке в театре на Таганке, в художественный Совет которого он входил, то об очередной его командировке по сельской России в качестве специального корреспондента «Литературной газеты», то, наконец, о требовании Анатолия Рыбакова дать положительный отзыв на рукопись его романа «Дети Арбата». Словом, всего и не перечислить, о чем мы говорили во время подобных встреч.

Нередко Борис Андреевич высказывал и свои суждения о том или ином писателе.

В частности, вспомнилась его оценка писательских удач Юрия Полякова, известность которому принесли первые его повести «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками», «Сто дней до приказа».

— Способный юноша, — заметил Можаев. — У него талант интервьюера. Что-то такое колебнулось в жизни, он тут же уловил это колебание и выдал на сей счет не фельетон, не очерк, не эссе, а повесть. Таким, кстати сказать, талантом обладал Петр Дмитриевич Боборыкин. Его Зинаида Гиппиус называла «писателем-интервьюером». А Михаил Евграфович Щедрин при встрече с ним непременно справлялся: «Ну что ты там еще набоборыкал?»..

279

Поэт и художник, собиратель камней Виктор Михайлович Гончаров рассказал, как однажды в конце сороковых пришел к нему на огонек Николай Старшинов и застал у него в гостях Александра Трифоновича Твардовского. С ним Виктор Михайлович близко сошелся во время поездки группы писателей на Байкал. С того времени Александр Трифонович не раз приходил к нему в гости, погреться чайком.

Так было и на сей раз.

— В комнату вползали сумерки, — рассказывал Виктор Михайлович. — Свет не зажигали… И тут неожиданно Старшинов засмеялся.

— Ты что? — удивился такому поведению Старшинова Александр Трифонович.

— Вы не обижайтесь, — обратился к Твардовскому Старшинов, — вспомнил про сцену, которую вчера наблюдал в бибколлекторе, где поминали и вас.

— Ругали, что ли?

— Да нет.

— А чего же я должен обижаться?

— Это у меня вырвалось. Так вот между работником книжного прилавка и работником книготорга, который зачитывал предлагаемый в продажу список книг, происходил такой обмен мнениями.

— Мы даем вам Бубеннова, — говорил работник книготорга.

— Хорошо, — отвечал продавец.

— Паустовского.

— Хорошо.

— Жарова.

— Нет, не надо… Это стихи — махнул рукой книготорговец.

Работник книготорга продолжал перечень:

— Фадеева даем.

— Прекрасно.

— Леонова.

— Долматовского.

— Нет, нет… Это же стихи! — снова отмахнулся книготорговец.

— Идем дальше, — продолжал работник книготорга: — Федина.

— Хорошо.

— Панферова.

— Хорошо.

— Твардовского…

— Нет, не надо. Это опять стихи.

И тут работник книготорга возмутился:

— Ну, уж если, по-вашему, и Твардовский — стихи, то не знаю, что вам и предложить!..

— Видели бы вы, — завершил свой рассказ Гончаров, — как смеялся при этом сам Твардовский…

280

Кто-то из писателей поведал о том, как известный ныне Виктор Иванович Лихоносов, дебютировавший в литературе повестью «На улице Широкой», а затем выступивший с лирическими повестями «Люблю тебя светло» и «Осень в Тамане», заслужившими читательские симпатии, будучи студентом Краснодарского педагогического института решил поехать в Вешенскую, чтобы повидаться с великим современником и показать ему свои первые рассказы.

Узнав в Вешенской адрес Михаила Александровича Шолохова, пошел по нему.

Дом писателя он нашел быстро.

Огромный двор, куда вела дорога через широкие ворота.

Потом еще какие-то ворота.

Во дворе играли станичные ребятишки.

И тут Виктор обратил внимание, что на крыльце дома стоит сам Шолохов.

Он подошел к нему и сказал:

— Михаил Александрович, вот я, Виктор Лихоносов, приехал познакомиться с вами.

Шолохов тут же отозвался:

— Давно жду!..

281

Критик Вадим Дементьев рассказал, как однажды в составе небольшой группы молодых литераторов он оказался в Нальчике, в гостях у Кайсына Шуваевича Кулиева.

— Среди нас была довольно симпатичная особа. На нее мастер «положил глаз», загорелся и предложил махнуть к нему на родину в Чегем, где все удивительно, где вое первозданно и где один старик делает такие шашлыки, что в мире подобного не сыщешь…

Загрузились мы в микроавтобус и поехали в Чегем…

Дорога вела нас мимо знаменитой грушевой рощи. Остался позади Нальчик. Впереди были горы. Вскоре мы углубились в них.

Кайсын Шуваевич, горя юношеским увлечением к симпатичной особе, был, как говорится, в ударе. Он сыпал шутками, вспоминал интересные истории из давнего и недавнего прошлого.

Вершиной его фантазии было обращение к «даме сердца»:

— А вот тут, над этим ущельем летает лермонтовский Демон.

Он тронул за руку симпатичную особу и поднял глаза вверх.

— Ох, как интересно! — откликнулась та и тоже подняла глаза вверх…

Потом был костер.

Была ночь с яркими звездами, ароматом шашлыка, домашнего вина, красивых тостов…

Но, видимо, не откликнулась дама сердца на молодой порыв известного поэта, хозяина Чегема.

Наутро Кайсын Шуваевич был хмур, малоречив.

Вскоре «оседлали» микроавтобус и поехали назад в Нальчик.

И вот мы в том самом месте, где «летает лермонтовский Демон».

Симпатичная особа обращается к Кулиеву:

— Это здесь летает Демон?

Тот мрачно ответил:

— Демон здесь больше не летает…

282

Однажды в Доме творчества Коктебель мы отдыхали с семьей известного киносценариста Аркадия Инина.

И его жена как-то полушутя, полусерьезно поделилась: — Представляете… Я вышла замуж за харьковчанина Аркадия Гуревича. У нас родился сын Костя и мы его записали на мою девичью фамилию. Он стал Костя Иванов. Аркадий в качестве псевдонима взял мое имя — Инна. А я, как вы понимаете, в семье осталась под фамилией Гуревич… Ну, скажите, разве это справедливо?!..

283

Известная артистка эстрады Мария Владимировна Миронова вспоминала, как во время войны в Ташкенте была приглашена в гости к Анне Андреевне Ахматовой.

Специально для нее поэтесса отварила особый чай, собрала на стол нехитрое снадобье.

Постепенно начал завязываться между ними разговор.

И тут…

Над ними что-то затопало, загрохотало. Да так сильно, что своего голоса не было слышно.

— Что это такое? — прерывая грохот, спросила Мария Владимировна.

Анна Андреевна невозмутимо ответила:

— Вечер антифашистов…

284

Писатель Александр Михайлович Золототрубов, который несколько лет работал у Семена Михайловича Буденного литературным секретарем, помогая маршалу в работе над мемуарами, рассказал про услышанную то ли от самого Буденного, то ли от кого-то из его окружения забавную историю.

Случилось это в канун 20-летия Красной армии.

Перед личным составом какой-то кавалерийской дивизии или корпуса должен был выступить сам Семен Михайлович. Он прибыл в расположение части за несколько минут до начала торжественного вечера. Ему вручили текст выступления, с которым он поднялся на трибуну.

Минут двадцать маршал говорил о славном пути Красной армии и о заслугах перед Родиной кавалерийского подразделения, перед личным составом которого он держал речь.

А между тем речь подошла к заключительной фазе здравиц. И в честь нашей великой Родины, и нашей Армии, и партии во главе с вождем народов мира товарищем Сталиным.

И завершилось выступление словами: «Доклад подготовил майор Козлов». Пауза.

И маршал заключает:

— И кстати херово подготовил!

В ответ послышался смех и бурные, долго несмолкающие аплодисменты…

285

Михаил Семенович Бубеннов вспомнил, как оказался среди группы писателей, которых Никита Сергеевич Хрущев пригласил на одну из встреч, что должна была состояться в загородной резиденции. Речь, как всегда, должна была идти о проблемах литературы и ее рола в жизни социалистического общества.

Писателей разместили в двух комфортабельных автобусах и повезли за город.

Резиденция располагалась в живописном месте, в лесу на берегу не то озера, не то огромного пруда.

У входа их встретили вышколенные молодцы и пригласили в блистающую огнями «прихожую».

Когда все привели себя в порядок после продолжительного пребывания в дороге, их пригласили в банкетный зал. Небольшой, уютный, он был рассчитан как раз на то количество людей, которое прибыло в автобусах.

А вот раздались и первые хлопки.

В президиуме стола появились Никита Сергеевич и его соратники по Президиуму ЦК КПСС.

Он поприветствовал всех и сказал:

— Вот видите, как мы уважаем наших писателей?! Какой мы приготовили вам стол!

А стол действительно был царский.

Хрущев еще что-то сказал об изобилии на столе, но был прерван вопросом Мариетты Сергеевны Шагинян: — А почему в Ереване масла нет?

Хрущев сделал вид, что ничего не произошло и пропустил вопрос писательницы. Но та не успокоилась:

— Почему в Ереване масла нет?

Хрущев сердито бросил:

— Уберите эту старуху!

— Я не старуха, — возмутилась Мариетта Сергеевна, — я Шагинян. А ты кто? Ты кто?

Она резким движением вырвала из уха слуховой аппарат, вышла из-за стола и просидела до конца встречи в автобусе…

286

Писатель Герий Леонтьевич Немченко много интересного рассказывал про своего друга поэта-воронежца Павла Леоновича Мелехина.

— Он был какой-то неприкаянный. Мотался по стране. Часто приезжал ко мне в Кузнецк, где я работал редактором многотиражки. Подолгу жил, публиковался. Потом исчезал. И страдал он почему-то от своей неизвестности. А ведь талантливый был человек, — и Гарий в подтверждение своих слов просит послушать стихи Павла Мелехина:

Без тебя ничего не случилось:
Я не умер, в горячке не слег,
Только будто бы все помрачилось.
И закат опоясал восток.

Только мир, где по-прежнему любят,
Где по-прежнему больно всему,
Ну совсем, ну совсем обезлюдел,
Что и я вроде в нем ни к чему.

Без тебя не случилось несчастье,
Кромке горьких прозрений в душе:
Что со мною до смертного часа
Ничего не случится уже…

Помолчав, Гарий Леонтьевич продолжил:

— А вот был в нем бзик: хотел прославиться. Считал, что для этого непременно должен быть скандал. Но какой?! Жизненные примеры подсказывали — скандал с международным эхом.

И вот сначала он написал в правительство письмо с требованием присвоить ему звание Героя Советского Союза за мужественные разоблачения ответственных чиновников в аппарате Союза писателей. Ответа не последовало и никакого «эха» не прозвучало.

Тогда он направил телеграмму Брежневу, в которой просил предоставить ему гражданство Социалистической Федеративной республики Югославии. И опять никакого ответа.

Наконец, от имени Воронежской писательской организации сам прислал в «Литературную газету» телеграмму о своей кончине. Редакция, не проверив этого факта, поместила

телеграмму в очередном номере…

Жизнь его завершилась трагически — он выбросился из окна многоэтажного дома.

После паузы Гарий Леонтьевич повторил:

— А вообще был очень талантливый человек…

287

Василий Петрович Росляков, возглавлявший одно время секцию прозы столичной писательской организации, рассказал, как принимали в Союз писателей Вильяма Ефимовича Гиллера, главного врача литфондовской поликлиники. В журнале «Знамя» у него был опубликован роман «Тихий тиран». До этого тоже были какие-то публикации. Но не о них шла речь на заседании приемной комиссии.

Речь шла о Гиллере как отзывчивом и добром человеке, который проявляет поистине отеческую заботу о писателях. И второй и третий оппоненты тоже, сказав несколько слов о Вильяме Ефимовиче как авторе романа, тут же переходили к характеристике Гиллера как врача и человека, которого мы знаем уже более четверти века.

И тут слово допросил Павел Филиппович Нилин.

— Я ваще не против Вильяма Ефимовича. Он действительно прекрасный человек и внимательный доктор. Но если уж мы, ваще, полуклинику начали принимать в Союз, то у нас, ваще, есть там люди с большим стажем, чем у Гиллера. В гардеробе, например, Мотя работает уже больше тридцати лет. Так давайте, ваще, его сначала примем в Союз, а уж потом Вильяма Ефимовича Гиллера…

288

Николай Корнеевич Чуковский рассказал о вечере «Цеха поэтов» зимой 1921 года в Доме искусств, где глава «цеха» Николай Степанович Гумилев выполнял роль конферансье.

После Ирины Одоевцевой /Ирины Владимировны Гейнике/ олово было предоставлено Сергею Евгеньевичу Нельдихену-Ауслендеру. Он был высок ростом, тощий, с длинным гоголевским носом.

— И вообще, — говорил Николай Корнеевич, — в его лице было нечто гоголевское, которое он старательно подчеркивал и прической под Гоголя, и особой бархатной пелериной, тоже сделанной «по-гоголевски».

Среди писательской братии он пользовался устойчивой репутацией дурака, хотя, по-моему, он ее не заслуживал. Был он плут, фантазер и чудак. Но, представляя его публике в тот вечер, Гумилев говорил о нем как о дураке.

Примерно так звучали слова Николая Степановича: «Все великие поэты мира до сих пор были умнейшими людьми своего времени. И Гомер, и Вергилий, и Данте, и Ронсар, и Корнель, и Бодлер, и Рембо, и Державин, и Пушкин, и Тютчев заслуженно пользовались не только своим мастерством, но и своим умом. Естественно, что и мир в их поэзии предстал таким, каким видят его умные люди. Но ведь умные люди — это только меньшинство человечества, а большинство его состоит из дураков. До сих пор дураки не имели своих поэтов, и никогда еще мир не был изображен в поэзии таким, каким он представляется дураку. Но вот совершилось чудо, — явился Нельдихен — поэт-дурак. И создал новую поэзию, до него неведомую — поэзию дураков…»

Конечно, это была шутка.

Подобно людям, причем многим людям, лишенным юмора, Гумилев шутил всегда тяжеловесно и двусмысленно…

Кстати и над ним также посмеивались. В частности, в издательстве «Всемирная литература». Вспоминали его строки: «…у озера Чад Изысканный бродит жираф» и обзывали его «изысканным Жирафом».

289

Николай Семенович Тихонов вспоминал о годах своей поэтической юности. В том кругу литераторов, в котором он вращался, не очень-то ценили русскую классику, отдавая предпочтение литературе зарубежной. Правда, иногда признавали прозу Пушкина и Достоевского, последнего признавали великим, но не читали.

Вот как о русской прозе отзывался Владислав Фелицианович Ходасевич, один из тех, кто был очарован необычайным богатством русского стиха. А к прозе относился так:

— Идет дождь, и едет поп на тележке. И дождь скучный-скучный, и тележка скучная-скучная, и поп скучный-скучный. Вот и вся русская проза…

— Хотя, — добавлял Тихонов, — не только Ходасевич относился к современной прозе так.

Недавно вычитал у Гольденвейзера в его книге «Вблизи Толстого» следующее. Толстой делится с ним впечатлением об одном из рассказов Бунина: «Сначала превосходное описание природы — идет дождик — и так написано, что и Тургенев не написал бы, а уж обо мне и говорить нечего. А потом девица — мечтает о нем /Лев Николаевич рассказал вкратце содержание рассказа/. И все это: и глупое чувство девицы, и дождик — все нужно для того, чтобы Бунин написал рассказ. Как обыкновенно, когда не о чем говорить, говорят о погоде, так и писатели: когда не о чем писать, о погоде пишут, а это пора оставить. Ну шел дождик, мог бы и не идти с таким же успехом. Я думаю, что все это в литературе должно кончится. Ведь просто читать больше невозможно».

290

В одном из стихотворений Саша Черный, который сразу же заявил о себе, как превосходный сатирик, начав печататься с 1905 года в журналах «Зритель», «Маски», «Леший», в одном из своих стихотворений упоминал некоего Вакса Калошина. Все понимали, что под этим именем скрывался Максимилиан Александрович Волошин, которого читатели знали по его публикациям в «Весах» В.Брюсова, в журнале «Аполлон».

Но почему Вакс Калошин?

Вот тогда то и вскрылась история о ссоре Гумилева и Максимилиана Волошина, происшедшая на выставке декораций Александра Бенуа за кулисами Мариинского театра. Они так оскорбляли друг друга, что дело не могло не кончиться вызовом на дуэль. Причем вызов был обоюдным. Местом дуэли, конечно же, выбрали Черную речку, потому что, как известно, там дрался Пушкин с Дантесом.

И вот в назначенный час Гумилев с секундантами прибыл к Черной речке. А Макса Волошина не было. Шло время, а он не появлялся. Уж не случилась ли с ним беда?

А случилось следующее. Оставив своего извозчика в Новой Деревне, Волошин отправился к Черной речке пешком. И, утопая в глубоком снегу, потерял калошу. Без калоши он ни за что не соглашался идти дальше. Вместе с секундантами он безуспешно искал пропажу.

Озябший Гумилев, изрядно уставший от ожидания, двинулся навстречу противнику и увидел его вместе со своими секундантами занятым поисками калоши. Он тоже включился в безнадежные поиски.

Калошу так и не нашли, но совместные поиски ее сделали дуэль психологически невозможной. А потому они помирились…

291

Когда в 1928 году А.М.Горький вернулся в СССР, ленинградские писатели по инициативе К.А.Федина решили в его честь своими силами поставить пьесу «На дне».

Константин Александрович обратился к Осипу Мандельштаму с просьбой принять участие в готовящемся мероприятии.

Мандельштам, выслушав просьбу Федина, спросил у него:

— А что, разве там есть роль сорокалетнего еврея?..

292

Узнав о том, что Федор Иванович Тютчев безнадежно болен, император Александр II, до сих пор никогда не бывавший у поэта, решил навестить его.

Об этом доложили Федору Ивановичу.

— Это сообщение, откликнулся он на весть, — приводит меня в большое смущение. В самом деле, будет очень не деликатно, если я не скончаюсь на второй день после посещения его величества.

293

С Олегом Николаевичем Шестинским, долгие годы возглавлявшим Ленинградскую писательскую организацию, я познакомился в Москве, когда он стал секретарем Союза писателей СССР и отвечал в секретариате за работу с молодыми литераторами.

А вскоре мы стали с ним соседями по дому и потому иногда выпадали минуты для неформального общения.

Однажды в руки попала довольно-таки оригинальная книга Сергея Довлатова «Ремесло», где, в частности, меня не то чтобы поразила, но как-то смутила сцена разговора Сергея Донатовича с Даниилом Александровичем Граниным.

«Гранин задумался, потом сказал:

— Только все это не для печати…

Я говорю:

— Может быть. Я не знаю, где советские писатели черпают темы. Все кругом не для печати…

Гранин сказал:

— Вы преувеличиваете. Литератор должен публиковаться. Разумеется, не в ущерб своему таланту. Есть такая щель между совестью и подлостью. В эту щель необходимо проникнуть.

Я набрался храбрости и сказал:

— Мне кажется, рядом с этой щелью волчий капкан установлен.

Наступила тягостная пауза».

Пересказав прочитанное, я спросил у Шестинского, не продиктовано ли столько откровенно негативное отношение Довлатова к Гранину обидой за то, что у него не состоялась писательская судьба на родине.

Олег Николаевич тут же отверг мое предположение:

— Нет, Сергей никогда не определял своего представления о человеке или же о каких-то явлениях жизни чувством обиды и неприятия. Он понимал, что его взгляд на мир никак не согласуется с нормативными установками официоза. Тут дело не «щели» и не в притворстве, а в искреннем приятии того уклада бытия, что сложился в стране.

Я понял, что Олег Николаевич ответил на возможные посягательства и на его литературную удачливость.

Но меня интересовало другое.

Долгие годы в нашей критике одним из ведущих писателей соцреализма считался Даниил Гранин. И я тоже разделял подобный взгляд, А тут из уст его, по словам Довлатова,

слышится призыв к лукавству, притворству и даже к двурушничеству. Это никак не согласовывалось с привычными моими представлениями о Гранине.

Во всяком случае все это я, может, и не связно, изложил Олегу Николаевичу.

— Ты живешь давними, юношескими представлениями о Данииле Гранине. Попробуй перечитай принесшие ему устойчивую известность романы «Искатели», «Иду на грозу», и ты увидишь, что это всего лишь среднестатистические произведения минувшей эпохи, где все соответствовало идейным установкам на изображение новаторов производства, передовых ученых на переднем крае научно-технической революции в их противостоянии карьеристам, консерваторам и прочим нехорошим дядям.

И потом запомни: есть люди, которые обладают удивительной способностью мимикрии, приспосабливаясь к изменившейся обстановке и обстоятельствам. Таковых называют просто — лицемеры.

Но в том-то и дело, что именно такие всегда и во все времена становились в ряды передовых людей эпохи…

294

В подмосковном санатории «Узкое» отдыхали Корней Чуковский и Самуил Яковлевич Маршак. Вскоре туда приехала и Агния Львовна Барто, которая заметила подозрительную вежливость классиков друг к другу.

Они почтительно раскланивались, но прогуливаться предпочитали порознь.

— Мне довезло, — рассказывала Агния Львовна. — Я могла гулять утром с Маршаком, а после ужина — с Чуковским.

А дальше произошло неожиданное.

Из уст молоденькой уборщицы, что прибиралась в комнате Барто, Агния Львовна услышала:

— А вы тоже писательница?

— Да.

— И тоже подрабатываете в зоопарке?

— Почему в зоопарке? — удивилась Агния Львовна.

И выяснилось, что это Самуил Яковлевич поведал наивной девчонке историю о жизни писателей.

Их заработок, говорил Маршак, непостоянный. И когда приходится туго, они идут служить в зоопарк, где изображают разных зверей. Он, Маршак, надевает шкуру тигра, а Чуковский — да, тот самый длинный из десятой комнаты — одевается жирафом.

— Не плохо им платят, — продолжала делиться новостью уборщица, — одному — триста рублей, другому — двести пятьдесят…

Вечером на прогулке Агния Львовна решила насмешить Корнея Ивановича выдумкой Маршака.

— Представляете, — сквозь хохот продолжала она излагать фантастическую байку Маршака, — он тигром работает, а вы — жирафом! Ему — триста, а вам — двести пятьдесят.

Корней Иванович вначале тоже весело смеялся над выдумкой Маршака…

Потом вдруг замолчал.

А потом грустно проговорил:

— Вот всю жизнь так: ему триста, а мне — двести пятьдесят…

295

В 1956 году в Театре-студии киноактера была восстановлена постановка пьесы Николая Робертовича Эрдмана «Мандат». Комедия не ставилась на советской сцене тридцать лет после ее премьеры. Главную роль — роль Павла Гулячкина, который ради того, чтобы его сестра Варвара вышла замуж за сына соседа Сметанича, вынужден был выписать себе мандат, по которому он считался коммунистом, так вот главную роль играл Эраст Гарин.

И тридцать лет спустя он же играл эту роль, о чем поведал Эрдман, выйдя на вызов публики.

На этом спектакле был и я.

Конечно, многое стерлось в памяти. И тем не менее помню, что кто-то из друзей Эрдмана рассказывал историю, связанную с пьесой, с судьбой драматурга…

В те дни, когда режиссер Георгий Александров снимал в Сочи фильм «Веселые ребята» и на съемках присутствовали авторы сценария Н.Эрдман и В.Масс, в Кремле на приеме у Сталина выступал народный артист Качалов Василий Иванович. Он читал басню, в которой говорилось, что в стране бардак, в ней нет места честному человеку.

Выслушав Качалова, Сталин спросил:

— И кто же пишет такие замечательные басни?

Качалов назвал фамилии авторов.

А уже на следующий день или ночь авторов арестовали. Николай Робертович был отправлен осенью 1933 года на поселение в Енисейск.

Когда их усаживали в воронок, Эрдман прочитал товарищу такие строки:

Пришла ЧК к Эзопу
И хвать его за жопу.
Мораль сей басни ясен:
Не нужно больше басен…

Обняв Эраста Павловича, Николай Робертович с теплотой в голосе сказал, что единственный из друзей, кто посетил его в ссылке, был именно Гарин, которому он никогда не забудет этого великого жеста его доброй русской души…

Николай Робертович очень любил свою матушку. И потому писал ей регулярно письма из Енисейска, потом из Томска, подписывая их так:

«Твой Мамин Сибиряк»…

В годы войны Николай Робертович оказался в действующей армии. Был ранен. Его отправили в Саратов в госпиталь. Там произошла его встреча с эвакуированными мхатовцами.

В 1943 году Л.П.Берия решил создать ансамбль песни и пляски вверенных ему войск. И тут он попомнил про «баснописцев», включил их в штат ансамбля для сочинения реприз и сатирических стихов.

Однажды, собираясь на репетицию, Николай Робертович перед зеркалом оправлял «рабочую» форму с петлицами. Неожиданно он обратился к матери:

— Мама, у меня такое ощущение, что за мной опять пришли…

296

Однажды в Доме творчества писателей я оказался на занятиях семинара молодых прозаиков, которым руководил известный писатель Леонид Израильевич Лиходеев.

На занятии обсуждали рассказ одного из участников семинара. И не просто обсуждали, а очень сильно критиковали.

В свое оправдание критикуемый говорил, что все описанное он изведал на самом деле.

— Но ведь это не доказательство, — спорили с ним ребята. — Ты занимался не своим делом. А во-вторых, ничему не веришь из того, что происходит с твоим героем.

Спор, казалось, вскоре должен был перейти в рукопашную.

В него включился Леонид Лиходоев.

Я не хочу никого обидеть. Я всего лишь напомню: что-то испытать — это еще не значит постичь изведанное. Чтобы было понятно, хочу рассказать вам историю моего участия в актерском турне Аркадия Райкина по Закавказью…

Он уговорил меня доводом, что хочет дать несколько не театральных, а литературных вечеров. А поскольку я все-таки связан с сатирой и юмором, с жанрами его театра, то мое дело объяснять публике существо литературного творчества в этих жанрах…

Представьте себе публику, которая пришла на Райкина, а перед ней человек в черной паре, который произносит глубокомысленный доклад о роли Аркадия Райкина в историческом процессе. Меня терпели, но в каждом взгляде я прочитывал одно: «Иди отседа…»

И вот предстояла встреча с учеными-физиками.

Тут я взмолился: они сами все знают, зачем им мои слова. Обойдитесь без меня.

Словом, после непродолжительного спора Райкин согласился.

Вечер шел под аплодисменты.

И вдруг он подошел ко мне за кулисами:

— Подыграй мне! Сделаем скетч.

— Я же не умею. Не мое это дело.

— Подыграй! Это просто. Я спрошу, как тебя зовут, а ты в свою очередь скажешь: «А вас?» И все.

Что было на сцене не помню. Видел только глаза Райкина, который, глядя мне в душу, спросил: «Как тебя зовут?». Я откликнулся: «Как тебя зовут?»

Райкин не отставал:

— Тебя зовут Авас?

Я повторял:

— Тебя зовут Авас?

Тогда Райкин схватил меня за лацканы и то отталкивая от себя, то притягивая к себе, стал работать за двоих. Работал как с бессловесной куклой. Моя актерская бездарность обернулась в свою противоположность благодаря искусству Райкина. Публика ревела от восторга.

Придя за кулисы он сказал:

— А ты говорил — не умею… Это же так просто. Работать надо!

297

Виктор Борисович Шкловский вспоминал:

— Как-то в одном литературном собрании читали шуточные стихи, и Анна Андреевна Ахматова их очень хвалила, называла талантливыми.

Это показалось кому-то несерьезным, и этот, кто-то, заметил:

— Анна Андреевна, ну вы уж больно перехваливаете… Стихи-то шуточные.

Ахматова тут же ответила:

— А все стихи шуточные…

Пост скриптум

На этом неожиданном определении стихов, которое прозвучало из уст Анны Андреевны Ахматовой, хотел поставить точку в своей работе. Но не получилось.

В который раз перебирая бумаги давних лет, неожиданно наткнулся в одном из блокнотов на запись встречи с Константином Георгиевичем Паустовским в Доме детской книги, что состоялась то ли в 1952, то ли в 1953 году, когда я занимался там в семинаре Льва Абрамовича Кассиля. Он нередко приглашал на наши занятия известных писателей.

Константин Георгиевич рассказывал нам об Аркадии Петровиче Гайдаре, с которым они дружили в довоенные годы.

— Самым долгим нашим совместным пребыванием с Гайдаром, — говорил Паустовский, — было лето в селе Солотче, под Рязанью. Жили мы в деревенской избе. Утром я уходил в небольшую баньку, где работал над рукописью своей новой книги. А в окно иногда видел, как по саду бродит Аркадий Гайдар и что-то бормочет. Это так он писал: рассказывал себе очередную главу начатой повести. Если что-то не получалось сразу, вновь возвращался к началу строки, менял слова. А когда добивался желаемого звучания фразы, смеялся весело и задорно.

Но еще больше удивляло то, что он и «читал» свои повести или рассказы не так, как все. Никакой рукописи. Он останавливался посреди комнаты, закладывал руки за спину и, покачиваясь, начинал спокойно и уверенно читать всю повесть наизусть, страница за страницей, можно было не проверять по тексту. Однажды мы попробовали это сделать, поспорив с Аркадием Петровичем, что он не все до конца «прочитывает» по памяти. По условиям пари проигравший должен купить подвесной мотор для лодки. И мы, к сожалению, проиграли. А потому больше с ним не спорили…

Потом Константин Георгиевич поделился с нами еще одной особенностью творческой работы Гайдара. Все его книги были либо продолжением уже происшедшего в жизни события, либо началом возможной жизненной истории.

Года за два до появления его повести «Тимур и его команда» Гайдар однажды зашел ко мне. А у меня в это время сильно болел сын. И мы сбились с ног в поисках необходимого редкого лекарства. Но все усилия найти его были пока безрезультатны.

Узнав об этом, Гайдар подошел к телефону и позвонил к себе домой. Он кому-то поручил прислать по моему адресу всех ребят из их двора.

И вот спустя несколько минут в дверь моей квартиры прозвенел настойчивый звонок. На лестничной площадке стояло с десяток запыхавшихся мальчишек. Гайдар сказал им, что одному тяжело больному мальчику нужно такое лекарство. Он раздал каждому по бумажке, на которой написал название лекарства и разослал их в разных направлениях, наказав звонить о результатах поиска из каждой аптеки. Только минут через сорок раздался таки нужный звонок. Лекарство было куплено в аптеке, что находилась в Марьиной роще.

— Ну что, — спросил меня Гайдар, собираясь уходить, — хорошо работает моя команда?

Тогда-то, думаю я, и родился замысел всем известной доброй и нужной повести Аркадия Петровича «Тимур и его команда»…

Вот теперь-то я завершаю свою работу. И при этом тешу себя мыслью, что в ком-то зароню искру такого же собирательства фольклора творческих людей. Если это случится с кем-то, то да поможет дерзающему Бог в его благом предприятии.

comments

Примечания

1

передняя мачта на судне